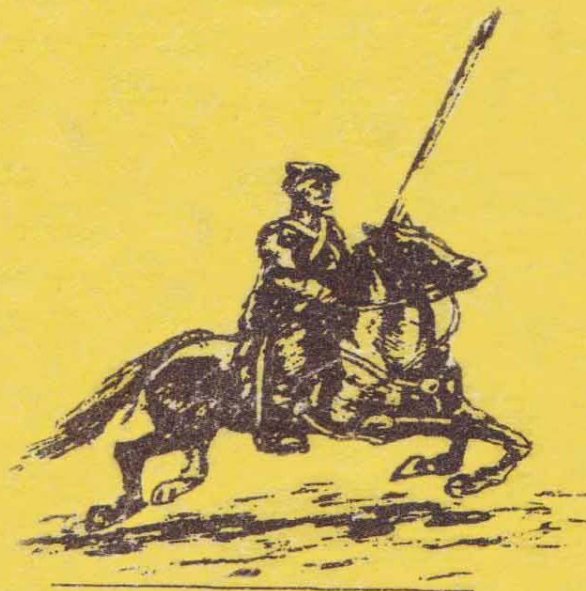

А.В.Глинка А.И.Лазарев

МЕСЯЦИ

оренбургских казаков

А.В. Глинкин А.И. Лазарев

**ПЕСНИ
ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ**

Старые и новые записи

Челябинск 1996

ББК ШЗ 697
Г542

Глинкин А.В., Лазарев А.И.

Песни оренбургских казаков: Старые и новые записи,
Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. 266 с.
ISBN 5-230-19960-1

Книга представляет собой сборник оригинальных народных песен, записанных в наше время на территории Оренбургского казачьего войска. В жанровом и тематическом отношении песни очень разнообразны, отражают историческую, военно-походную и семейно-бытовую жизнь уральского казачества. Во вступительной статье раскрывается своеобразие песенной культуры оренбургских казаков.

Подробный комментарий к текстам поможет специалистам и всем любителям народного творчества ответить на многие вопросы историографического и филологического порядка.

Авторы-составители выражают сердечную благодарность Александру Бобыкину и Наталье Тропашко за помощь в работе над сборником.

Рецензенты: профессор В.А. Вольфович;
доцент, канд.пед.наук Г.А.Губанова

Г 4702010000 — 003 Без объявл.
4К8 (03)—96

ISBN 5-230-19960-1

© Челябинский государственный
университет, 1996

ИСТОРИЯ — ПЕСНЯ, ПЕСНЯ — ДУША КАЗАКА

«Песня — душа народа», — говорил В. Г. Беллинский. «У каждого времени свои песни», — высказывался Геродот «Если хотите быстро познакомиться с каким-либо народом, послушайте его песни», — писал Ромэн Роллан.

Все эти изречения вспоминаются, когда задумываешься о своеобразии песен оренбургского казачества.

Мы не разделяем существующей в некоторых научных и политических кругах точки зрения, что казаки вообще и оренбургские казаки, в частности, представляют собой самостоятельное этническое (национальное) образование. Причем эта точка зрения становится все более популярной и агрессивной.

Вспоминается такой эпизод. Праздновался 30-летний юбилей Копейского хора казачьей песни. Один из нас, выступая с приветствием, поблагодарил певцов и их руководителя А. В. Глишкина за верность русским песенным традициям (хор, наряду с уральскими, исполняет песни донских, кубанских и сибирских казаков). И вот во время перерыва нас окружили бывшие в зрительном зале казаки, одетые по всей форме — в мундирах, в казацких папахах, с саблями на боку, а некоторые даже и с нагайками. Один из них, кстати сказать, бывший наш студент, нервно так спрашивает: «Почему это вы, уважаемый Александр Иванович, считаете, что хор Глишкина пропагандирует русские песенные традиции?» — «А чьи же?» — удивляюсь я. — «Ведь в репертуаре хора исключительно русские песни». — «Не русские, а казачьи!» — закричали окружившие нас мундиры и папахи, а кто-то из них уточнил: «Русские — это русские, а казаки — это казаки!» — «Но ведь хор не поет ни одной песни нагайбакских казаков, мешчерских казаков... Все русское и по-русски...» — «Все равно это казачьи песни, а не русские, даже не украинские!» (Характерно это примечание: даже не «украинские»).

Мы в вопросе происхождения казачества придерживаемся точки зрения, которую отчетливее всего сформулировал В. П. Баканов: «...существуют разные концепции вплоть до происхождения казаков от половцев, погаев, еще каких-то племен выходцев из глубин Азии и Востока. Но наиболее приемлемой является общепризнанная теория: казаки — это русские люди, выходцы из различных областей России, сгруппировавшиеся в вольные ватаги. Иначе чем же объяснить их изначально... русский и украинский языки, православную веру, русские обряды и обычаи» (Баканов, 4). Серьезное обоснование этой позиция получила в трудах В. Ф. Мамонова (ИКУ, с. 5—11)*.

То, что казачество пошло, вероятнее всего, от русского корня, вовсе не означает полной его оторванности от других культур. Было бы, например, неверно отрицать влияние на русских казаков монголо-татар. Современные исследователи этого вопроса А. М. и В. М. Гнеденко, суждения которых во многих других случаях являются спорными, здесь нашли убедительные аргументы: «Скажем, слова «атаман» (тюркского происхождения, корни «ата» — отец и «ман» — темен — 10 тысяч, т. е. темень, командир отряда казаков числом в 10 тысяч), также как «есаул» (с тюркского буквально «распорядитель» или «исполнитель повелений»), «сагайдак» (от тюркского «сагайда» — «козел», ибо, по обычаю, колчан для стрел изготовляли из шкуры козла, натягивая ее на деревянный каркас), «торба» (от тюркского «мешок», «котомка») и т. д. — вошли в казачий обиход с появлением в южной Руси монголо-татар». (За други своя, с. 32—33). Можно было бы привести не мало примеров влияния на культуру казачества со стороны поляков, турок, крымских и казанских татар, башкирцев и др., но это увело бы нас далеко от задач данной статьи. Сейчас подчеркнем только, что казачья культурная (в частности, фольклорная) специфика есть не проявление некой этнической особенности, а результат действия сил социально-исторического характера. Специфика казачьей культуры существовала и развивалась внутри общерусского, общенародного культурного единства и по-своему отражала многослойные, подчас противоречивые процессы в истории крестьянских масс России. (Путилов, с. 14).

Вопрос о своеобразии песен оренбургских казаков предполагает рассмотрение материала в двух важнейших аспектах, а именно: 1) с точки зрения принадлежности к общерусской казачьей, фольклорной традиции и 2) с позиции выявления в нем «област-

* Список принятых в книге сокращений дан в разделе «Комментарии».

Там же даны сведения об исполнителях песен.

ного» начала. Иначе говоря, необходимо понять, что в песнях оренбургских казаков принадлежит казачеству вообще, а что является продуктом собственного творчества. И все это должно быть подчинено одной задаче: выяснить, в какой степени песни оренбургских казаков, зафиксированные в живом бытовании в наше время (1964—1994 гг.), сохраняют общерусские и местные «казачьи» песенные традиции. Решить эту задачу возможно только методом историко-сравнительного анализа. Сопоставление всей массы казачьих песен, записанных на Южном Урале, с соответствующим материалом, который в разное время был зафиксирован на Дону, Кубани, Тереке, в Семиречье и Сибири, даст нам ответ на вопрос об их устойчивости по отношению к общерусской традиции. Особое внимание должно быть уделено сопоставлению песен оренбургских и уральских казаков — этих наиболее близких ветвей в истории казачества; близких, но тем не менее — разных.

Исторический срез песенного наследия оренбургских казаков даст нам представление о его ментальности по отношению к местной традиции. Только так мы можем проследить за судьбой песенных жанров и отдельных произведений, узнать, что из них выдержало испытание временем, что сохранилось без изменений, что трансформировалось и почему, что ^{то}вовсе исчезло из памяти народа.

Трудность исследования состоит в том, что песни оренбургских казаков начали записываться и изучаться фольклористами значительно позднее, чем, скажем, фольклор донских и уральских (яицких) казаков. С творчеством последних русский читатель начал знакомить еще в XVIII веке по собранию разных песен М. Д. Чулкова. Мощный пласт песен уральских казаков содержится в монументальных сборниках П. В. Киреевского, которому передали свои материалы «уральцы» П. И. Якушкин, Н. М. Языков, Л. М. Языков, А. М. Языков, Н. А. Языкова, Е. М. Хомякова, В. И. Даль и др. В XIX веке были опубликованы также ценнейшие сборники песен уральских казаков: И. И. Железнова (1 изд. — 1848), Н. Г. Мякушина (СПб. 1890), А. и В. Железновых (СПб, 1899). А вот первые сведения о песнях оренбургских казаков относятся только к началу XX века. Это публикации А. И. Мякушина (1904—1905) и Ф. П. Баранова (1913). А основной материал, который мы берем для сравнения, записан нами и вовсе в конце XX столетия. Поэтому выводы, вытекающие из такого сопоставления, пугаются в исторической корреляции. Она необходима даже при анализе текстов, содержащихся в сборниках, даты выпуска которых не так уж отдалены друг от друга во времени (Мякушин — 1890, Баранов — 1913). Но какое это было время! И это тоже необходимо учитывать.

Относясь к общей семье казачества, оренбургские казаки все же стояли наособицу. Почему? Во-первых, потому что Оренбургское казачье войско возникло значительно позже других аналогичных образований, исключая Семиречье. Официальной датой рождения Уральского казачьего войска считается 1591 год (За други своя, с 153), а Оренбургское войско получило статус самостоятельного только 12 декабря 1840 года (ИКУ, с 129). Во-вторых, Оренбургское казачье войско с самого начала, т. е. со времени строительства первой Оренбургской оборонительной линии (20—40-е годы XVIII века), формировалось по желанию и под эгидой государства, под руководством властей — не так, как складывалось, например, Донское, Кубанское, Уральское войско: там все начиналось с «вольницы», со стихии, там сначала возникало братство «беглых людей», «удалых разбойников», охранявших границы государства по своему усмотрению, вступивших в конфликты с чужими королями и своими царями, и лишь потом, вследствие разных социально-исторических передраг, подчинившихся узде правительства; дух этой вольности никогда не был ведом оренбургским казакам. В-третьих, самый состав Оренбургского казачьего войска был особенным: он формировался за счет переселения на новые земли, в основном, городских казаков — уфимских, самарских, алексеевских (ИКУ, с. 99), нередко в казачье сословие переводились солдаты и офицеры регулярной русской армии (ИКУ, с. 122—123), пополнялись ряды казаков и за счет крестьян внутренних губерний (там же). Какая-то часть «оренбургцев» вышла из среды яицких казаков, что объясняет, почему в материальной и духовной культуре этих двух групп казачества все-таки много общего. В-четвертых, необходимо учитывать географическое положение Оренбургского казачьего войска, оборонительные линии которого, построенные и во времена И. И. Неплюева (XVIII в.) и во времена В. А. Перовского (XIX в.), недолго бывали пограничными, а от этого ведь зависела психология местного населения, его производственная и бытовая культура. Когда в 1840 году Оренбургское войско получило свою территорию, куда вошли Челябинский, Троицкий, Верхне-Уральский, Орский уезды (ИКУ, с. 129), степные кочевники, так досаждавшие в XVII—XVIII столетиях яицким и сибирским казакам, были оттеснены далеко на юго-восток, и оренбургские казаки несли воинскую службу, в основном, уже далеко от дома.

...Все это вместе взятое не могло не сказаться на содержании и форме местной фольклорной традиции. Диалектика соотношения общерусского и сугубо оренбургского здесь была, конечно, иной, чем, скажем, на Дону, на Тереке и даже на родном Урале.

Жанровый состав песенной лирики оренбургских казаков соответствует общерусской фольклорной традиции и включает в себя исторические песни, баллады, протяжные (проголосные) и «быстрые» (частые) песни, романсы. Функционально все они составляют такой ряд: исторические (не по жанровому, а тематическому признаку), военно-походные, военно-бытовые песни, обрядовые — календарные, семейные (в частности, свадебные), игровые, хороводные, плясовые, обыкновенные лирические песни, т. е. свободные от обряда, от игры (как их называют в Оренбуржье — «гульбищные песни»). Тематическое содержание лирических песен безгранично и отражает все многообразие жизненных положений: любовь и измена, рождение и смерть, разлука и встреча, труд и война, доверие и ревность, молодость и старость... Все это характерно для русской песенной традиции вообще и для казачьей — в частности. Песни оренбургских казаков на этом обобщенном уровне ничем не отличаются от песен донских и уральских. Без сомнения, это **русская традиция**. Но идейно-художественное выражение каждого конкретного произведения отличается своими особенностями либо в жанровом, либо в функционально-бытовом, либо в идейно-тематическом, либо в формально-поэтическом плане.

Наибольший интерес для нас представляют исторические песни, ибо их содержание по самой природе жанра связано с конкретным историческим временем и пространством, поэтому их изучение под углом зрения ментальности может дать больше, чем исследование любого другого вида песенного творчества.

Если судить по записям второй половины XX века (экспедиции Челябинского государственного университета 1977—1993 гг.), то можно утверждать: историческая песня в классическом своем виде вымирает. Нами записаны в Варненском, Чесменском, Верхне-Уральском районах песни о Петре I, Игнатии Некрасове, Степане Разине и Пугачеве, даже о таких не очень популярных исторических фигурах, как генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич (1782—1856) или оренбургский военный губернатор Г. С. Волконский (1742—1824; губернаторствовал в Оренбурге в 1803—1807 гг.). Но почти все эти песни нами зафиксированы в полуразрушенном, маловразумительном состоянии. Вот, например, как звучит в наше время песня о князе Г. С. Волконском

На заре было, да на восходике
Солнца кра... эх, солнца красного.
Собиралися все братцы, да ну казаченьки, да
Они во еди... во един... эх, во единый круг
Во кругу стоял, стоял у казачеников,

Стоял раздви... раздвиже... эх, раздвиженный стол
Раздвиженный стол, да за столом сидел,
Сидел у казачеников, сидел эх, сам Волконский
князь.

Вот и весь текст. В памяти бреднищев (от них был записан этот вариант песни) сохранилось глухое воспоминание о губернаторе, о его непонятном для них конфликте с казаками, продолжения песни никто из старожилов этого села не помнит. А вот уральские казаки, судя по публикациям Н. Г. Мякушина (РИЦ, с. 312—313) и А. и В. Железновых (Железновы, с. 42—43), в конце XIX века хорошо помнили и самую песню и обстоятельства, ее породившие. В песне отразились события, связанные с введением Нового положения об Уральском казачьем войске, по которому ограничивалась его самостоятельность. Казаки воспротивились введению Положения и начали добиваться его отмены. Особенно упорно отстаивал права казаков атаман Ефим Иванович Павлов, который собственно и является героем песни как антипод Волконского. Волнения казаков были подавлены в ноябре 1804 года войсками, которыми командовал сам губернатор. Е. И. Павлов и наиболее активные его приверженцы были арестованы и по этапу отправлены на новое место жительства — в Сибирь. Это событие больно отозвалось в сознании уральских казаков, поэтому они пели о нем со всеми подробностями. Продолжение песни таково:

Сидит сам Волконский — князь,
Перед ним-то стоит у казаченьков,
Стоит сам Павлов — казак,
Стоит сам Павлов — казак.
Он стоит, стоит разудаленький,
Сам не тряхнется, не ворохнется,
Сам не тряхнется, не ворохнется,
И русые его кудерушки не шелохнутся.
Как не бьют его и не ругают,
Его крепко спрашивают:
«— Ты скажи, скажи, разудаленький,
Расскажи ты правду-истину,
Расскажи ты правду-истину,
Ты какого роду-племени,
Ты не царь ли какой,
Али какой-нибудь сын княжеский?
Али прислан ты, добрый молодец,
Из иной земли, к подговору нас?
Аль пришел ты к нам ты послом каким?»

И добрый молодец разудаленький
Стал ответ держать перед допросчиком:
— Не тебе б меня, добра молодца,
Не тебе б меня здесь допрашивать,
А не мне бы, разудалому,
На твои речи ответ сказывать,
Правду-истину поведовать,
А спроси-ка нас сам батюшка,
Православный царь,
Я б сказал правду-истину!

В песне обращают на себя внимание такие моменты: 1) открытое противопоставление Павлова и Волконского не в пользу последнего (казак, хотя и поставлен насильственно в униженное положение — князь сидит, он стоит,—полон гордого достоинства, вся его фигура дышит силой и красотой); 2) выражение обычной для простого народа веры в доброго царя-батюшку (и Павлов, и казаки не верят, что Новое положение об Уральском казачьем войске подписал царь Александр I); 3) следование народным песенным традициям, подчиняясь которым певцы используют известные художественные приемы: начинается песня с запева в виде символической картины природы («На заре-то было, все на зореньке..»), образ Павлова явно романтизируется в соответствии с народной эстетикой («стоит разудаленький, сам не тряхнется, не ворохнется, И русы его кудеряшки не шелохнутся»), используются привычные для народной лирики словесные образы и приемы («правда-истина», «добрый молодец», «роду-племени» и т. д.).

Мы видим, что песня, возникшая на местном материале, целиком находится в русле русской песенной традиции. Это и обеспечило ей, видимо, широкую популярность: она фиксировалась неоднократно и в разных местах, дожила, хоть и в усеченном виде, до наших дней и служит одним из доводов в пользу ментальности казачьих песен.

В начале века оренбургские казаки помнили об очень глубоких фактах истории: в сборнике Ф. Н. Баранова находим редкие песни о Степане Разине («Во Кремле, Кремле, славном был городе»), о походах атаманов Нечая и Шамая на Хиву («Грянем грудью на неверных»), о частых взаимных набегах киргиз-кайсаков и русских казаков в приграничных районах зауральских степей («Как за реченькой за Утвой», «Пыль клубится по дорожке» и др.), о Семилетней войне с Пруссией («Прусский король ведет армию»), с Турцией («Татарские мурзы узнают о победах русских», «Взятие Измаила»), с Наполеоном («Французы в Москве», «Русские

войска получают приказ готовиться к сражению»), и т. д. В песнях упоминаются и выдающиеся исторические личности (Петр I, Ст. Разин, Пугачев, Суворов, Кутузов, Платов, Перовский), и мало кому известные генерал-майор Степцов (герой походов в Среднюю Азию), и пекий полковник Беляков (командир одного из двух полков, снаряженных оренбуржцами для участия в войне с Наполеоном и погибшего под Парижем), незадачливый князь Иловайский («Князь Иловайский проиграл Дон»), и ничем вроде бы непримечательный есаул И. В. Падуров, ведущий полк оренбургских казаков против турецкого султана (1829 г.) — («Полк Падурова в походе» и др.

Само собой разумеется, что выдающиеся личности являются одинаково героями донских, уральских и оренбургских песен. Об их общности свидетельствует одни и те же сюжеты песен, одни и те же приемы раскрытия образа. Если мы сравним, например, «областные» варианты песен о сынке Степана Разина или об Игнатии Некрасове, то никаких принципиальных различий в них не найдем. различия наблюдаются лишь по линии глубины разработки сюжета, полноты текста, завершенности композиции. Столь же естественно, почему в репертуаре уральских казаков, не говоря уж о других, мы не найдем песен о Степцове и Падурове: с ними связан менталитет сугубо оренбургских песен.

Но и по отношению к всенародно известным событиям и историческим лицам полной идентичности оренбургских и уральских песен нет. Существует вполне объяснимая социально-историческими причинами избирательность. Бросается в глаза, что, по сравнению с донским и уральским репертуаром, в составе исторических песен, бытовавших и бытующих среди оренбургских казаков, значительно реже встречаются песни «вольницы», и даже Степан Разин, «самое поэтическое лицо русской истории», воспевается здесь не столь часто и дружно, как на Дону или на Нижнем Урале. «Яицкие казаки, кажется, не очень-то любили Разина» (ИКУ, с. 41). Эти слова В. Ф. Мамонова еще в большей степени относятся к оренбуржцам. Даже в старинных сборниках Мякутина и Баранова песен о Разине поразительно мало, в то время, как у Мякутина и Железновых они занимают довольно значительное место: сказываются, видимо, традиции вольнолюбия яицких казаков. Еще более заметен этот контраст применительно к образу Пугачева. В собрании Баранова песен о предводителе крестьянской войны 1773—1775 гг. вообще нет, у Мякутина это событие представлено сюжетами, только косвенно относящимися к Пугачеву («Князь Иловайский проиграл Дон»). Тем не менее среди яицких казаков

песни о Пугачеве были широко распространены и получили отражение в публикациях П. В. Киреевского, использовавшего записи А. С. Пушкина, В. И. Даля, П. М. Языкова и др. (ПСП, с. 138, 343, 346, 449—451)

И, наоборот, в исторических песнях оренбургских казаков часто встречаются такие образы и сюжеты, которые либо совсем отсутствуют, либо попадают сравнительно редко в песенном творчестве других региональных групп казачества. Оренбуржцы питали явную симпатию к Александру I, память о котором была не очень благоприятна в других слоях населения России. В общерусской традиции имеется, пожалуй, один сюжет об этом царе: в столицу приходит весть о смерти Александра Павловича. Причем в вариантах этого сюжета, записанных в центральных районах России, а также от уральских и донских казаков, обращает на себя внимание нейтральность общего тона песни, будто бы полученное известие никого не потрясло. Просто констатируется, что «Александр-император в Таганроге жизнь скончал», что «двенадцать генералов на главах царя несут» (РИП, с. 355).

Оренбургские варианты, напротив, выражают настроение подавленности, неподдельной печали людей, услышавших траурное известие. Они выспрашивают курьера, принесшего печальную весть:

— Ты, курьер ли, паш курьерчик,
Ты постой-ка, погоди.
Ты постой-ка, погоди.
Всю нам правду расскажи...

И курьер, понимая настроение людей, обращается к ним со словами причета:

— Вы снимайте-ка цветны платья,
Надевайте черноту,
Надевайте черноту,
Всю вам правду расскажу... (Баранов, т. 2, № 22)

В другом оренбургском варианте песни вместо холодноватого сообщения «Александр-император в Таганроге жизнь скончал», мы видим строчки, дышащие печалью и теплотой: «Помер, помер царь наш Александр, в Таганроге жизнь кончал» (Баранов, т. 2, № 20).

И в том, и в другом оренбургском варианте песни заметна тенденция сближения царя с казачьей средой, что помимо определен-

ной социальной идеи несет в себе и эффективную эмоциональную нагрузку: царь из высоких и недоступных восприятию простого человека сфер переносится в привычную для казака среду; в первом из названных вариантов царь именуется даже «атаманом». Выразителен и финал этой песни: гроб с телом царя несут не только двенадцать генералов и министров, но и двенадцать ссаулов. Как это положено в казацкой среде, когда хоронят товарища-героя, над телом государя развевается «царское знамя», а позади идет «разворонный его конь, к земле голову склонил». В другом рассмотренном варианте обращают на себя внимание такие бытовые подробности: Александр, уезжая «свою армию смотреть» (дается чисто воинская мотивировка поездки царя в Таганрог), обещался «к Рождеству домой прибыть», но долго не возвращался, так что «Его матушка родима стосковалася по нем» (явное проявление художественной песенной традиции), и особенно примечательно: «Молода его хозяйка день и ночь она не спит» (царица — «хозяйка» — вот где отчетливо выразилась казацко-крестьянская психология творцов песни). Можно ли такую трансформацию известной русской песни рассматривать как порчу? Едва ли. В стилистическом смысле песня, конечно, кое-что потеряла, но что-то и приобрела, — искренность и непосредственность чувства. Разве это плохо?

По этим примерам можно судить о характере переработки общероссийского текста в конкретной социальной среде, о том, как общеказачья песенная ментальность обрывается, сливается с ментальностью областной, региональной.

Шел и обратный процесс: песня, возникшая в относительно замкнутой среде, обретала крылья и становилась достоянием всего народа. Это случалось, когда в ней запечатлевался исторический факт, имевший влияние на судьбы множества людей и несший в себе типическое начало, т. е. все описанное в песне, хотя и случилось с небольшой группой лиц и в каком-то особом географическом пространстве, но по обстоятельствам и настроению близкое и понятное каждому человеку, пережившему нечто подобное, пусть и в другое время, и в другом месте.

Тяжелое время завоевания Средней Азии в середине прошлого века легло, в основном, на плечи уральского и оренбургского казачества. Но творили они общенародное дело. Поэтому и песни, возникшие в их среде («Поход к Сырдарье», «Набег кочевников на Екатерининский форпост», «Дуниковский отряд прикрасил путь за Дарью-реку», «Поход под Кукай-город» и др.), распространились повсеместно, умножая не только воинскую, но и песенную славу их творцов.

Нужно особенно оговорить одно важное обстоятельство: все исторические песни, либо заимствованные, либо сложенные оренбургскими казаками, всегда остаются верными русской песенной традиции. Новое или трансформированное содержание песни всегда накладывается на привычную основу. В песне «Как за реченькой за Утвой», сложенной, без сомнения, оренбургскими казаками во время их драматического утверждения на новых оборонительных рубежах (Утва-река в Западно-Казахстанской области, левый приток Урала), удивительным образом претворилась и приобрела дополнительную эмоциональную силу старая и широко известная русская солдатская песня «Орана шведская пашня» (Выходцев, № 561). То и дело в песнях оренбургских казаков мы встречаем знакомые сюжетные мотивы и образы, например: «У огня-то, огня бел шатер стоит, как во шатрике послан ковер шелковый, на ковре-то лежит тело белое» или: «Собиралось все войско донское во единый круг...». Ментальность традиции настолько велика, что мотив «казацкого круга» звучит по логике даже не к месту. Так, в песне «Крымская орда идет на Азов» мы встречаем описание чисто казацкого обычая, но применительно к татарскому войску: «Собиралась орда крымская во единый круг, во единый круг орда крымская, на зеленый луг» (РИП, с. 144).

Для истории всего русского фольклора характерна следующая тенденция: по мере приближения к нашим дням эпическое начало в нем все более и более уступает место лирическому, и вместе с этим снижается интерес сперва к эпическому герою, а затем и к историческому. Из исторических песен уходят описания конкретных исторических событий и лиц, географические и именные реалии: в старинных песнях, бытовавших по инерции в XIX—XX веках, фамилии исторических деятелей и полководцев искажаются, изменяются почти до неузнаваемости и в конце концов совсем забываются. Этот процесс наблюдается и в исторических песнях оренбургских казаков. Фамилия «Волконский» заменяется на «Волконского», генерал-фельдмаршал Паскевич именуется то «Пашкевич», то «Паскевский», то даже «Пистальгорс» (?). Искажается сама логика событий. В песне «На заре-то было», записанной Барановым в начале нашего столетия и связанной, видимо, с фактами из истории Семилетней войны (оренбургские казаки участвовали в этом походе), мы встречаем две невообразимые строчки: они объединяют в одном походном строю двух деятелей, которые никогда не были и не могли быть вместе:

Наперед-то идет сам прусский король,

А за ним-то идет сам Перовский — князь (Баранов, т. 2, № 25)

В исторических песнях, сохранившихся до наших дней и зафиксированных экспедициями ЧелГУ, конкретные имена встречаются очень редко, и порой только по традиционному сюжету можно догадаться, что когда-то в песне фигурировал не просто «царь», а Петр Первый, не просто «атаман», а либо Разин, либо Пугачев.

Все эти факты нельзя рассматривать, как свидетельство угасания у народа интереса к истории или как утрату, например, качества своего менталитета. Во всем этом сказывается определенная историко-эстетическая закономерность — в связи с ростом народного самосознания основное внимание в песне сосредоточивается не на описании исторического события и переживаний и поступков «атаманов», «вождей», «предводителей», а на воспроизведении мыслей и чувств лирического героя — рядового участника события, трудами и кровью которого добывались все победы, испались все поражения. С непреложной последовательностью исторические песни вытеснялись военно-походной и военно-бытовой песенной лирикой. Историческая и ментальная значимость последней несколько не меньше прежних исторических песен.

* * *

Военно-походные песни оренбургских казаков (по-своему тоже исторические) отразили все перипетии трудной и опасной их жизни, бросавшей «удальцов», «лихих усачей» то в дикие степи киргиз-кайсацкой орды, то на заснеженные хребты Кавказа, то еще дальше — в пределы турецкого Закавказья, «знойного» Крыма, на берега Дуная. Все дороги российской, царской экспансии усыпаны костями оренбургских казаков, политы их кровью. Естественно, что главными темами песен стали: расставание с родным домом, с женами, матерями, детьми («Поехал казак на чужбину далеку», «Поехал казак на сером коне» и др.), тоска молодца по родной стороне, куда он готов лететь вместе с перелетными птицами «вместе с ветром-вихорем» («Как по синему по моречку»), раздумья тяжело раненного казака перед смертью, его просьба к коню, чтобы он передал «привет отцу, матери родной» («Под ракиток зеленой»).

Песни точно передают психологическое состояние героев: жена, провожая на войну любимого мужа, смотрит, как он отдаляется от нее по дороге, и вдруг отчетливо осознает, что никогда его больше не увидит; казак, умирая на поле битвы, видит, как над ним кружит «ворон роковой», и понимает, что скоро станет его добычей; мать среди ночи просыпается от предчувствия и зажигает лампаду, не подозревая, что сын скакал к ней на побывку и был

убит почти что у самого дома («Доля казака»); санитарка Таня, увидев в госпитале труп, накрытый кисеей, как будто по чьей-то подсказке приподнимает ее и узнает своего возлюбленного, с неистовым отчаянием она тормозит его, просит «проснуться», «сесть на коня вороного» и помчаться домой — «ведь ты такой чернобровый», «такой молодой».

Конечно, трагические и драматические темы не исчерпывают всего богатства идейно-художественного содержания казачьих песен. Главное в них — выражение лихой казачьей удали, мужества и доблести, готовности умереть «за царя и Отечество» («За Уралом, за рекой», «Из-за леса копия мечей» и др.). Часто песни просто воспроизводят походные и фронтовые будни, рассказывают опять-таки о драматических обстоятельствах и всяких «случайностях», которые подстерегают казака на каждом шагу нелегкой службы («На посту стоял» и др.). В некоторых песнях возникают мотивы сомнения в правоте осуществляемых ими деяний, звучит нота отчаяния, безнадежности.

Пропадем мы ни за что,
Жизнь наша — копейка.
Э-гей..
Жизнь наша — копейка.
(«За Уралом, за рекой»).

Очень часто проклинаят «чужую сторону» и «службу царскую».

Поэтика военно-походных и военно-бытовых песен оренбургских казаков отличается от художественно-стилистических особенностей исторических песен: в них нет эпической величавости, неспешного развития сюжета. Нет и старинной, былинной лексики. Новые песни проще, динамичнее, реалистичнее. На первый взгляд, они могут показаться и менее поэтичными, далекими от художественного совершенства. Но это не так. Просто подтверждается правило: новое время — новые песни. У них своя выразительность, своя символика. По силе эмоционального воздействия они даже превосходят классические исторические песни. разве оставит кого-нибудь равнодушным финал одной казачьей песни, рассказывающей о том, как турки убили казака, над телом «тем белым надругались», «ох, и вскрыли ему, добру молодцу, они саблей грудь, вынимали из доброго молодца его сердце храброе». И вот финал:

На ноже оно, сердце храброе,
Встрепенулося,
Над злодеями над ретивыми
Усмехнулося..

Но и подчиняясь новой эстетике, военно-походные и военно-бытовые песни оренбургских казаков сохраняли верность старым русским и казачьим песенным традициям, что можно подтвердить множеством примеров, когда новая песня включает в себя привычные образы «пути-дороженьки», «степи широкой», «моря синего», «быстрого ясного сокола» и т. д., когда сюжетные мотивы, знакомые нам по песням об Иване Грозном или Сагайдачном, предстают в новом качестве в песнях оренбургских казаков о походе «полка Падурова» или «атамана Дуниковского» «за Дарью-реку».

Ментальность военно-исторических песен оренбургских казаков есть выражение силы и устойчивости русских песенных традиций.

Выше упоминалось о месте и значении темы удальства и «вольности» в песенном творчестве русского казачества. Словосочетание «удалой казак» настолько утвердилось в нашем сознании, что в отрыве друг от друга оба понятия нами как будто и не воспринимаются. Прав был В. Г. Белинский, когда писал: «Что такое казак, как не удальцы, промышлявшие на Волге, чем Бог послал, и что такое были удальцы, как не казаки, только не имевшие определенной места для жительства» (Белинский, т. 4, с. 265). Великий критик объяснил и причины, вызвавшие к жизни особый тип русского человека, названного татарским словом «казак». Существование «удальцов», — писал Белинский, — не было улегитимировано правительственной властью, не было улегитимировано общественным мнением, — и потому в одной песне они сами про себя говорят:

Мы не воры, — не разбойнички,
Атамановы мы работнички. (Там же).

И во всем этом «было виновато неустройство и шаткость общественного здания. Стесненность и ограниченность условий общественной жизни, безусловная зависимость слабого и бедного от произвола сильного и богатого. Все это заставляло людей, чаще всего с сильными натурами, искать какого бы то ни было выхода из тесноты и духоты на простор и приволье души. Низовые страны, особенно степи, прилегающие к Волге и Дону, давали полную возможность для подвигов удальства и молодечества. И наши удальцы того времени никогда не были ни казаками, ни разбойниками, а всегда тем и другим вместе: они были басурманов, оберегали границы и иногда, при стесненных обстоятельствах, грабили посланников царских, и бояр, и кто попадетя. Подвиги этих витязей такого рода никогда не были запечатлены ни зверством, ни жестокостью, они были удальцы и молодцы, а не злодеи... В пес

нях о Ермаке лучшее доказательство справедливости всего сказанного нами об удалых казаках (Белинский, с. 265—266).

Все сказанное Белинским о казаках вообще и об их песнях в частности нельзя полностью отнести к оренбургским казакам, потому что, как было уже объяснено, они, в отличие от других групп «русской-украинской вольницы», с самого начала своего существования были «улегитимированы» властями. И все же дух удалства, молодечества свойствен песням оренбургских казаков не в меньшей мере, чем в других местах. Песни, которые публикуются нами (такие, например, как «Слобода-слободушка», «Ты взойди-ко, взойди, солнце красное», «Ой-да, ты пролей-ка, пролей, сильный дождичек» и др.), подтверждают это полностью, в чем нельзя не видеть торжества народной песенной традиции. Из жизни, из быта оренбуржцев совершенно ушли «воровские» походы, им не грозили «царские воеводы», их атаман носил либо генеральские, либо офицерские погоны и тем не менее они с таким же удовольствием, как донцы или уральцы, поют о дерзких и не всегда благородных подвигах своих предков, нападавших на «бусы — царские корабли» на «Волге-матушке реке», грабивших басурманские суда на «Хвалынском море», не признававших над собой ничьих законов, кроме установлений «казацкого круга». Конечно, эти песни любили не без причины. В них получала выражение душа человека, привыкшего к тревожной воинской жизни, которому не чужды были также и общенародные идеалы свободы, вольнолюбия. Не случайно они повторяют не раз и не два, а очень часто общерусскую песенную формулу: «Мы не воры, не разбойнички — Степьки Разина мы работнички» («Ты пролей-пролей, сильный дождичек»). В собственных песнях оренбургских казаков их удалая душа находила выражение в мотивах, связанных с набегами на расположенные в степи и угрожавшие станицам орды кочевников (см. «Пыль, клубится» и др.), с другими воинскими приключениями, которые волновали казачью кровь и будоражили воображение («Молодцу-казаку не о чем тужить», «Ой, да вспомним, братцы» и др.).

Мотивы социального протеста в песнях оренбургских казаков ослаблены, но все же присутствуют. Особенно показательны в этом отношении песни, посвященные некрасовцам — донским казакам, сподвижникам К. А. Булавина, которые после гибели последнего вынуждены были уйти с Дона на Кубань, где основали своеобразную «казачью республику», просуществовавшую до 1740 года, когда из-за угрозы полного уничтожения царскими карателями ссылались с места и переселились на постоянное жительство в Турцию (их потомки вернулись на Родину после окончания второй

мировой войны в 1945 году). Песня, публикуемая в данном сборнике — «Некрасовцы», весь пафос протеста направляет на князя Долгорукова, который своими «облыжными» указами прекращал казачьи вольности, нарушал их демократические законы (велел «молодых ребят, добрых молодцев» во солдаты брать, старых людей — «на калечный двор», т. е. насильно отправлял в дома для престарелых, «красных девушек — на фабричный двор»). Особенно возмутила войско Донское та жестокость, с которой «Долгоруков-князь» подавлял волю непокорных: приказал каждого «десятого добра молодца казнить-вешати». Войдя в репертуар оренбургских казаков по традиции, эта песня, несомненно, отражала настроение определенной части оренбургского казачества, по отношению к которому власти также не раз совершали акты несправедливости и зла. Фигура «Долгорукова-князя», прообразом которого, как известно, были два исторических лица — братья Ю. В. и В. В. Долгорукие, посланные царем для подавления бунта донских казаков, стала в устном бытовании нарицательной и означала художественное обобщение любого насильника, представителя власти, враждебного простому народу. Напротив, Игнатий Некрасов выступает в роли народного заступника, благородного рыцаря, защитника обездоленных. Все это было характерно для русской фольклорной традиции, поэтому оно и вошло в художественную память оренбургских казаков.

Символом казачьей вольности в песнях у одних была Волга, у других — Дон, у третьих — Яик. Ох, с какой любовью уральские казаки воспевали свою любимую реку:

Яик, ты наш Яикушка,
Яик, сын Горынович.
Про тебя-ли, про Яикушку,
Идет слава добрая,
Про тебя-ли, про Горыныча,
Идет речь хорошая.
Золочено у Яикушки
Его было донышко,
Серебряны у Горыныча
Его круты бережки.
Изрыл же ты, выкопал,
Все горушки-долушки,
Среди себя повыметал
Часты, мелки острова.
Со вершин взялся Яикушка,
Бежишь вплоть до устьяца,

До славного до моря,
До моря до Каспицкого,
До славного до города
Бежишь ты до Гурьева.
Выпадал ты за Гурьевым,
Батюшка, во сине-моря,
До славного до острова,
До острова до Камынина.
На острове на Камынине
Живут старцы старые,
Там по девяносту лет.
Во ладу старцы старые
С ордой покоренною,
Золотой ордой...

(Железновы, с. 103—104).

Следы этой прекрасной песни мы напрасно искали в памяти современных оренбургских казаков — никакого намека. Но нет ее и в сборниках А. И. Мякутина и Ф. Н. Баранова, то есть в начале нашего века станичники Оренбургского казачьего войска не пели забыли или вовсе не знали — эту славу в честь реки-кормилицы, реки-хранительницы. Но это и не удивительно: для жителей Челябинского, Троицкого уездов, даже — для Верхнеуральской крепости, стоявшей на «золотой реке», она никогда не играла такой роли, как для казаков-уральцев, которые действительно заслуженно боготворили ее, дававшую им сказочно богатые уловы ценных пород рыб — осетра, севрюги, муксуна. В северных районах Южного Урала и в Зауралье Яик никогда не был и пограничной рекой. Поэтому для местных жителей воспевание реки не имело смысла, и Урал (Яик) выступает в их песенном творчестве только лишь как географическое понятие, обозначение которого дает представление о громадности края, о суровости местной жизни. И еще: река Урал выступает в песнях вместо привычного для русской фольклорной традиции образа «пути-дороженьки», уплыть по Уралу — значит уйти в «чужую — дальнюю сторонушку», значит — уйти на войну. Образ реки стал символом разлуки.

Военно-бытовой уклад жизни оренбургских казаков постепенно терял свои специфические черты. Происходило это, с одной стороны, из-за удаленности от зон боевых действий, с другой — из-за искусственного внедрения в казачью среду переселенцев разных сословий, в результате чего быт оренбургских станиц — чисто внешне — мало чем отличался от быта русских деревень и сел, расположенных где-нибудь на Рязанщине или Тамбовщине, да и тут же — на Урале. По мере расширения и активизации этого процес-

са военно-походная и военно-бытовая лирика все более и более сдавала свои позиции, уступая место семейно-бытовым и любовным песням.

Речь идет не о вымирании военной лирики. Многие ее образцы, как мы могли убедиться, дожили до наших дней, благополучно миновав времена, враждебные казачеству и его песенному творчеству. При этом необходимо учитывать, что за годы Советской власти совершенно преобразился быт казаков, в котором совершенно не осталось следов «военизации». И все же память народная сохранила молву о былой воинской славе и доблести оренбургского казачества, равно как и его мужественные боевые песни. Речь идет лишь о сокращении удельного веса таких песен в художественной культуре станичников, о естественном наступлении лирики другого рода, более соответствующей новому времени и изменившимся условиям жизни. При этом нужно особенно подчеркнуть, что означенный процесс начался задолго до Октябрьской революции, потому что в сборниках А. И. Мякутина и Ф. Н. Баранова, отразивших песенный репертуар оренбургских казаков конца XIX — начала XX вв., песни социально-бытового содержания уже явно преобладают.

С другой стороны, в советское время многие военно-походные песни казаков были переделаны на новый лад и рассказывали о перипетиях революции и гражданской войны, о подвигах советских людей в страшные дни сражения с фашистскими захватчиками. В этих песнях воспеваются мужество и доблесть «красного казачества», его прославленные герои — Буденный, Иван Каширин («Из-за леса, леса кония мечей»), а также безымянные бойцы, погибшие «за советскую границу, под советскую звездой» («Под ракитой зеленой»). Отразили песни и трагическую историческую коллизию: разделение казачества в годы гражданской войны на два враждующих стана — «белых» и «красных». Нельзя и сегодня равнодушно слушать песню о двух родных братьях, сошедшихся с противоположных сторон в кровавом бою и убивших друг друга («Два брата»). В разных вариантах эта песня занесывалась нами в Верхнеуральском, Чесменском, Варшенинском районах.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. военно-бытовая и военно-походная лирика казачества получила дополнительный импульс для своего развития: теперь песни создавались, опираясь не только на традиционную основу, но и на творчество талантливых советских композиторов, поднявших песенную культуру народа на новый качественный уровень (достаточно вспомнить такие песни, как «Вьется, вьется вдаль моя дороженька», «Каза

ки, казаки» и др. Видимо, и впредь военно-патриотическая песенная лирика оренбургских казаков будет развиваться на этой основе.

* * *

Социально-бытовые песни оренбургских казаков — это обыкновенные русские народные песни. Записанные в казачьих районах Южного Урала, они практически ничем не отличаются от общерусской песенной традиции. Характеризуя эту традицию, В. Г. Белинский писал, что в народных песнях звучат главным образом следующие мотивы: жалоба женщины, разлученной с «милым сердцем», «воспоминание о милой», «ропот на горькую долю молодецкую»... «Таково, — заключал он, — по большей части, содержание всех русских народных песен». (Белинский, т. 5, с. 329) Более развернутую характеристику этой традиции дал Н. А. Добролюбов. «У нас народ, — писал он, — сопровождает пением все торжественные случаи своей жизни, всякое дело, всякое веселье и печаль. Еще в колыбели дети убаюкиваются песнями, подрастая, они сами выучиваются напевать народные песни. Собирается зимой молодежь крестьянская на посиделки, и здесь раздаются песни, приходит весна, выходят поселяне встречать ее, составляют хоры, завивают венки и при этом непременно поют песни. Едет крестьянин пахать землю, он облегчает труд своей песней... Песня сопровождает поселянина во всех его общественных трудах, она же следует за ним и в семейную жизнь его. Но у нас мало веселых. Большая часть наших народных песен отличается тяжелой грустью. То в них плачет мать по сыне или невеста по жениху, то молодая жена жалуется на суровость мужа и злость свекрови, то добрый молодец на чужой дальней стороне тоскует по родине, в разлуке со всеми милыми его сердцу, то бедняк, убитый своим горем, сокрушается, что ничего не имеет и живет в презрении. Во всем видно желание чего-то, стремление к какой-то лучшей доле... Все полно тихой грусти, часто переходящей в горькую прощную, а иногда разрешающейся отчаянным удалым порывом» (Добролюбов, т. 1, с. 125—126).

Изложенные характеристики русской песенной традиции в полной мере приложены к песням оренбургских казаков. Их семейно-бытовая лирика включает в себя прежде всего произведения на любовную тему. Как и на всей Руси, казаки (а по большей части — казачки) поют о счастливой любви и несчастливой. Любовь лишает человека покоя, сна, но она приятна сердцу, наполняет доброго молодца или красную девицу сознанием полноты жизни, делает их счастливыми («Соловей-соловьешек», «Во субботу, день не-

настный» и др.). И безмерно горе девушки, если милый по какой-либо причине изменяет ей, уходит к другой. («Со вечера дождь идет», «Ой, там на горе» и пр.). Счастливая любовь разливает «зарю-зарницу» по щекам возлюбленных, и без того красивое «личико белое, разгарчивое» становится еще прекраснее. И напротив, измена, коварство превращают покинутого в «сухое дерево», «помятую траву», «грусть-тоска» съедает его, напускает на лицо «сухоту».

Чаще всего в русской песенной традиции любовная тематика находит выражение в формах проголосной песни, романса, реже — баллады. Предлагаемый вниманию читателя сборник подтверждает это правило. Рядом с протяжными задушевными песнями («Ой, там на горе», «При последнем было вечере», «Уж ты сад, ты мой сад») мы видим произведения романсного типа («За городом», «Что ты, пташка, приуныла?») и балладу. Как в центральных районах России, население казачьих районов Оренбуржья и Южного Урала любит, например, песню-балладу «Что за Ваня за купец?», в которой поется об «обманутой девчонке, доведенной людскими разговорами, родительскими упреками до самоубийства.

...по воду пошла,
Бросила ведерочки,
Сама в речку бросилась,
«Пусть родима маменька
С ключевой водичкой ждет,
Пусть родимый тятенька
Ключевую воду пьет»

Поэтика оренбургских казачьих песен про любовь традиционна. Как и повсюду на Руси, здесь в ходу психологический параллелизм («Со вечера дождь идет, По утру туман, На меня на девицу, все горе да печаль»), символика (воркуют голуби — речь идет о свидании влюбленных, сад осыпается — значит «красна девица» навсегда разлучается с добрым молодцем, ворон в садике клюет каллну — быть горю и беде и т. д.). Любят казаки аллегорические образы: птичка в клетке — девушка в неволе, сокол падает на землю — казак погибает в дальней стороне. Песни эти подлинно лиричны и красивы.

Примечательно, что в любовных песнях полностью отсутствуют приметы казачьего быта. Видимо, для передачи тончайших переживаний возлюбленных бытовые подробности ненадобны. Другое дело — песни о семейных отношениях. Здесь коллизии возникают на конкретной социально-бытовой почве, и поэтому становится су-

цественно важным общественное положение персонажей, их взаимозависимость. В песнях о семье социальное лицо героев обозначается четко и определенно: просто «казак» или «казаченька», «есаул», «полковничек», «молодой приказчик» и т. д. Семейных песен о благополучной жизни героев в русской песенной традиции нет. Как правило, песня складывается на развалинах семьи или во время драматических обстоятельств, являющихся для мужа и жены тяжким испытанием. Чаще всего эти песни поются от лица лирической героини: то это переживания одинокой женщины, давно похоронившей мужа («Еще чей это садок»), то страдания молодухи, которую рано выдали замуж, нагуляться не дали («Час да по часу»), то это обида жены, не сумевшей по-хорошему проводить мужа, уехавшего в город и не попрощавшегося с ней («Не бела-то заря»). Не скрывают песни семейных раздоров, ссор, человеческих пороков, превративших либо доброго молодца, либо красную девицу в обыкновенных обывателей, лежебок, пьяниц и гуляк. В песне «Загорелась во поле калина» муж-казак жалуется:

Чужие жены в поле работают,
Моя шельма все пьег да гуляет.

В народном сознании, в том числе и у казаков, женитьба — замужество — это невеселое дело, которое «губит человека в человеке». Поэтому в одной оренбургской песне («На заре было, на зореньке») молодой казак получает такой совет:

Не женись, дружок Ванюшка,
Коли женишься, спокаешься,
С молодой женой намаешься...

Заботы, тяжелый физический труд, нападки родичей (чаще всего — свекра и свекрови), болезни детей, притеснения властей все это становится тяжким испытанием для мужа и жены; они страдают, если даже образовали семью по любви. Каково же им было, если их обручили насильно, ради чьей-то выгоды? Самая страшная песня (по форме — баллада) — это песня про молодуху, убивающую своего старого мужа и публично радующуюся этому. В нашем сборнике эта традиция представлена песней «Ой, ты подуй». В ней до убийства дело не доходит, но эмоциональный порыв, на высшей точке которого молодая жена призывает грозовую тучу убить «мужа старого», все равно производит жуткое впечатление. Не может никого оставить равнодушным баллада, в которой рассказывается о том, как муж убивает нелюбимую жену; напрасно она умоляет «донского казака» пощадить ее, вспомнить «малых детушек», которым «мать неродная» никогда не замешит

«родимую матушку» — муж-злодей совершает кровавую расправу, чтобы насладиться любовью с молодой («Из-под камушка, из-под белого»).

Художественно-выразительные средства проголосных семейных песен отличаются от любовных. Здесь приемы психологического параллелизма, символика, поэтические образы природы отступают на второй план. На первый выходят драматические картины бытового характера. События совершаются на улице, «в царской морской слободе», «на реке на Урале», «у тесовых ворот, у колодезя». Кровавому исходу злодейства не мешает ни плач детей, ни икона Христа-спасителя. Излюбленным приемом становится антитеза, противопоставление тьмы и света, зла и добра, черной тучи и красного солнышка. И в музыкальном отношении эти песни выделяются мрачным звучанием, клокотанием бурных страстей, гармоническим сочетанием высоких и низких голосов.

Прекрасная песня «Что Иванушка по берегу идет», записанная нами в селе Кулевчи Варненского района Челябинской области. Она представляет собой вариант известной русской песни о переживаниях девушки, входящей женою «в чужой дом» и навек распрощавшейся с девичьей волей. Грустное ее настроение выражается при помощи традиционного сюжетного мотива «трех заботушек».

У молодушек три заботушки:
Первая забота-заботушка —
Ретиво-то сердце зазнобушки,
Вторая забота-заботушка —
Свекр да свекровушка,
А третья забота-заботушка —
Еще баю-баю, малое дитя

Семейно-бытовые песни интересны своей обобщающей мыслью, вобравшей в себя вековечный опыт народа. Не случайно, что в них так много афористических, пословичных выражений. Глубина мысли рождает истинно поэтические образы, запоминающиеся своей мудростью и красотой. Таков знаменитый ряд сравнений, при помощи которых раскрывается народная философия семейных отношений:

Во славном городе во Алатыре,
Лежит тут удушенный добрый молодец.
А не ластаньки, не касатыньки
Увивались, увивались вкруг молодца.
Родная матушка, а вторая — родная сестрица,
А третья-то — молода жена.

А матушка плачет, как реки льются,
Родная сестрица плачет, как валы бьются,
А молодая плачет жена, как утренняя роса.
Когда солнышко взойдет, роса высохнет.

Семейно-бытовая лирика включает в себя хороводные, игровые и плясовые песни. Возможно, в среде оренбургского казачества традиция бытования этих жанров выражена более ярко, чем в других районах России. Если этот факт действительно имеет место (полной уверенности у нас нет — требуется специальное исследование), то объяснить его можно более благополучным социальным положением казачества по сравнению с русским крестьянством. А где благополучие, материальное довольство, там и радость, и праздник, и песни, и игры. Во всяком случае, на Южном Урале нигде мы не записывали столько игровых и хоровых песен, сколько в таких казачьих районах, как Варненский, Чесменский, Брединский, Верхнеуральский. Некоторые из этих песен представлены в данном сборнике, а именно: «Кума к куме приходила», «Как на девичий на праздник», «Светит месяц», «Пора гостям со двора», «Ой, да во лузях», «Пошли девки на работу», «Не вставай-ка, Любушка, рапенько» и многие другие.

Эти песни брызжут неподдельным весельем, здоровым юмором, в них много красивого и доброго. По мелодическому складу они частые, быстрые, ритмичные. Обычная их структура — куплетно-припевная. Основное содержание — сюжетно, выражается в диалогической или монологической форме. Конфликты, лежащие в основе сюжета, характерны для сельской жизни и знакомы нам по проголосным песням, но разрешение их лишено драматизма. Все сводится к иронии, к насмешке, к игровой развязке. Например, в песне «Ой, вы, гости, мои гости» разыгрывается популярный в народе сюжет: истосковавшийся на царской службе казак спешит домой, чтобы повидаться с любимой женой. Песен со счастливым и несчастливым концом на эту тему много. В данном случае эта тема разрешается шуткой, в которой не сразу поймешь, чего больше — веселого или горького. Прискакав домой, муж стал спрашивать жену, как ей жилось без него, и в ответ слышит озорное — то ли вправду, то ли вшутку — признание:

— Иванович, хорошо,
Хоть бы с годичек еще.
Хоть бы с годик, хоть бы с два —
Погуляла б молода,
Ой ли, ой ли, ой да люли —
Погуляла б молода.

Нередко персонажи, которые в проголосных песнях выступают как первопричина всяких несчастных случаев (грозный свекор, старый ревнивый муж, муж-«изменщик» и т. п.), в хороводных, игровых песнях предстают перед нами в смешном положении, в комическом виде:

У нас дома нездорово:
Свекор с печи свалился,
За колоду завалился,
Ветчиною подавился..

Песни высмеивают ленивцев, гуляк, людей, не умеющих и не желающих трудиться. Есть песни просто шуточные, воспроизводящие жизненные ситуации, содержащие в себе комическое начало. В песне «Ходила, гуляла Маша во лужках» героиня просит у доктора лекарство, зная наперед, что «от любви лекарства в медицине нет». В песне «Пошли девки на работу» описывается забавная история: парень решил подшутить над купающимися в реке девушками и «украл» у них одежду, лежавшую на берегу, но девки не растерялись и самого парня поставили в смешное положение, спустив с него шаровары. Комические и сатирические образы игровых и хороводных песен оренбургских казаков имеют общерусское звучание, в них отразились народные представления о «плохом» и «хорошем», воплотилась вековая мечта простых людей о социальной справедливости, о красивой жизни в труде и радости.

* * *

Большое место в нашем сборнике занимают песни обрядовые— календарные и свадебные. Первых значительно меньше. Объясняется это тем, что и в живом бытовании их сегодня немного. Мы имеем значительное количество текстов календарно-обрядовых песен, записанных от женщин-казачек Варненского, Уйского, Октябрьского, Нагайбакского и других районов Челябинской области. Но все эти тексты записаны не «с голоса», то есть не во время пения, а под диктовку: певицы признавались, что уже давно эти песни не исполняли, потому что ушли из быта сами обряды. Редко кто из них понимал смысл слов «коляда», «овсень», «таусень», «виноградье».. Напрасно было бы с нашей стороны выпытывать у них и просить спеть какую-нибудь «веснянку», «волочебную», или «семицкую» песню — ничего этого они не помнят и самих слов не понимают. Заметно оживают, когда спрашиваешь про песни масленицы: этот народный праздник они хорошо помнят, охотно рассказывают об его ритуалах, играх, гуляньях. И это легко объяснить, ведь масленица — хоть под своим именем, хоть под названием «праздника проводов русской зимы»---не выходила из бытова-

ния за все время Советской власти. Но даже и масленичные обрядовые песни современное казачество помнит слабо, заменяя их на празднике обычными проголосными или частыми песнями, частушками. Чего уж говорить о рождественских колядках, подблюдных, выюношных или егорьевских песнях? В течение семидесяти лет на них накатывались волны новой социалистической культуры и, конечно, многое смыли в памяти людей. Но все же не до конца.

В селе Кулевчи Варненского района, в Андреевке Брединского района, в Ларино Уйского района и других местах нам охотно и живописно рассказывали и показывали, как раньше под Рождество ходили славить, как встречали и провожали «полизуху» Масленицу, как в майско-июньские дни молодежь ходила в лес «завивать березку», водить хороводы, как прыгали через костры и обливались водою на Ивана Купалу. Удалось нам даже записать несколько календарно-обрядовых песен с голоса казаков: «Как на горке калина», «Кума к куме приходила» (обе семицкие) и другие. Но все же это было воспоминание, а не живое бытование. В последнее время, когда клубные учреждения, школы активно взялись за дело возрождения традиционной культуры народа и помаленьку восстанавливают старинные обряды, ритуалы, праздники, заметно оживилась и обрядовая песенная традиция; сельские и городские жители, молодые люди, в том числе и казачьего звания, легко вам напоят почерпнутые из книг колядки, рождественские славы и другие подобные произведения. Но, разумеется, рано еще говорить о массовости и плодотворности этого процесса.

Гораздо живучее казалась обрядовая свадебная лирика во всех жанровых ее разновидностях. И это понятно: свадебная игра, потеряв в советское время свой обрядово-магический смысл, все же сохранила традиционную основу и во многих казачьих семьях свято соблюдалась.

Свадебный обряд оренбургских казаков принадлежит к южно-русской фольклорной традиции. Это, в частности, означает, что общее его звучание жизнерадостное, веселое, оптимистическое. Главное в нем — песни, а не плачи, не причитания, как в северной свадьбе. Тем не менее драматизм традиционного русского свадебного обряда здесь сохраняется. Его наличие отражает естественную жизненную коллизию: прощание невесты и жениха с молодостью и волей. Особенно драматично было положение девушки, которая уходила в новую семью, отдавалась во власть не только мужа, но и свекра и свекрови. Особенно ей было лихо, когда свадьба устраивалась помимо ее воли, когда своего «суженого» она впервые могла увидеть только во время сватовства (сговора).

Как и в других регионах России, в Оренбургском казачьем округе свадебный обряд включал в себя следующие «акты» и сцены: 1) сватовство — сговор, рукобитье, «пропой», 2) приготовление к свадьбе — девичник, баня, 3) свадьба — выкуп невесты, родительское благословение, отъезд к венцу, большой княжий стол, малый княжий стол, отводины. Не везде этот «сценарий» свадебной игры выдерживался от начала до конца, некоторые традиционные сцены либо несколько приглушены, либо отсутствуют вообще (например, во многих станциях — в Бородиновке Варненского района, в Мариино Уйского района, в Родниках Троицкого района Челябинской области и других местах — о «бане», об обряде расплетания косы невесты даже не помнят. И все же основные эпизоды своей традиционной свадьбы оренбургские казаки сохранили как в памяти, так и на деле.

Свадебные песни исполняются сегодня и во время обряда, и просто так — по настроению. Все они хорошо сохраняют свои родовые и жанровые признаки. Грустные, тяжелые по настроению песни отражают переживания невесты во время сватовства, девичника, отъезда к венцу. Веселые мелодии появляются после благословения, во время свадебного застолья. Помнят и хорошо исполняют казаки величальные и корильные песни, не говоря уж об игровых и плясовых. Поэтика песен включает в себя все богатства русской музыкальной и словесной выразительности, обыгрывается полногласие русского языка, используются образы природы, — глубокая по смыслу и яркая по форме символика. В песне «Ой, брала я розу», которая по словам певиц из села Ваганово Октябрьского района Челябинской области, исполнялась во время рукобитья, воспроизводится распространённая в старом быту коллизия: девушка-сирота не надеется, что ее возлюбленный женится на ней, так как она бедна. Чувства сиротки раскрываются при помощи традиционных песенных образов «зеленого сада», «быстрой речки», «розы», и не менее традиционного сюжетного хода: девушка, понимая свою «неполноценность», отказывается выйти замуж за любимого и советует ему жениться на другой:

— Ой, брала я розу в зеленом саду,
Ой, брала, бросала во быстру реку.
Плыви, моя роза, во те ворота,
Женися, казаче, бо я сирота..

Подобная песня где-нибудь на Севере на этой грустной ноте и обрывалась бы. В южном казачьем варианте песня заканчивается сватовством доброго молодца, его признанием, что лучше невесты он не нашел:

— Объехал все села и все города,
Пришел тебя сватать, любить навсегда.

Песни оренбургских казаков свидетельствуют, что здесь отношения между полами были более свободными, чем где-нибудь, что роль девушки в решении вопроса о свадьбе здесь была не только равной с женихом, но иногда и основной. Характерна в этом отношении песня «Ой, пойду я во конюшенку», где очень поэтически рассказывается о душевном излиянии казака, пришедшего на стговор по воле красной девицы. «Я не сам встал — красна девка взбудила, коня вороного за уздечку привела». Чаще всего в стговорных песнях жених, желая облегчить страдания невесты, покидающей родной дом, обещает ей счастливую «райскую» жизнь

Все достану для тебя я,
Если будешь ты моя.
Выстрою тебе светлицу,
Разодену, как царницу,
Как в раю ты будешь жить
Да житье свое хвалить

(«Станем Ванюшку жепити»)

Песни, певшиеся во время девичника, несколько отличались от стговорных песен. В последних девушке еще разрешалось «куражиться», она могла просить «злых родителей» не выдавать ее замуж, не отдавать «бессчастную» на «чужую сторону». Теперь, на девичнике, исполнялись песни, лирическая героиня которых уже знала, что вопрос об ее участи решен. Песни исполнялись от лица ее подруг, замужних сестер, они утешали невесту, но не скрывали, как тяжело в «чужом доме» жить, как нелегко сохранить любовь «молодого мужа», как непросто наладить отношения с его многочисленной родней. Средством утешения было исполнение песен, в которых жених выступал, с одной стороны, «разорителем, погубителем девичьей красоты», «врагом-соколом», с другой стороны, был ее «заступником», «друзжком верным и единственнм». Своеобразной формой утешения невесты было исполнение насмешливых корильных песен, направленных против «виновников» случившегося — свахи и свата. Они были своеобразным «громоотводом», позволявшим невесте как бы разрядиться, снять душевное напряжение, хотя бы сквозь слезы, посмеяться. В песнях сваха именуется «гордой, спесивой», она внешне и внутренне «некрасивая», уродливая, «ересливая», нехотя со ступени на ступень ступает», «нехотя слово молвит». Эта критика, насмешки реальной свахи — ни о чем, она не обижается, ибо понимает, почему и для чего поют

ся такие песни, и сама включается охотно в хор, выполняя ответную ей в свадебном обряде роль:

— Собирайся-ка, девица,
Да во путь, во дороженьку,
Да во путь, во дороженьку,
Во чужую сторонушку...

Задача свахи — подсластить невеселую девичью долю, утешить невесту ласковыми словами, обещанием хорошей жизни во замужестве:

Та чужая сторонушка,
Она сахаром усыпана,
Она сахаром усыпана,
Черносливом поливана.

Самый драматический момент на свадьбе — расплетание девичьей косы в сцене «Баня» (расплетание косы устраивается и без этой сцены), когда девушка навеки лишается символа своей молодости — косы, когда ее волосы укладываются двумя рядами вокруг головы, венцом, и покрываются головным убором — чепцом, платком, сорокой, плахой и т. п. Песни, сопровождающие этот обряд, всегда похожи на плач, отлично передают настроение и невесты, и родителей, и всех присутствующих. В одной из песен, воспроизводимых в нашем сборнике, говорится, как мать после расплетения косы обращается со словами утешения к дочери:

— Возвращайся, милая доченька,
Ты забыла, оставила,
Ты забыла, оставила,
Золоты ключи от горенки...

Этими словами мать как бы хочет сказать дочери, что и после расплетения косы и переселения в «чужой дом» она всегда может прийти в дом родительский, к отцу-матери. Поэтому пусть не забывает «золоты ключи от горенки». Но дочь понимает, что в ее жизни произошло нечто большее, чем переход из одного дома в другой, что никакие чудесные «золотые ключи» ей уже не помогут.

— Ох, ты, милая маменька,
Я не одни ключи оставила,
Я забыла, оставила,
Свою девичью красоту!

Интересны по своему содержанию и звучанию песни, сопровождающие свадебные игры в той ее части, когда утром в день сва-

т.бы совершается «выкуп невесты» и происходит кульминационный момент всего обряда—родительское благословение. Здесь грустные драматические мелодии переплетаются с игровыми, озорными папевами. Песни поются гостями у дома невесты в ожидании дружины жениха и его самого, переходят с его приездом во внутренность избы, особенно торжественно и величественно звучит хор гостей, когда молодые склоняются перед иконой и получают благословение родителей. В яркой образной форме песни славят жениха, его мужскую силу, красоту и ураль, а также доблесть и товарищескую верность его дружины (См. «Вот поплыла селезёношка», «Повозник кудрявый», «Дунули ветры» и др.) Выражается сочувствие невесте, «лебедушке», отстающей «от стаи лебединой», навсегда покидающей родительский дом («Ни от ветру», «Ой, верба» и др.).

Песни в игровой форме воспроизводят народные ритуалы, совершавшиеся в казачьей среде при выкупе невесты при ее выходе из «закутка» или горницы. Повсеместно в России, и так же в Оренбургском крае, при этом исполнялась песня «Ой, вьюн над водой». Последовательно к жениху выходят братья невесты (в общерусской традиции их функции выполняет теща), которые предлагают ему сначала коня, потом «сундук с добром, с золотым замком...». Каждый раз жених отвергает их дар, говоря «Это не мое, и не суженое, и не ряженое!» И лишь когда младший брат выводит невесту, добрый молодец соглашается «Это все мое! Мое суженое, мое ряженое!»

Следующий цикл свадебных песен связан с застольем — большим князьим столом. Здесь исполнялись разные песни, но были и специальные, обрядовые. В селе Спасское Верхнеуральского района Челябинской области невесту за праздничным столом встречали величальной песней: «Ты куда, ута-утица?», хор поддерживал ее душевной и бодрой мелодией «Иди, иди, ута-утица, иди перепелица, иди, иди, девица». Пели величальную и для жениха. От его имени обращались к невесте, выражая пожелание: «Выпей чарку за меня. Роди сына во меня. Красотою во тебя». Много было песен, славящих одновременно жениха и невесту («На горе-то виноград растет»). Гости также не были обижены. Одна за другой звучали славы в честь родителей, сватов, тысяцкого, пожилых и молодых гостей («Ой, хмелюшка», «Розан, мой, розан» и др.).

Можно сказать, что свадебный обряд оренбургских казаков был своеобразным аккумулятором народной песенной традиции. Благодаря ему до наших дней замечательные образцы народного поэтического творчества.

Песня — душа казака. Слушать старинные и новые песни любят все. Но петь, к сожалению, сегодня умеют немногие. Мода на зарубежную эстраду, идущие с утра до ночи по центральному и местному телевидению программы рок- и поп-музыки оглушили молодежь в прямом и переносном смысле. Ушли из быта посиделки и вечерки — носители народной песенной традиции, уступив место дискотекам с их громоподобной музыкой, чуждой русскому человеку ритмикой. В этом свете великой признательности заслуживают люди, которые остались верны отечественной музыкальной традиции, которые поют дома не потому, что выпили на праздник рюмочку-другую, а потому, что, как они сами говорят, душа песни просит. Многие из них вообще не пьют, и сегодняшнее увлечение молодежи алкоголем объясняют по-своему: когда бросили петь, тогда начали пить. Угасание народной песенной традиции встреченные нами певцы объясняют тем, что хрущевская реформа, связанная с укрупнением колхозов и совхозов, нанесла смертельный удар по деревне, по ее привычному бытовому укладу, в частности, именно с той поры в казачьих селах и станицах исчезли молодежные посиделки и вечерки — собираться стало некому: юноши и девушки перебрались в центральные усадьбы, в районные центры, в города. Кто же поет? От кого мы записали публикуемые в данном сборнике песни? Это, в основном, люди преклонного возраста, пожилые — в возрасте 60—80 лет. Многие из них усвоили репертуар и манеру пения от родителей, от бабушек и дедушек, то есть доносят до нас содержание и характер казачьей песенной традиции, какой она была в конце XIX — начале XX века, конечно, с поправкой на те изменения, которые она претерпела за годы Советской власти.

Чаще всего мы записывали песни от семейных и клубных (организованных) фольклорных ансамблей. Существенной разницы между теми и другими нет, потому что в клуб пришли те же семейные (стихийные) коллективы, которых просто уговорили не скрывать свой талант и порадовать хорошими песнями местное население. Само собой разумеется, что семейные ансамбли поют для себя, не имеют руководителя, заранее свое выступление не репетируют. Тем не менее поют слаженно, на точные 3-4 голоса, быстро импровизируют и находят свой голос, свое место в ансамблевом пении. Наблюдать за этим всегда приятно, воочию видишь, какой это дивный дирижер — народная традиция!

Таковы семейные ансамбли, встретившиеся нам в Варненском, Чесменском, Верхнеуральском и других районах Челябинской об-

части. Часто собираются за самоваром и поют певички села Боршновка В. А. Труфанова, В. М. Труфанова, Н. М. Заслонова, Г. А. Ефанова. Поют для души, радуют себя хорошим песенным даром. Репертуар их обширен, включает в себя песни разных жанров, в том числе чисто мужские: «Ой, да вспомним, братцы», «Вот заную мое ретивое», «Прослужил казак три года» и другие. Поют с подголосками, а также поигрывая, соскакивая с места и приплясывая. Замечательные певуны!

Это же можно сказать про Спасский семейный ансамбль Вернеуральского района, включающий в себя певцов разных поколений. З. Г. Кожевникова — 1915 г. рождения, Д. Ф. Шеметова — 1900 г., А. Ф. Уракчина — 1902 г., Е. Н. Вдовцева — 1924 г., М. В. Чудова — 1918 г. От них мы записали редко исполняющиеся ныне в быту такие казачьи песни, как «За Уралом, за рекой», «Конь боевой», «Вдоль по линии Урала», «Не даром помнятся походы», «Из-за леса выезжает молодой казак», «Стлала, стлала полковница» и многие другие.

Семейные ансамбли образуют близкие родственники или закадычные друзья и подруги, какими, например, являются певцы из села Ларино Уйского района — Е. В. Глазунова, Е. В. Чернышова и В. К. Чернышов.

Клубные ансамбли имеют руководителя, но это не какой-нибудь специалист с консерваторским образованием, ставящий своим почетным голосом (такие хоры мы не считаем фольклорными и о них в данном издании не говорим), а такой же выходец из села, как все певцы, только наиболее активный и может быть, талантливый. Таковы фольклорные ансамбли Кулевчинского Дворца культуры, Катенинского Дома культуры (Варненский район), Селезянского Дома культуры (Еткульский район) и многих других. Можно вспомнить таких талантливых руководителей-запевал, как В. И. Киселев (с. Кулевчи), А. С. Евсеенко (с. Кочкарь), Н. И. Лашнина (с. Владимировка) и многих других. Сердечное им спасибо и лучшие пожелания! Некоторых из них уже нет в живых. Вечная им память и признательность потомков.

В заключение необходимо упомянуть и отметить благодарностью собирателей песен. Это студенты филологического факультета Челябинского государственного университета, члены фольклорно-этнографического кружка, которые под руководством авторов данной книги ежегодно, начиная с 1977 года, выезжали в экспедиции, записывая бесценный песенный материал. Сменилось несколько поколений кружковцев, всех перечислить нет возможности, но

некоторых, наиболее преданных фольклору студентов, не назвать было бы просто грешно. Это: Е. В. Красильникова, А. Е. Александра, М. В. Кадникова, В. А. Жогина, И. В. Халикова, И. И. Люксембург, Г. В. Пиневич, В. Ф. Репецкая, Ю. Г. Селетеров, О. П. Столярова, О. Н. Зайкова, И. В. Расина, Т. И. Дмитренко, И. А. Головапов, В. В. Журавлев, А. В. Абросимов, Н. А. Гусева, Р. Рахметова, С. И. Терехова, Г. С. Вардугина и другие. Пусть этот сборник, вобравший в себя лишь маленькую толику записанного, напомнит им о счастливейших днях наших путешествий по просторам Южного Урала, о наших открытиях знакомствах, о незабываемых концертах, которые давали мы на импровизированных сценах вместе с певцами, и все чувствовали себя неотъемлемой частью того великого объединения, которое называется народом.

А. И. Лазарев

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. КАК ДОСЕЛЕВА ПРО КИЯН-МОРЕ НЕ СЛЫХАНО

Доселева про киян-море не
слыхано,
А нынче на киян-море собираются
тридцать кораблей,
Собираются Сацкой, Пруцкой,
Повоторженец.
Собирает он тридцать кораблей
без единого,
Для себя собирает он
Сокол-корабль.
Дерева ставит кипарисовы,
Двенадцать парусов канифасовых.
На корму сажал Илью Муромца.
А на нос Добрыню Никитича.
Отваливает Сацкой от бережка,

От того ль бережка крутого,
От камешка горячего,
Как сильная буря поднималася,
Налетел на Сокол-корабль сизой
орел.
Он все снасточки-бечевочки
пооборвал,
Двенадцать парусов все попустил.
Возговорил Добрыня Никитьевич:
— Ты, названный брат Илья
Муромец,
Вынь из налучия свой тугой лук,
Наложки-ка калену стрелу,
Убей сиза орла во белу грудь!

2. ВЗЯТИЕ АЗОВА

Как и шли-то, прошли казаченьки
с моря Черного,
С того ли Черна моря, со
турецкого.
Шли лугами, болотами, шли —
топились.
Ко Азову-городу торопилися,
Не дошедши до Азова,
становилися.
Занимали полей под лагерь на
двенадцать верст,

А под шапцы с батареею на
пятнадцать верст
Ставовились они, братцы, коней
расседывали,
Не расставив караулы, коней
кинули,
Пустив коней в поле, сами спать
легли.
А один лишь казак старый был
догадливый
Не пустил он добра коня в поле
чистое,

Не покинул казак старый — на
аркан сажал.
А и сам не спит, старик наш,
больше так лежит.
Вдруг несчастье над казаками
случилось
Набежали неприятели, турки
храбрые,
Отнимали у казаков добрых коней
всех.
На ту пору казак старый
просыпается,
Пробудившись, казак старый стал
коня седлать.
А между тем в город Азов шлет
посыльщика.

Уж как ждет казак старый посла
скорого,
Не дождавшись, казак старый сам
в Азов скакал,
А до тех пор город Азов нам
растворен был,
А теперь город Азов крепко
заперт нам.
Как садился казак старый на
добра коня,
Догонял он басурмана. турка
храброго,
Один отбил казак старый всех
коней назад.

3. УРГЕНЧ

(предание 1605 года)

По крутым берегам вдоль
Яика-реки,
Видны здесь, видны там, казаки,
казаки...
Все-то вольный народ, всюду
сабли стучат,
Нет печали, забот, всюду песни
звучат.
Здесь и там тумачи, черный волос
до плеч,
И шумят казаки, и свободна их
речь.
Вот кружок — атаман в середине
стоит.
— Что нам сделает хан? —
громко он говорит. —

Город брошен, слышь, им, ни
хивинца в нем нет,
Со всем войском своим хан
Араб-Магомет
На кочевке живет. Мы к Ургенчу
пойдем!
Кто желает в поход?
Всколыхнулась кругом
Вся толпа... «На коней!» —
всюду слышится крик,
И летит вдоль полей он, неистов
и дик.
Дремлет знойная степь... Вон
обоз казачий
Протиснулся, как цепь, по
вершинам холмов.

Славно сделан набег; шелк взят
и серебро,
В девятьсот, слышь, телег все
поклали добро.
Да красавиц, к тому ж, взято в
плен девятьсот...
Всколыхнулась Аму. когда
гаркнул «В поход!»
Хан Араб, услышав про набег
казаков,
И помчался стремглав хан Араб
на врагов.
Дремлет знойная степь, и обоз
казаков
Протянулся, как цепь, по вершинам
холмов.
Что за пыль там взвилась в
стороне, далеко.
И столбом поднялась высоко,
высоко?...
То, быть может, косяк лошадей,
диких коз?
Зорко смотрит казак, остановлен
обоз.
Ближе, ближе... и вот гул пошел
по рядам:
Вместо коз, лошадей на
вспененных конях
Мчались тучи людей с яркой
злостью в очах...
И шайтаны не так были б
страшны в тот миг...
Но не дрогнул казак... «Сабли
вон!» — Рев и гик раздалась
И в пыли, словно духи, толпой
В один миг из земли, они
ринулись в бой.

В миг свернули в кружок свой
обоз казаки,
И зацелкал курок, засверкали
клинки.
Бьются день. Солнце жжет.
враг кругом
И вздохнуть не дает под палящим
лучом.
Жаждой мучим казак, кровь из
трупов он пьет.
Стал кругом лютый враг, нет ни
шагу вперед!
Бьются ночь... Кучи тел вознеслись
здесь и там,
И орел прилетел к посиневшим
телам.
Удалился орел — и голодной
толпой,
Когда месяц взошел, волки
подняли вой.
Да, не даром пришлась и лихим
казакам,
Не один лютый враг в этой битве
погиб,
Ни единый казак не пришел на
Яик —
Все погибли... Орел трупы с
клекотом терзал,
Да, как месяц взошел, волк
голодный их рвал...
Даже в песне простой нет ни слова
о том,
Как был страшен тот бой, как
валился кругом
И ревел лютый враг, как гудел
стон и гик
И как бился казак наш, неистов
и дик.

Что поставили добра молодца
Его на бел-горючъ камень,
Стали его, добра молодца, его да
выспрашивать.

Из ума его пытали,
Все только выспрашивали:
— Ты скажи-скажи, добрый
молодец,
Скажи правду-истину:

Что стоит, стоит добрый молодец,
Стоит, не шелохнется.
Что русы его-то кудерешки
Они все не тряхнутся...

Что не ты ли, добрый молодец,
Ходил по синю морю?

Что не ты ли, разудаленький,
Губил ты суда-корабли?

Что не ты ли, добрый молодец,
Разбил легку лодочку?

Как на этой легкой лодочке

Было царско знамьеце...

7. КАК ПО МАТУШКЕ, БРАТЦЫ, ПО ВОЛГЕ

(Стенька Разин в Астрахани)

Как по матушке, братцы, по
Волге.

По нагорной стороне,
Эй-да, плывет лодочка, братцы,
казанка изукрашенная,
Зелеными-то парусами лодка
изувешанная.

Эй-да, как во этой-то, братцы,
лодке добрый молодец сидит,
Разудаленький, братцы, молодчик
пораскачивался,

Эй-да, в Астраханском городочке
порасхаживался.

С астраханскими-то он купцами да
не раскланивался,

Эй-да, с простыми мужиками черну
шляпу не ломал.

Астраханский воевода из окошка
увидал,

Эй-да, он подкликивал детину под
окошечко к себе.

Он выспрашивал детину, чьего
роду молодец?

— Эй-да, я не царского, не
боярского —

Не купеческий сынок.

Эй-да, как по наслухам я
слышал—Стеньки Разина
сынок!

— Вы, держите, вы ловите,
Сажайте вора во тюрьму!

— Эй-да, я тюрьмы-то не боюсь,
всю по камню разнесу,

Астраханский городочек выжгу,

Весь дотла снесу.

Эй-да, астраханского-то воеводу
во полон возьму!

8. НЕКРАСОВЦЫ

Славный Тихий Дон,
Он не сам собой,
Славный Тихий Дон, возмутился,

Возмутился,
Всколыхнул его, возмутил его
Долгоруков — князь,

Долгоруков — князь.
Он писал же им все указыки
Скорописные,

Скорописные.
Скоро писаны они, указыки,
Все облыжные,

Все облыжные.
Как десятого добра молодца
Казнить-вешати,

Казнить-вешати.
Молодых ребят, добрых молодцев
Во солдаты брать,

Во солдаты брать.
А как старых да старюшеньких —
На калечий двор,

На калечий двор!
А молодухек, красных девушек —
На фабричный двор,

На фабричный двор!
Взволновалось все войско
Донское —

Все до единого!

Все до единого!
Собиралось все войско Донское
Во единый круг,

Во единый круг,
Все войско Донское —
На зеленый луг,

На зеленый луг,
Уж как думали добры молодцы
Думу крепкую,

Думу крепкую,
Думу крепкую — добры молодцы —,
Все единую,

Все единую.
Что повесили буйны головы
Ниже плеч своих,

Ниже плеч своих.
Что потупили очи ясные
Во сыру землю.

Во сыру землю.
Как один из них добрый молодец —
Свет Игнатьюшка,

Свет Игнатьюшка,
Добрый молодец, добрый
молодец —
Млад Некрасов — сын.

Млад Некрасов — сын.
Что не вешает свет Игнатьюшка
Буйну голову,

Буйну голову.
Среди круга млад Некрасов — сын
Он похаживает,

Он похаживает.
Таковы слова свет Игнатьюшка
Он высказывает:

— Уж вы, гей еси,
Добры молодцы, добры молодцы,
Все Донско войско,

Все Донско войско,
Нам послал царь да посылыщника,
Разорителя,

Разорителя,
Наших братьев-казаков
Погубителя,
Погубителя.

Мы его убьем — за Кубань уйдем,
За Кубань уйдем,
Жизнь свою спасем,
Честь свою спасем!

9. НА ЗАРЕ БЫЛО, НА ВОСХОДИКЕ (КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ)

На заре было да на во...сходике
Солнца кра.....эх, солнца красного
Соби...ра(ра)лися все братцы да ну
каза...а...ченьки, да,
Опи(е) во.....во.....во.....еди.....во,
един.....эх, во единый круг.

Во кру...гу стоял, стоял у каза...а..
а...чеников,
Стоял(ы) ра.....раз(да) движе..... раз
(да) движе...эх(ы)
Раздвиженный стол.

Раздвиженный стол да за сто...лом
сидел,
Сидел у каза.....а.....чеников,
Сидел(ы) са...сам Волхо..
Сам(ы) Волхо...эх, сам(ы)
Волхонский князь.

10. ПЫЛЬ КЛУБИТСЯ

Пыль клубится по дорожке,
Слышен выстрел там порой.
Из набега удалого
Едут судженцы домой.
Много пленных и добычных
Ими взято у врагов.
Их вождебный храбрый воин —
Генерал-майор Степцов.

Они едут близ станицы,
Сами свищут и поют.
Им навстречу старцы, жены
И девицы к ним идут.
Градом сыплотся вопросы
Из толпы со всех сторон:
— Жив ли муж мой и сыночек?
Жив ли братец мой родной?

11. КАК ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Как двенадцатого года
Поседелые орлы —
Православному народу
Показали славу мы.

Что ни соколы крылаты
Чуют солнечный восход —
Белого царя казаки
Собираются в поход.

Взор их мужеством пылает,
Грудь отвагою полна,
Память славы собирает
На полях Бородина.

Тут врагам сказал Кутузов
И с дружиною своей
Начал потчевать французов
По-казацки, без затей.

За живое нас задело —
Трудно было устоять,
Вся Россия закипела
И к знаменам собралась.

Как с пригорка батарея
Шлет нам ядра на поклон.
Вколыхнулася злодейка,
Зашатался Наполеон...

(Без окончания)

12. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО

Атаман едет на войну,
Под ним конь-то вороной.
Атаманша его молодая
Провожала далеко.
Атаманша молодая провожала
далеко.

А племянница его родная стала
спрашивать его,

А племянница родная стала
спрашивать его:

Уж ты, дяденька родимый, ты
когда будешь домой?

Уж ты, дяденька родимый, ты
когда будешь домой?

— К Рождеству домой прибуду
или буду в Новый год.

Вот все праздники проходят —

Атамана дома нет.

Его матушка родима выходила на
балкон,

В ту сторбнушку смотрела,

Из которой должен быть.

Как по Питерской дорожке,
По Московской столбовой
Тут не пыль в поле пылит —
Молодой курьер бежит.

Ты, курьер ли, наш
курьерчик,

Ты постой-ка, погоди,
Всю нам правду расскажи.

Вы снимайте цветно платье,
Надевайте черноту,
Надевайте черноту
Всю вам правду расскажу.

Как царь наш Александр
В Таганроге жизнь скончал...

Как двенадцать генералов
На главах царя несли.

Как двенадцать-то министров
Царско знамечко несли.

А двенадцать есаулов
Ворона коня вели.

Разворонный его конь
К земле голову клонил...

13. КАК ПОЕХАЛ НАШ ЦАРЬ АЛЕКСАНДР

Как поехал царь наш Александр
Свою армию смотреть.
Свою армию смотреть.

Обещался царь наш Александр
К Рождеству домой прибыть,
К Рождеству домой прибыть.

Все уж праздники проходят —
Александра-царя дома нет,
Александра-царя дома нет.

Его матушка родима
Стосковалася по нем,
Стосковалася по нем.

Молода его хозяйка
День и дочь она не спит,
День и ночь она не спит.

Выходила она посмотреть
На высокий свой балкон,
На высокий свой балкон.

Вот по Питерской дорожке
Молодой курьер спешит,
Молодой курьер бежит.

Помер, помер царь наш

Александр,

В Таганроге жизнь скончал,
В Таганроге жизнь кончал...

14. СИНЕ МОРЕ ЗАШУМЕЛО

Сине море зашумело,
Берега-то встрепенулись:
Как по линии уральской
Не ясен сокол летел...
Меж народа пролетела
Весть: идти весной в поход!
Как по линии уральской
Не сизой орел летал,
Он нам весточки приносит,
Царя белого приказ:
«Двум полкам идти в поход!
Ружья новые, пистоны,
Шашки острые иметь!»
Под начальством Горчакова
Лестно будет умереть.
Он нам слова два-три скажет —
Шашки вон, пойдем на смерть!
Мы французов не боимся,

Полетим туда стрелой,
С басурманом мы сразимся
На смерть, не на живот.
Под кустиком ракитовым
Казак голову склонил.
Вдруг пронзила его сердце,
Свинцова пуля прошла.
Кровь бежит из этой раны
На источник на песок.
— Солетайтесь вороны
Из дремучих лесов.
Растерзайте мое сердце
По мелким по частям,
Растаскайте мои кости
По ракитовым кустам,
Вы засыпьте мои кости
Тем источенным песком...

Дунай-речку переправимся?
Все пути, наши дороженьки,
Все быстрые переправушки.
Все быстрые переправушки.
На том поле, на том чистом
Мы сойдемся с неприятелем.

Мы сойдемся с неприятелем —
Что с той ордой неверною,
Со турецким славным корпусом.

Ох, мы явимся незваные
На турецкий большой праздничек,
Во великую во пятницу.

Во великую во пятницу.
Во великую во среду
Злые турки соезжались.

Злые турки соезжались,
Они пьяно напивались.
Во похмелье похвалялися:

Мы Россию всю насквозь
пройдем,

Граф-Паскевича в полон возьмем,
Граф-Паскевича со всею армией.

Граф Паскевич не испугался их,
Граф Паскевич речь говаривал:
— Не робейте вы, ребятушки,
Вы, храбрые казаченьки...

18. КАК ЗА РЕЧЕНЬКОЙ ЗА УТВОЙ

Как за реченькой, как за реченькой
Было за быстрою, за реченькой
за Утвою.

За Утвою
Распахана была тут пашенка,
Пашня, братцы, яровая.

Яровая.
Распахана была эта пашенка
Ни плугом, ни сохою.

Ни сохою.
Распахана была эта пашенка
Казачьими стальными саблями.
Заборонована была эта пашенка
Казачьими стальными копьями.
Приутоптана была эта пашенка
Казачьими добрыми конями,
Засеяна была пашенка
Казачьими головами.
Распахал же эту пашенку
Пистальгорс-полковничек...

19. ОЙ, ДА ВСПОМНИМ, БРАТЦЫ

Ой, да вспомним, братцы, мы
кубанцы,
Двадцать перво сентября, да,
Ой, да как дралися мы с поляком
От(ы) расвета до поздна, да,
Ой-да, как дралися мы с поляком
От(ы) рассвета до поздна, да,
С нами музыка играла,
Барабаны громко бьют,

Ой, да с нами музыка играла,
Барабаны гром(ы)ко бьют,
Командир наш нетрусливый
Шел все время впереди.
Ой, да командир наш нетрусливый
Шел все время впереди, да,
Получил большую рану
От поляка на груди.

Ой-да, получил большую рану
От поляка на груди, да
Уж вы, братцы, вы кубанцы,
Не спокньте вы меня.

Ой-да, уж вы братцы, вы кубанцы.
Не спокньте вы меня, да,
Жив я буду — не забуду.
Красным знамен пагражу.

Ой-да, жив я буду — не забуду,
Красным знамен пагражу, да,
Всем коней вам оседлаю,
Всех до дома провожу...

20. ВДОЛЬ ПО ЛИНИИ УРАЛА

Вдоль по линии Урала,
Где сизой орел летал*
Он летал перед войсками.
Пролетарский комиссар.
Он с поход(ы)м нас поздравил,
Отдавал строгий приказ:

Чтобы были у вас, братцы,
Ружья новые в руках
Ружья новые, винтовки,
Револьверы в кобурах
Револьверы в кобурах да
Шалки острые в ножнах.

21. НЕДАРОМ ПОМНЯТСЯ ПОХОДЫ

Недаром помнятся походы
В горах уральских и крутых.*
Наш эскадрон пришел седьмого,
Расположился у реки.
Так суток шесть мы простояли,
Пришел приказ вперед идти.
Коней мы быстро оседлали,
Недолго собран был обоз.

Чем дальше, больше наступали,
Тем больше раненых несли.
Навстречу нам идут курсанты,
В руках носилочки несут.
Носилки были не простые
Они из ружьев сложены.
Несли седого командира,
Несли казаков молодых...

22. НОЧИ ТЕМНЫ, ТУЧИ ГРОЗНЫ

Ночи темны тучи грозны
Под небесами они идут..
Идут наши казаченьки

Каждое двустипие повторяется.

Своим тихим маршем.
Идут они, маршируют,
Между собою говорят:

— Трудна служба нам, ребята,
Под Варшавою стоять,
Еще трудней нам, ребята,
Под пушечки подбежать!

Под пушечки подбежали,
Закричали враз: «Ура!
Ура, ура — город взяли
Затряслися стены, вал...
(Без окончания)

ВОЕННО-ПОХОДНЫЕ ПЕСНИ

24.2 ТЫ ВЗОЙДИ-КА, ВЗОЙДИ

Ты взойди-ка, взойди,
Туча грозная,
Ты пролей-ка, пролей
Сильный дождичек.
Ты пролей-ка, пролей
Сильный дождичек,
А ты размой-ка, размой
Тюрьму каменную.
Ты размой-ка, размой
Тюрьму каменную.
...Да тюрьма каменная развалилася.

Тюрьма каменная
Развалилася,
Все тюремщики разбежались.
Все тюремщики
Разбежались.

Эх, по горам(и), по долам,
По крутым берегам.
По горам(и), по долам,
По крутым берегам.

На поляну они собиралися.
На поляну они
Собиралися,
Красна солнышка
Дожидалися.

Ты взойди-ка, взойди,
Красно солнышко,
Да обогрей, осуши
Нас, невольничков...

25. СЫР-МАТЕРЫЙ ДУБ

Как во далече подалече, во чистом
поле.
Вырастал тут батюшка, сыр-
матерый дуб.
У сыра дуба кореньце булатное.
У сыра дуба коринушко
жемчужное,
На сыром дубу листоче пыки
бумажные,
На сыром дубу было ги ездышко
соколиное,
Под сырым дубом было стойлице
коневие.
Не ясен сокол над добрым конем
насмехаться стал:
— Уж ты, кляча ли моя, кляча,
сивый, резвый конь!

На тебе ли, сивый, резвый конь,
шерсть ослиная
А черно мясо на резвом коне что
воронее'
За обидушку то добру коню
показалось
Неясен сокол со добрым конем
позаспорился,
Они спорились не на сто рублей, не
на тысячу —
Золожилися о своих буйных
головушках:
Доставалось соколу лететь через
сине море,
А коню бежать приводилось круг
синя моря

Обежал он, славный, резвый конь
 круг синя моря,
 обежал он до местечка до
 урочного,
 А ясного, буйна сокола и в
 помине нет.
 Пашившись, он, пашившись, конь
 во стойло стал.
 Прилетел ясен сокол ко добру
 коню,
 В когтях держал белую
 лебедушку.
 Коню резвому ясен сокол
 извинился,

Говорил ему речи ласковы, со
 повинною:
 — Уж летел я, ясен сокол, через
 сине море,
 Уж видал я гусей, лебедей, серых
 утицев.
 Увидал я лебедушку, лебедь
 белую,
 У лебедушки увидал я
 гогольчика.
 У меня, сокол, очи ясные,
 завидчивы —
 Вот затем-то я, ясен сокол, и
 замешкался!

26. СЛОБОДА-СЛОБОДУШКА

Слобода-слободушка
 Стоит меж двух реченек,
 А-ай-я, стоит меж двух реченек...
 ченек(и)*

Стоит меж двух реченек(и),
 Да на крутой горе,
 А-ай-я, да на крутой горе, э-ой, а...
 горе.

Стоит на крутой горе
 Город Шаломенский,
 А-ай-я, город Шаломенский, а...ай.

Как на этой лодочке
 Атаманчик наш сидит,
 О-е, да и атаманчик наш сидит, а...
 сидит.

Первая речень(и)ка —
 Волга-матушка,
 Ой(и), да и Волга-матушка река,
 а...река.

Волга-речень(и)ка,
 Волга-матушка,
 Ой(и), да и Волга-матушка река,
 а...река.

Как по этой реченьке
 Легка лодочка плывет,
 По этой, ох, легка лодочка плывет,
 а...плывет.

27. ОЙ, ЗАБЕЛЕЛИ СНЕЖКИ

Ой, забелели снежки,
 Ой, набелели белы,
 Лес-дубровонька, лес-
 дубровонька.

Ой, заболело тело,
 Ой, солдатское бело,
 Ще головонька, ще головонька.

* Третья строчка куплета исполняется два раза.

Ой, никто не поплачет,
Ой, по этому телу,
По солдатскому, по солдатскому.

Ой, не поплачет тятка,
Ой, не поплачет мамка,
Ни брат, ни сестра, ни брат, ни
сестра.

Ой, только поплачет
Ой, товарищ мой верный,
Товарищ мой, брат, товарищ мой,
брат.

Ой, в зеленом садочке,
Ой, на желтом песочке,
Где пташки поют.

— Ой, товарищ, товарищ,
Ой, товарищ мой верный,
Скоро я помру, скоро я помру.

Ой, товарищ, товарищ,
Ой, товарищ мой верный,
Сделай мне труно, сделай мне
трун

Ой, похоронь, товарищ,
Ой, похоронь, мой верный.
В зеленом саду, в зеленом саду

28. СОЛЕТАЛИСЬ СОКОЛЫ

Солетались соколы со стороны,
Сели-пали у вдовыньки во дворе.
Крылышками широк дворик
размели,
Голосьями все вдовыньку будили:
— Встань, проснися ты,
вдовынька молода,
Все казаки из похода идут,

Твово мужа во колясочке везут,
Ворона коня за шелков повод
веду
На лошадушке седельце лежит,
На седельце рубашечка висит.
Рубашечка алой кровью облита.
А ты, млада, навек-вечные
вдови
Мала детка навек-вечный сирота

29. ПОД РАКИТОЮ ЗЕЛЕНОЙ

Под ракитою зеленой
Русский раненый лежал.
Он к груди, штыком пронзенной,
Красный орден прижимал.*
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок.
А над ним кружился ворон,
Чуял лакомый кусок.

— Черный ворон, черный ворон
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не добьешься
Я солдат еще живой.

Ты лети-ка, черный ворон,
На родимый край родной,
Передай поклон скорее
Отцу, матери родной.

* Две последние строчки повторяются дважды.

Передай-ка, черный ворон,
Поклон матери родной.
А жене и малым детям —
Пшток, кровью залитой.

Передай-ка, черный ворон,
Что погиб за край родной,
За советскую границу,
Под советскою звездой.

30. ПОЕХАЛ КАЗАК НА ЧУЖБИНУ

Поехал казак на чужбину далеку
На верном коне на своем вороном,
Он Родину, край свой навеки
покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом.
А там за горами метелицы вьются
И сильно морозы зимою трещат.

Казак умирает, друзей умоляет:
— Насыпьте повыше курган в
головах.
И пусть над курганом калина
родная
Цветет и красуется в ярких
цветах...

31. ПОЕХАЛ КАЗАК...

Поехал казак на чужбину
А на своем добром коне,
Он(ы) бросил(ы) же, покинул
Казачку од(ы)... но..но...ю,
Казачку одну.
День и ночь казачка плачет,
На север она глядит.
На север глядит.
Она ждет(ы) ли, да по...поджидает,
Откель милый прилетит,

Откель прилетит.
Что ему ли да не..не...вернуться
В родительский дом.
В родительский дом.
Там(ы) снега да там(ы) выюги,
Морозы трещат.
Морозы трещат.
Там казачьи там(ы) кости
Под снегом лежат.

32. ПОЕХАЛ КАЗАК НА СЕРОМ КОНЕ

Поехал казак на сером коне,
Он бросил, он покинул казачку,
— ой, одну.

Он бросил, покинул казачку
одну.
Молодая же та казачка на север,
ой, глядит.

Молодая казачка на север глядит,
Ой, на север, да на запад, на
дальний, ох, Тургай.

На север, на запад, на дальний
Турга
Ой, на этом на Тургае
калина да расте

На этом Тургае калина растет.
Ой, растет она, расцветает
цветок голубой.

33. ПО ШИРОКИМ СТЕПЯМ УКРАИНЫ

По широким степям Украины
Ветер волос ему развевал.
А в окопах широких, глубоких
Там солдат молодой умирал.*

— Ой вы, братцы, ведь мне
не дожждаться,
Когда солнце над миром
взойдет.

Ой вы, братцы, умирать неохото:
Мне пошел восемнадцатый год.

Ой, вы, братцы, солдат умирает,
Перевяжите вы рану мою,
Подвела меня долюшка злая,
В этом жарком, кровавом бою.

Солнцем высушит грудь молодук
Будут кости валяться в песке,
А с деревьев осыпятся листья
И в могилу укроют от всех.

И придет мать с последней
молитвой

Сыну долг свой последний отдать
И напрасно родная мамаша
Будет долго по сыну рыдать,
И напрасно родная мамаша
Будет долго сынка поджидать...

34. КАК ПО СИНЕМУ ПО МОРЕЧКУ

Как по синему по моречку, да,
Лебедь с орле.....чком сполетывал.
Лебедь с орлечком сполетывал, да,
Лебедь орле.....чка выпрашивал.
Лебедь орлечка выпрашивал, да,

Уж ты, батюшка сизой орел,
Уж ты, батюшка сизой орел, да,
Не бывал ли на моей(и) стороне?
Не бывал ли моей(и) стороне, да,

Не слыхал ли о моей голове?
Не слыхал ли о моей(и) голове, да,
Что не тужут отец-мать обо мне?
Что не тужут отец-мать обо мне,
да?

— Они тужут, сомневаются.
Они тужут, сомневаются, да,
Сына в гости дожидаются.
Сына в гости дожидаются, да,
Сына в гости из походчика.....

* Последние две строчки куплета повторяются дважды.

35. УЖ ВЫ, ГОРЫ МОИ

Уж вы, горы мои, да развысоко.....
Ой, да развысоко.....и.....э.....со.....
сокине,
Да ничего же вы, горы, да не
споро.....
Ой, да не споро.....и.....э.....ро.....
родили.
Ничего же вы, горы, да не споро.....
Ой, да не споро.....э.....ро.....родили.
Да спородили горы да сыр(ы)
мате.....
Сыр(ы) да мате.....э.....те.....терый
дуб.
Спородили горы да сыр(ы) мате.....
Сыр(ы) да мате.....э.....те.....терый
дуб(ы).
На дубу-то сидит(ы) воль(и)
на пта.....
Ой, да воль(и)на пта.....и.....э.....
пта.....пташечка.
На дубу-то сидит(ы) воль(и)на
пта.....
Ой, да воль(и)на пташеч(и)ка
да стар-сизой
Стар(и) да сизой.....е.....ей.....сизой
орел.
Воль(и)на пташ(и)ка да стар(ы)-
сизой.....
стар(ы) да сизой.....и.....э.....сизой
орел.
Во когтях(ы) да дер(ы)жал(ы)
чер(ы)на во.....

Ой, да чер(ы)на во.....и.....э.....
ворона.
Во когтях(ы) да дер(ы)жал(ы)
чер(ы)на во.....
Ой, да (чер(ы)на.....и.....э.....
вор(ы)на,
Чер(ы)на вор(ы)на да брата ро.....
Ой, да брата ро.....и.....э.....ро.
род(ы)нова.
Чер(ы)на ворона, да брата ро.....
Ой, да брата ро.....и.....э.....ро.....
род(ы)нова.
Да уж он пить(и) да не пьет(ы)
все выпра.....
Ой, да все выпра.....и.....э.....
спрашивает:
Ой, да все выпра.....и.....э.....
спра.....спрашивает.
Уж он пить да не пьет(ы)
все выпра.....
Ой, да все выпра.....и.....э.....
.....спра.....спрашивает:
— Уж и где же ты летал(ы),
где споле.....
Ой, да где споле.....и.....э.....где
сполетывал?
Уж и где же ты летал(ы),
где споле.....
Ой, да где споле.....и.....э.....
сполетывал?

38. ТАМ ВДАЛИ ГРОМ ГРОХОТАЛ

Там вдали гром грохотал(ы),
Между двух огромных скал
Пробирался почкой темной
Саптарный наш отряд.

Там вдали видна повозка,
На повозке красный крест,
И с повозки слышны стоны:
Скоро, скоро ли конец?

— Скоро, скоро, — отвечала
Милосердная сестра,
А сама одна шагала,
Вся измучена была.

— Скоро мы на путь наедем,
Напою вас, накормлю.
Перевязки всем поправ(ы)лю,
Женам письма напишу.

39. ИЗ-ЗА ЛЕСА КОПИЯ МЕЧЕЙ

Из за леса копия мечей,
Идет сотня буденновцев(ы)
Ой, жги, коли, руби!
Идет сотня буденновцев(ы)
лихачей.

Идет сотня буденновцев(ы)
лихачей.

Попереди командирик молодой
Ведет сотню буденнов(ы)цев(ы)
за собой.

Ой, жги, коли, руби!
Ведет сотню буденнов(ы)цев(ы)
за собой.

Проезжали мы колхозные поля,
Все колхозники кричали нам:
«Ура!»

Эй, жги, коли, руби!
Все колхозники кричали нам:
«Ура!»

Проезжали мы колхозные дворы,
Все колхозники дарили нам цветы.
Эй, жги, коли, руби!

Все колхозники дарили нам цветы.

Вот поедем на границу воевать,
Разобьем мы весь германовский
отряд.

Эй, жги, коли, руби!
Разобьем мы весь германовский
отряд.

Разобьем мы весь германовский
отряд

И вернемся мы на родину опять.

Эй, жги, коли, руби!
И вернемся мы на родину опять.

40. ИЗ-ЗА ЛЕСА КОПИЯ МЕЧЕЙ

Из-за леса, леса копия мечей.
Едет сотня буденновцев-лихачей.

Эй! Пусть говорят — да, да!

Едет сотня буденновцев-лихачей.

Все буденновцы лихие лихачи.
— Саблю в руки! За мной
по полю скачи!
Эй! Пусть говорят — да, да!
Саблю в руки! За мной по полю
скачи!

Командир на пноходце, молодой,
Ведет сотню буденновцев за собой.
Эй! Пусть говорят — да, да!
Ведет сотню буденновцев за собой,

Мы сражались на широких
на полях,
Кровь лилася по колено лошадям.
Эй! Пусть говорят — да, да!
Кровь лилася по колено лошадям.

Мы проехали манчжурские края.
Закричали: «Власть Советская —
ура!»
Эй! Пусть говорят — да, да!
Закричали: «Власть Советская —
ура!»

Мы проехали манчжурские мосты,
Все рабочие бросали нам цветы.
Эй! Пусть говорят — да, да!
Все рабочие бросали нам цветы.

41. ЗА ЛЕСОМ СОЛНЦЕ ВОССИЯЛО

За лесом солнце воссияло,
Где черный ворон прокричал.*
Слеза на грудь ему упала,
Последний раз «Прощай!» —
сказал.

Благослови, меня, мамаша,
Быть может на смерть еду я.

Быть может, скоро я вернуся,
Быть может, сроду никогда.
Быть может, шашка-лиходейка
Сразит меня из-за куста.
Быть может, пуля роковая
Убьет на поле молодца.

42. ЗА УРАЛОМ, ЗА РЕКОЙ

За Уралом, за рекой,
Казачи гуляют,
Э-гей, гуляют,
Казачи гуляют.

Казачи не простаки:
Вольные ребята.
Э-гей, гуляют
Вольные ребята.

Они ночью мало спят,
В поле разъезжают.
Э-гей, гуляют.
В поле разъезжают.

На них шапки-тумаки,
Все живут богато.
Э-гей, гуляют,
Все живут богато.
— Режь, товарищ, брат родной,
Шашка-лиходейка.
Э-гей, гуляют —
Шашка-лиходейка.
Пропадем мы ни за что!
Жизнь наша — копейка.
Э-гей, гуляют —
Жизнь наша — копейка!

* Каждый куплет повторяется дважды.

Ох, зелено жито, да, казака видал,
Казака видал, да убитой лежит.
Ох, убитой лежит да весь
израненный.

Убитой лежит да весь израненный,
Эх, между ребриков да проросла
трава,
Вкруг сердечушка, да, прородилася.

48. ПРИСТИГАЕТ СЛУЖБА ЦАРСКАЯ

Головушка моя бедная,
Сторонушка чужа дальняя.

Пуцу коня на долинушку,
Сам я сяду под былиночку.

Пристигает служба царская —
Нет ни коня, ни седелица.

Былиночка к земле клонится,
А мне молодцу спать хочется.

И пойду во Казань-город,
Куплю коня и седелице.

Придут турки воевать будем.
Коня убьют конь другой будет.

Оседлаю коня во черкесско седло,
И поеду во Китай-город.

Коня убьют конь другой будет,
Меня убьют девкам жаль будет.

49. МОЛОДЦУ-КАЗАКУ

НЕ О ЧЕМ ТУЖИТЬ

Молодцу-казаку
Не о чем тужить,
С командиром-хвatom
Весело служить.
Он нас не печалит,
Он нас не бранит,
Он за дело хвалит,
За безделье бьет, бьет!

Хотя служба трудная —
Это не беда.
Убирать лошадушку
Нужно завсегда, да.
Ездим на учепнице,
Строимся в ряды,
Получаем манежи,
Делим на взводы.

Ника удалая
Штыкова сестра
От царя родного
Для врага дана.

50. СИНЕ МОРЕЧКО

Сине моречко колыхается,
Орел с лебедем купается.
У орла-то лебедь пытается:
— Уж ты, батюшка, млад сизой
орел,

Не бывал ли, орел, на моей
стороне,
Не слышал ли, орел, о моей
голове?

ВОЕННО-БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

51. ДОЛЯ КАЗАКА

Вот заныло мое ретивое
с сторонке да об(ы) род(ы)ной.
Кужба-матка мне и надоела,
Ихворал(ы) мой конь, да, лихой
Коню на месте, ой-да, не стоится,
да,
Конь копытом(ы) землю, да, бьет.
Гы лети, ой-да, конь ретивый, да,
На родимую да сторону.

...Не доскакал казак, ой-да,
Один был выстрел роковой,
до дому
Его мать жила, да ну, старушка,
да,
Во селе жила, да ну, одна.
Она богу все, да ну, молилась
Перед вечернею, да ну, порой.
Перед ней горит, да ну, лампада,
да,
Пред(ы) иконою, да ну, святой...

52. СКАКАЛ КАЗАК ЧЕРЕЗ ДОЛИНУ

Скакал казак через долину,
Через Манчжурские края,
Скакал он, всадник одинокий,
Вместит колечко на руке.

Завидел хату за горою,
Забилось сердце казака.
Навстречу шла ему старушка
И торопливо говорит:

Скакал он, всадник одинокий,
Вместит колечко на руке.
Кольцо казачка подарила,
Когда казак шел во поход.

Навстречу шла ему старушка
И торопливо говорит:
— Напрасно ты, казак,
стремисься,
Напрасно мучаешь коня.

Кольцо казачка подарила,
Когда казак шел во поход,
Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.

Напрасно ты, казак, стремисься,
Напрасно мучаешь коня:
Тебе казачка изменила,
Другому сердце отдала.

Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.
Вот год прошел казак
стремится,
К селу родимому спешит.

Тебе казачка изменила,
Другому сердце отдала...
И повернул казак налево
И в чисто поле поскакал.

Вот год прошел — казак
стремится,
К селу родимому спешит.
Завидел хату за горою,
Забилось сердце казака.

И повернул казак налево
И в чисто поле поскакал.
Он в поле снял с себя винтовку
И жизнь разбитую кончал.

— Я бы рад был отпустить
тебя, —
Ты долго пробудешь.
Эх, ты напейся воды холодной —
Про свою любовь забудешь.

— Пил я воду, пил(ы) холодну,
Пил не напивался.
Эх, любил(ы) парень забайкалк:
С ней он любо-любовался.

61. ОХ, ВО ДОРОГЕ

Ох(ы), во дороге, ох, во дороге,
Во дороге там случилася беда*
Ой, там убили, ой, там убили,
Эх, там убили молодого казака.
Ой, схоронили, ой, схоронили,
Эх, схоронили при широкой
долине.
Ох, та(ы)м летели, ох, та(ы)м
летели,
Эх, там летели соколики стороной.
Ох(ы), сели, пали, ох(ы), сели,
пали,
Эх, сели-пали у вдовушки на дворе
Ох(ы), крылышками, ох(ы),
крылышками,
Эх, крылышками широк дворик
размели.

Ох(ы), встань, проснися, ох(ы),
встань, проснися
Эх, встань, проснися, вдовушка
молода
Ох(ы), пойд-выйди, ох(ы),
пойд-выйди
Эх, пойд-выйди за широки
ворота
Ох(ы), там послушай, ох(ы), там
послушай,
Эх, там послушай, чего люди
говорят.
Ох(ы) люди бают, ох(ы) люди
бают,
Ох(ы), люди бают, ох(ы), люди
бранят.

62. ЭХ, ПРИ ДОРОГЕ

Эх, при дороге,
Эх, при дороге там случилася
беда**

Эх, схоронили,
Эх, схоронили при широкой
долине.

Эх, там убили,
Эх, там убили молодого казака.

Эх, там летели,
Эх, там летели соколочки-сокола.

* Каждое двустопишие повторяется дважды.
Каждая строчка поется два раза.

Ох, они сели,
Ох, пощипали у вдовушки во дворе.

Ох, крылышками,
Ох, крылышками разметали широко.

Ох, голосами,
Ох, голосами они вдовушку будят

— Эх, встань-проснися,
Эх, встань-проснися, вдовушка молода.

Эх, пойди-выйди,
Эх, пойди-выйди, за широки ворота.

Эх, там послушай,
Эх, там послушай, чего люди говорят.

Эх, люди бают,
Эх, люди бают и все вдовушку бранят.

63. ВО ЛУГАХ

Во лугах, лугах, лугах,
Во зеленых лугах,
Во зеленых лугах
Во шелковой травоньке.

Во шелковой травоньке
Серебряно колечко,
Серебряно колечко
Зажигало сердечко.

Пишу, пишу твое лицо
Во бумажный во листок,
Во бумажный во листок,
Во карманчик положу.

Во карманчик положу,
Хожу, хожу — погляжу,
Хожу, хожу погляжу, да,
На твое бело лицо.

На твое бело-румяное
На приветливое,
На приветливое
Свою ласковую.

Сударыня-барыня,
Не гневайся на меня,
Не гневайся на меня,
Что я не был у тебя.

Что я не был, не бывал
Я в Москве-городе гулял
В Москве-городе гулял,
Покупанчики покупал.

Покупанчики покупал
Капитана снаряжал
Капитан-поручик,
Сизенький голубчик.

64. ВО ПОЛЕ БЫЛО, ПОЛЕ

Во поле было, поле,
Во поле было, поле,
Во поле было, поле,
В широком раздолье.*

Стояло, выросло,
Стояло, выросло,
Стояло, выросло,
Тако низко древо.

* Две последние строчки каждого куплета исполняются дважды.

Такое низко древо,
Такое низко древо,
Такое низко древо —
Березонька бела.

Под этою березой,
Под этою березой,
Под этою березой
Гусарик убитый.

Кисеюшку открывала,
Кисеюшку открывала,
Кисеюшку открывала —
Друга признавала.

Гусарик убитый,
Гусарик убитый,
Гусарик убитый,
Кисеей накрытый.

Подходила к нему панья,
Подходила к нему панья,
Подходила к нему панья,
Панья молодая,

65. КАЗАК ВЕРНУЛСЯ К САШЕ

Ехал тихо над рекою
Удалой казак,
Фуражечку набекренил,
Весь мундир в пыли.

Фуражечку набекренил,
Весь мундир в пыли.
Пистолетик при уборе,
Шанка до земли.

От его копыя стального
Светится конец.
В грудь упершись бородою,
Задремал казак.

Конь узды своей не чует —
Шагом выступает.
По дорожке вправо, влево —
Прямо к Саше в дом.

— Выдь, Сашурынька милая,
Дай коню воды...
Я коня твоего не знаю,
Боюсь подойти.

Я коня твоего не знаю,
Боюсь подойти...
— Ты коня моего не знаешь —
Забыла меня.

66. СИДЕЛ ВОРОН

Сидел ворон на белой березе, да,
А мой милый на сером коне.

— Ой-да, не журился, моя
дорогая.
В чужой-дальней, ой, я стороне.

Не журился, моя дорогая,
Не вздыхай-ка, ой-да, тяжело.

Ой-да, хоть дружка тебе милого
жалко,
Позабить все ж придется его..

69. ИЗ-ЗА ЛЕСА, ЛЕСА ТЕМНОГО

Из-за леса, леса темного
Не бела заря занималася,
Не бела заря занималася.
Не красно солнце закатилося,
Не красно солнце закатилося.

Выезжал на поле добрый молодец,
Добрый молодец, удалой казак,
Удалой казак Емельянушка.
Удалой казак Емельянушка,
Емельян-казак, сын Иванович.

**ЛЮБОВНЫЕ, СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ
ПРОГОЛОСНЫЕ ПЕСНИ**

70. ОЙ, ТАМ НА ГОРЕ

Ой, там на горе, ой, там на крутой
Ой, там сидела пара голубей*
Сидели они, любовались,
Сильными крыльями обнимались.
Откуда взялся охотник-стрелец,
Разбил, разлучил пару голубей.

Он голубя убил, голубку словил,
Он взял под полу, понес до дому.
Принес до дому, пустил по двору.
Насыпал пшеница полно корытце,
Голубка не ест, голубка не пьет,
На крутую гору плакать идет.

71. ТЫ ПОСЛУШАЙ-КА, СЕСТРА

Ты послушай-ка, сестра,
Шью тебя идет молва:
Не пора ли тебя замуж отдавати?***

Ты послушай, родной брат,
Дай мне годик погулять,
Дай мне с годик пожить,
повеселиться.

Ты послушай-ка, сестра,
Чей там коник у двора,
Чей там коник стоит да белоногий?

Ты послушай, родной брат,
От заезжий, дальний сват
При пути, пути-дорожке
запоздалой.

Ты послушай-ка, сестра,
Чей там голос у тебя,
Чей там голос во спальне
раздается?

— Ты послушай, родной брат,
Это струнушки не в лад:
Я вечер на гитарушке играла.

— Ты послушай-ка, сестра,
Чья там сабля у тебя,
Чья там сабля на стеночке
блистает?

— Ты послушай, родной брат,
Это месяц на закат
Это месяц на закате серебрится.

— Ты послушай-ка, сестра,
Я тебе уж не судья.
Я судить-рядить тебя больше не
буду!

* Вторая строчка поется дважды.

** Третья строчка поется два раза.

Я на клеточку присела,
Клетка золотом горит.
Расколися, моя клетка,
Я на волю полечу.

75. СКУЧНО ПТАШКЕ

Скучно пташке сидеть в клетке,
Нет ей воли дорогой.
На зеленой лучше ветке,
Во клетке золотой.

На зеленой лучше ветке,
Во клетке золотой.
Зимний холод весь да проходит,
Летна, лето настает.

Зимний холод весь проходит,
Летна, лето настает.
И природа торжествует
Возвращенью ясных дней.

И природа торжествует
Возвращенью ясных дней.
Ой ловец поставил клетку
Для погибели моей.

Злой ловец поставил клетку
Для погибели моей.
Я ошиблась, залетела,
Не заметила сетей.

Я ошиблась, залетела,
Не заметила сетей.

Тут летит другая пташка
И с насмешкой говорит.

Тут летит другая пташка
И с насмешкой говорит:
— Что ты, птичка, не летаешь,
Что ты песен не поешь?

— Хорошо тебе смеяться
Над несчастной надо мной.
Когда я была на воле,
Непа летом и весной.

76. ЗА ГОРОДОМ

За городом горы высоки,
За городом солнце горит,
Скучал мой милый далеко,
Милому сердце болит.

Скучал далеко, далеко,
Милка его сторона.
Не забывай, милый, меня,
Я остаюсь не одна.

Ой, люли, ой, люли, ой, люли,
Ой, люли, дитя мое спать!
А я пойду сяду за столик —
Письмо дорогому писать.

Он пишет, что любит другую.
Он пишет: забудь про меня.
Но я бы давно позабыла,
Но жаль, что детина мала.

Примечание: две последние строчки куплета повторяются дважды.

77. ЧТО ЗА ВАНЯ ЗА КУПЕЦ?

Что за Ваня за купец?!
Обманул девчонку
Разудалый молодец.
Разудалый молодец.
Сам сел на колясочку,
Сказал: «Девица, прощай!»
Сказал: «Девица, прощай!
Прощай, прощай, девица,
Раскрасавица да моя.
Раскрасавица моя.
Как у этой девицы
Помутились глаза.
Помутились глаза,
Глаза помутились,
Покатилась да слеза.
Покатилась слеза,
Слеза покатила.
Стали люди замечать,

Стали люди замечать,
Тятеньке со мамонькой
Неприятности казать.
Неприятности казать.
Мамонька ругается:
— Это что за темна ночь?
Это что за темна ночь?
Тятенька ругается:
Распроклята наша дочь!
Распроклята наша дочь!
Дочь взяла ведерочки,
Сама по воду пошла.
Сама по воду пошла,
Бросила ведерочки,
Сама в речку бросилась.
Сама в речку бросилась.
— Пусть родима маменька
С ключевой водичкой идет.

С ключевой водичкой идет.
Пусть родимый тятенька
Ключевую воду пьет!

78. СО ВЕЧЕРА ДОЖДЬ ИДЕТ

Со вечера дождь идет,
По утру да ну туман.
На меня на девицу
Все горе да ну печаль.

На меня на девицу
Все горе да ну печаль.
День и ночь горюю я:
Забыл милый про меня.

День и ночь горюю я:
забыл милый про меня.
Он забыть-то не забыл,
Он другую полюбил.
Он забыть-то не забыл,
Он другую полюбил.
Чем она да ну хорошая?
Чем она лучше меня?

Чем она хорошая?
Чем она лучше меня?
Или брови черные,
Карие да ну глаза?
Или брови черные,
Карие да ну глаза?
Я любить сумела бы
Так же, как любит она.

79. ЛЕТЕЛ ВОРОН

Летел ворон по над садиком
зеленым,
Да стал калину он клевать.
Любил(ы) парень молодую дивчину,
Да стал ее забывать.

Ты скажи-ка, друг мой
разлюбезный,
Отчего ты заболел?
Или от Бога, иль от добрых
людей.
Или от любушки своей?

— Я — не от Бога, не от доб(ы)
рых людей.
Я — от любушки своей».

80. ОЙ, ТАМ НА ГОРЕ

Ой, там на горе, ой, там(ы) на
крутой
Там сидела парочка голубей*
Она сидела паровалася,
Всеми крылами обвивалася.
Откуда взялся охотник-стрелец —
Разбил, разлучил пару голубей.

Голубка не ест, голубка не пьет,
Все на круту гору плакать идет.
— Голубка моя, сизокрылая,
Что ж ты такая хлопотливая?
— А как мне не быть хлопотливою,
Была я парой, осталась одна.

81. СОЛОВЕЙ-СОЛОВЬЮШЕК

Соловей-соловьюшка,
Что же ты не весел,
Голову повесил(ы),
Зерна не клюешь?

Голову повесил,
Зерна не клюешь.
— Склевал бы я зернышко.
Да во клетке нет.

* Вторая строчка двустопишия повторяется дважды.

Склевал бы я зернышко,
Да во клетке нет.
Золотая клеточка
Сушила меня.

Золотая клеточка
Сушила меня..
Молодая девчоночка
По садику гуляла.

Молодая девчоночка
По садику гуляла, да,
Наколола ноженьку,
Сделалась больна.

Наколола ноженьку,
Сделалась больна.
Кричала, кричала
— Дайте доктора сюда!

Кричала, кричала
— Дайте доктора сюда!
Приезжает доктор,
Парень молодой,
Приезжает доктор,
Парень молодой,
Спрашивал(ы) дев(ы)чоночку,
Чем она больна?
Спрашивал девчоночку,
Чем она больна
— Болят ручки, ноженьки,
Болят голова.
Болят ручки, ноженьки,
Болят голова.
— Врешь, ты врешь, девчоночка—
В парня влюблена!

82. УЖ ТЫ, САД, ТЫ, МОЙ САД

Уж ты, сад, ты, мой сад,
Сад веселенький, да,
Сад зеле.....ой, сад зелененький.

Сад зелененький,
Ты зачем рано, садок, да,
Осына.....ой, осынаешься?

Осынаешься,
Ты далеко ли, милый мой, да,
Собира.....ой, собираешься?

Собираешься,
То ли в бой, то ли в поход, да,
В путь-дороженьку?

В путь-дороженьку.
Со всеми ты, милый мой, да,
Все прощаой, да, прощаешься.
Все прощаешься,
А со мною молодой, да,
Все руга.....ой, да, ругаешься.
Все ругаешься,
Не ругайся, милый мой, да,
Не воро.....ой, не воротишься.
Не воротишься.
Будешь каяться, милый, да,
Будешь каой, будешь каяться!

83. СО ВЕЧЕРА ДОЖДИК

Со вечера дождик,
Поутру, да ну, туман,

На меня, на девицу,
Эх, и горе, да ну, печаль.

Красну девицу
 Все да горе, да ну печаль.
 Третий день горюю —
 Эх, и забыл мил про меня.
 Третий день горюю
 Забыл милый про меня.
 Он забыть-то не забыл,
 Эх, другу сплюбил.
 Забыть не забыл, уж
 Другу сплюбил.
 Чем она хорошая,
 Эх, чем же да краше меня?
 Милая, хорошая,
 Чем краше она меня?
 Личиком побелее,
 Эх, щечки румяны

Личиком белее,
 Щечки румяны.
 Сяду я на лавочку,
 Эх, и за дубовый стол.
 Сяду я на лавочку,
 За дубовый стол.
 Гляну я в окошечко.
 Эх, по улице вдоль.
 Гляну я в окошечко.
 По улице вдоль —
 Не идет ли миленький,
 Эх, из походу домой?
 Не идет ли миленький
 С походу, ну, домой,
 Не несет ли колечко
 Али перстень золотой?

84. ЯСНЫЙ МОЙ СОКОЛ

Ясный мой, да ты, сокол, же
 Высоко летал, летал, летал
 Э-ой(и)-да, высоко летал.
 Чего там видал?
 Видал, видал?
 Э-ой(и)-да, чего там видал?
 На море корабль,
 Корабль, корабль,
 Э-ой(и)-да, на море корабль.

Как на этом корабле-то
 Горенка нова, нова, нова.
 Э-ой(и)-да, горенка нова.

Как во этой горенке-то
 Там жила вдова, вдова, вдова,
 Э-ой(а)-да, там жила вдова.

Как у этой вдовушки-то
 Дочка хороша, хороша, хороша,
 Э-ой(и)-да, дочка хороша.

Как у этой доченьки, да,
 Косынька руса, руса, руса,
 Э-ой(и)-да, косынька руса...

85. СПОРОДИЛА МОЛОДА ДИВЧИНА

Спородила, эх! молода див(ы)чина
 да,
 Тай хоро..... хорошего сына.

Она его, эх! его спородила, да,
 При широ.....широкой долине.

Вот дала она, эх! она ему имя, да,
Имя, имя казаченька.

Вот дала же, эх! ему стан широкий,
Еще че.....черные брови.

86. ЧТО ИВАНУШКА ПО БЕРЕГУ ИДЕТ

Что Иванушка по бережку.....у
иде.....ет.
Он идет, ох, идет и не трехнется.
Он идет, идет(ы), не тре.....ехнется,
Чер(ы)ны куд(ы)ри не шелохнутся.
Черны куд(ы)ри и не шелохнутся,
Чер(ы)ные куд(ы)ри при.....и.....
хороша.....а.....тые.
Черны куд(ы)ри при.....и.....
хорошатые.
Цар(ы)ская морская слобода.
Цар(ы)ская мор(ы)ская слобода
.....а,
Королевска славы(ы)на улица
больша.
Королевска слав(ы)на улица.....а
больша.....а.
Ра.....а.....стет там(ы) зе.....е.....
лений сад.
Растет(ы) там(ы) зеле.....оный сад.
Там(ы) соловьюшки посвистывают.
Там соло.....о.....вушки
посвистывают,
Добрый молодец(ы) поигрывает.

Доб(ы)рый молодец поигрывает,
Кому (ды) воля, кому нет воли
гулять.
Кому воля, кому нет воли гулять.
Воля, воля красным девуш(и)кам
гулять.
Воля, воля красным девушкам
гулять.
У молодухек мужья-то не велят.
У молодухек мужья не велят.
У молодушки три заботушки.
У молодушки три, три забо(о)
тушки.
Первая забота-заботуш(и)ка,
Первая забота, ой, заботуш(и)ка
Ретиво-то сердце зазнобуш(и)ки.
Ретиво, ой, сердце-то зазнобуш(и)
ки.
Вторая забота-заботушка,
Вторая забота, ой, заботуш(и)ка —
Свекор(ы) да свекровуш(и)ка,
Свекр(ы), ой, да, свекровуш(и)ка.
А третья забота-заботуш(и)ка,
А третья-то забота-заботуш(и)ка—
Еще баю-баю, малое дитя.

87. ИЗ-ПОД КАМУШКА, ИЗ-ПОД БЕЛОГО

Из-под камушка, из-под белого, да,
Течет(ы) реченька, речка быстрая,
Речка быстрая, вода чистая, да.
Как на той(и) речке девка мылася,
Она мылася и купалася, да,
Вышла на берег(ы), дивовалася,

Раздонской казак бел(ы) коня
пойть(и).
Бел(ы) коня поить и жену топить.
Как жена мужу воз(ы)молялася,
В резвы ножень(и)ки поклонялася:
— Уж ты, муж-то мой, раз(ы)
донской казак,

топи меня да рано с вечера, да,
топи меня да рано с вечера, да,
топи меня(ды) во г(ы)луху

полночь:

люди добрые спать улягутся, да,
люди деточки да успокоятся.

как старшая дочка догадалася, да,
отом раненько да просыпалася,
отом раненько пробуждалася, да:

Уж ты, тятенька, да где наша
мамось(и)ка?

Ваша мамось(и)ка в новой(и)
горнице, да,
она белится да и румянится,

Она белится да и румянится, да,
В бело платьице да одевается..
Детки плакали, все расплакались,

да:

— Уж ты, тятенька, да где наша
мамоська?

Вы не плачьте, мои деточки, да,
Я построю вам(ы) семью новую,
Я построю вам(и) семью новую,
Приведу я вам(ы) мать неродную...

— Ты стори, стори семь(и)я
новая, да,
Ты умри, умри, мать неродная!

88. ОЙ, ТЫ ПОДУЙ!

Ой(и), ты подуй, ой, ты подуй,
Подуй, ветер, со горы, да подуй.
ветер со горы.

Ой(ы), со горы, со горы,
со восточной стороны, да со
восточной стороны.

Ой(ы), ты надуй, ой, ты надуй,
Надуй тучу грозную, да надуй
тучу грозную.

Ой(и), ты убей, ой, ты убей,
убей мужа старого, да убей мужа
старого.

Ой(и), старого, ой, да старого,
Старого, ревнивого, да старого,
ревнивого.

Ой(и), мне не жаль, ой, мне не
жаль,
Не жаль мужа старого, да не
жаль мужа старого.

Ой(и), только жаль, ой, только
жаль
На нем шуба новая, да шуба на
нем новая.

Ох(ы), я сама, ох(ы), я сама
Сама чернобровая, да сама
чернобровая.

89. НА ЗАРЕ БЫЛО НА ЗОРЕНЬКЕ

На заре было на зореньке, да,
На заре было на утренней.
Молодушка коровушек доила, да,
Подоймши молочко цедила,

Подоймши, молочко цедила, да,
Процежимши, душу Ваню поила.
Процежимши, душу Ваню поила,
да,
Напоймши, уговаривала.

Напоимши, уговаривала, да:
Не женися, дружок Ванюшка,
Если женишься, спокаешься. да,

Если женишься, спокаешься, да
С молодой женой намаешься.
Надоест тебе молодая жена, да
Надоскучат малы детушки:

90. ЗАГОРЕЛАСЬ ВО ПОЛЕ КАЛИНА

Загорелась во поле калина,
Заболело у казака сердце.
Заболело у казака сердце:
Чужие жены в поле работают.
Чужие жены в поле работают,
Моя шельма все пьет да гуляет.
Моя шель(и)ма все пьет да гуляет.
Знал бы, знал(ы) бы мальчик —
не женился.

Знал бы, знал(ы) бы мальчик
не женился
Поступил бы мальчик во солда
Поступил(ы) бы мальчик во
солда
Заслужил бы чина офицера.
Заслужил бы чина офицера,
Взял бы взял(ы) бы дочку у
майор

91. ОЙ, ДА СНЕЖКИ БЕЛЫЕ

Ой, да снежки белые в поле
пушистые,
Ой, да принакрыли полюшко все.
Поле все.
Ой, да одно поле было не накрыто,
Ой, да горе лютое да мое.

Ой, да мое.
Ой, да пойду с горя в чистое пол
Ой, да я взойду на бугорок.
Ой да бугорок.
Ой, да, где подсеченный стоит
пенечка
Ой, да погорюю, сяду я на нем.

Сяду я на нем.
Ой, да слеза капет, снег в поле
растает,
Ой, да в поле вырастет трава...

92. УЖ КАК ПО ДВОРУ,

ПО ДВОРИЦУ

Уж как по двору, по дворицу,
Ой, по широкому раздольицу,

По широко.....
Му раздольицу.

Как во садике капустака
Белым(и) бела,
Что белым(и) бела, да,
Незаломыная.

Что белым(и) бела, да,
Незаломыная.

Взял бы, взял бы заломал(ы) —
За три ночи под(ы)росла бы.

Взял бы, взял бы заломал(ы) —
За три ночи под(ы)росла бы.

Твои мягоньки листочки
Под себя подослал(ы).

Твои мягоньки листочки
Под себя подослал.

На что мягко стлать(и),
Когда не с кем спать(и)?

На что мягко стлать(и),
Когда не с кем спать?

На что бело умываться,
Когда не с кем целоваться?

На что бело умываться,
Когда не с кем целоваться?
На что хорошо ходить(и),
Когда некого любить(и)?

На что хорошо ходить(и),
Когда некого любить(и)?
Я кручиною оденусь,
Печаль(и) в голову положу.

Я кручиною оденусь,
Печаль(и) в голову положу.
— Ты расти, моя кручина.
Вырастай, моя печаль(и).

Ты расти, моя кручина.
Вырастай, моя печаль,
Вырастай, моя печаль(и).
Вся цветами расцветай(и).

Вырастай, моя печаль(и),
Вся цветами расцветай,
Вся цветами расцветай, да,
Все лазоревыми.

95. НЕ БЕЛА-ТО ЗАРЯ

Не бела-то заря
В окошечке заря взошла.
Ой, дорожку не светел месяц,
Не светел месяц просветил.

Не светел(ы) ты месяц,
Дорожку милый просветил.
Он(ы) уехал, не сказал(ы):
— Душа моя, прощай!

Мил уехал(ы). не сказал(ы):
— Душа моя, прощай!
Он(ы) со дб.....дорб.....о.....жень(и)
Словесно милый наказал.
ки

Он с дороженьки словесно
милый наказал:
— Ой, да ты не плачь,
ка.....заченька,

Раздушенька да ты моя.

Ты не плачь, да не плачь,
Раз.....раздушенька,

Ой, да не рони.....и.....ка слезы.

Не рони-ка слезы

По белому да по лицу.

Ой, да слезы ро.....о.....нишь — лицо
Портишь, свою красоту.

**КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЕ
И СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ**

96. ОЙ, ПОЙДУ Я ВО КОНЮШЕНКУ

пойду я да во конюшенку,
однаю вороного коня.
однаю я вороного коня.
одну коня во долинушку.
одну коня я во долинушку,
там лягу под малинушку.
там лягу я под малинушку.
малина низко клонится?
малина да низко клонится?
мне молодцу уснуть хочется.

А мне молодцу уснуть хочется.
Уснул, уснул, да недолго спал.
Уснул, уснул, да недолго спал,
А на третий день я к обеду встал.
А на третий день я к обеду встал,
Я не сам встал — красна девка
взбудила.
Я не сам встал — красна девка
взбудила,
Коня вороного за уздечку привела.

97. ОЙ, БРАЛА Я РОЗУ

Ой, брала я розу в зеленом
саду.
брала, бросала во быстру
реку*
мни, моя роза, во те ворота,
мни, казаче, бо я сирота...
Объехал все села и все города,
пошел тебя сватать, любить
навсегда.

— Не надо купаться в холодной
воде,
Искать свое счастье в чужой
стороне.
— А я не купался в холодной
воде,
А я не влюблялся в чужой стороне.
Одну думу думал вблизи и вдали,
К тебе, моя роза, все тропки вели...

98. ВО ДВОР СВАШЕНЬКА ВЪЕХАЛА

двор свашенька въехала.
горда, спесивая,
горда, спесивая,
хотя ступень ступила.
Вторая строчка повторяется дважды.

Нехотя ступень ступила,
Нехотя слово молвила.
Нехотя слово молвила.
Со душой милой девицей.

Со душой милой девицей
Свет Еленой Васильевной.
— Собирайся-ка, девица,
Да во путь, во дороженьку.

Да во путь, во дороженьку,
Во чужую сторонушку.
Та чужая сторонушка,
Она сахаром усыпана.

Она сахаром усыпана,
Черносливом поливана.

99. ОЙ, ПО МОРЮ, МОРЮ СИНЕМУ

Ой(и), по морю,
Как по морю, морю синему*
Да по синему,
По синему по Хвалышскому
Да плывет лебедь,
Плывет лебедь со лебедушкой,
Да с(ы) малыми,
С(ы) малыми лебедятами.
Да под ним вода,
Под ним вода не колышется.
Да откуль взялся,
Откуль взялся да ворог-сокол.

Да убил, зашиб,
Убил, зашиб лебедушку белую
Встрепенулася,
Встрепенулася лебедушка белая
Да под ней вода,
Под ней вода всколыхнулася.
Да пустил перья,
Пустил перья ее по дубровушке
Да брала перья,
Брала перья красна-девица-душ
Своему дружку,
Своему дружку на подушечку

Да и мелкий пух,
Мелкий пух да на перинушку.

100. СТАНЕМ ВАНЮШКУ ЖЕНИТИ

Станем Ванюшку женити,
Станем Ванюшку женити,
Станем Ванюшку женить,
Чтобы долго Ване жить**

Сваты к Дуне приходили,
Сваты к Дуне приходили,
Сваты к Дуне приходили,
В голос Ванюшку хвалили.

* Каждая строчка куплета повторяется дважды.

** Две последние строчки куплета повторяются дважды.

Дуня, Дунюшка, послушай,
Дуня, Дунюшка, послушай,
Дуня, Дунюшка, послушай,
Выйди замуж за Ванюшу.

Ваня Дуню улещает,
Ваня Дуню улещает,
Ваня Дуню улещает,
Все, что надо, обещает.

Все достану для тебя я,
Все достану для тебя я,
Все достану для тебя я,
Если будешь ты моя.

Выстрою тебе светлицу,
Выстрою тебе светлицу,
Выстрою тебе светлицу,
Разодену, как царицу.

Как в раю ты будешь житьи,
Как в раю ты будешь житьи,
Как в раю ты будешь житьи,
Да житье свое хвалить.

101. УЖ ТЫ, МАТУШКА ВОЛГА-РЕКА

Уж ты, матушка Волга-река,
Возлелей ты круты берега.
Возлелей ты круты берега
Им недолго осталось лелеяться.

Им недолго осталось лелеяться
Со весны да вплоть до осени.

Уж ты, маменька, маменька,
Возлелей свою милую дочь.

Возлелей свою милую дочь,
Ей недолго осталось лелеяться.

Ей недолго осталось лелеяться, —

Со утра да день до вечера,
До девятого часика...

С терема пошла, заплакала.
Ей вслед кричит мамейка:

— Возвращайся, милая доченька,
Ты забыла, оставила,

Ты забыла, оставила,
Золоты ключи от горенки.

Ох ты, милая маменька.

Я не одни ключи оставила,

Я не одни ключи оставила,

Я забыла, оставила,

Я забыла, оставила

Свою девичью красоту.

102. ПРИ ПОСЛЕДНЕМ БЫЛО ВЕЧЕРУ

При последнем было вечеру,
Ой, у Марьюшки на девишнечку.

У Марьюшки на девишнечку
Да со далека прилетал сокол.

Потрепеленся, моя утица,
встрепеленся,
чи, да, ой, ля-ли, встрепеленся.
гобою над душечкой орлы
вьются,
чи, да, ой, ля-ли, орлы вьются.

Над тобою над серою возвиваются,
Ой, ля, да, ой, ля-ли, возвиваются
Вот хотят(ы) тебя, утица, поймати,
Ой, ля, да, ой, ля-ли, да поймати.
Твою буйную голову расклевати,
Ой, ля, да, ой, ля-ли, расклевати.

106. ВЕРЕЯ МОЯ, ВЕРЕЮШКА

верей моя, вереюшка,
верей моя точеная,
ле-ли, ле-ли-лей,
верей моя точе.....

А большие на крыльцо взошли,
А Марьюшка испужалася.
Ой, ле-ли, ле-ли-лей,
А Марьюшка испужа.....

верей моя точеная,
оченая, позлаченная.
ле-ли, ле-ли-лей,
оченая, позлаче.....

А Марьюшка испужалася,
Она с горенки во горенку.
Ой, ле-ли, ле-ли-лей,
Она с горенки во го.....

ворота раскачались,
ворота растворялись.
ле-ли, ле-ли-лей,
ворота растворя.....

Она с горенки во горенку,
Во высок теремок ко девушкам.
Ой, ле-ли, ле-ли-лей,
Во высок теремок ко де.....

ворота растворялись,
бояры на двор въехали.
ле-ли, ле-ли-лей,
бояры во двор въе.....

Ко девушкам во высок теремок.
Уж вы, девушки, подруженьки
мои,
Ой, ле-ли-ле-ли-лей,
Уж вы, девушки-подру.....

бояры на двор въехали,
большие на крыльцо взошли.
чи, ле-ли, ле-ли-лей,
большие на крыльцо.....

Уж вы, девушки-подруженьки
мои,
Сберегите, соблюдайте вы меня.
Ой, ле-ли, ле-ли-лей,
Сберегите, соблюди.....

Сберегите, соблюдайте вы меня,
Приехали разорители мои.
Ой, ле-ли, ле-ли-лей,
Приехали разори.....

Приехали разорители мои,
Разорили родна батюшку.
Ой, ле-ли, ле-ли-лей,
Разорили родна ба.....

Разорили родна батюшку,
Прослезили родну матушку.
Ой, ле-ли, ле-ли-лей,
Прослезили родну матушку.

107. Д У Н У Л И В Е Т Р Ы

(Свадебная песня, пелась после выкупа невесты)

Дунули ветры,
Дунули ветры,
Ой, дунули ветрочки буйные,
Ой, дунули ветрочки буйные.

Брякнули скобы,
Брякнули скобы,
Ой, брякнули скобы серебряные,
Ой, брякнули скобы серебряные.

Скрипнули ворота,
Скрипнули ворота,
Ой, скрипнули ворота дубовенькие,
Ой, скрипнули ворота дубовенькие.

Дрогнуло сердце,
Дрогнуло сердце,
Ой, дрогнуло сердце у маменьки.
Ой, дрогнуло сердце у маменьки.

Грянули слезы,
Грянули слезы,
Ой, грянули слезы у девицы,
Ой, грянули слезы у девицы.

Свет у Елены,
Свет у Елены,
Ой, свет у Елены Васильевны,
Ой, свет у Елены Васильевны.

Выходит молодец,
Выходит молодец,
Выходит молодец Иванушка,
Выходит молодец Иванушка.

Свет Васильевич,
Свет Васильевич,
Ой, свет Васильевич со дружка!
Ой, свет Васильевич со дружка!

— Ой, Марьюшка, да Иванови
Чья же ты, чья же ты?
Ой(и), ля-ли, ой, ля-ли, да ля!
Чья же ты, чья же ты?».

«Иванушка, свет Иванович,
Батюшкина, батюшкина,
Ой(и), ля-ли, ой, ля-ли, да ля
Батюшкина, батюшкина!».

Он вывел к нему,
Он вывел к нему,
Да коня с седлом, да с золотым
кольцом.

Это не мое,
Это не мое,
И не суженое, и не ряженое!
Вот вышел к нему,
Вот вышел к нему
Да и средний брат, да и
средний брат.
Он вынес ему,
Он вынес ему
Да сундук с добром, с золотым
замком.

— Это не мое,
Это не мое,
И не суженое, и не ряженое!
Вот вышел к нему,
Вот вышел к нему
Да и младший брат, да и младший
брат.
Он вывел к нему,
Он вывел к нему,
Да и Марьюшку да Ивановну.
— Это все мое,
Это все мое,
Мое суженое, мое ряженое!

113. БЫСТРАЯ РЕЧКА

Быстрая речка, быстрая речка
У ворот, у ворот,
Ой(и), ля-ли, ой, ля-ли, да ля-ли,
У ворот, у ворот.
Честной поезд, честной поезд
По дворе, во дворе,
Ой(и), ля-ли, ой, ля-ли, да ля-ли,
По дворе, во дворе.
Честной поезд, честной поезд
В тереме, в тереме,
Ой(и), ля-ли, ой, ля-ли, да ля-ли,
В тереме, в тереме.
Ой, Иванушка, да Иванович
Под(ы) бочком, под бочком,
Ой(и), ля-ли, ой, ля-ли, да ля-ли,
Под(ы) бочком, под бочком.

Ой, Марьюшка, да Марьюшка
За столом, за столом,
Ой(и), ля-ли, ой, ля-ли, да ля-ли
За столом, за столом.
Ой, Иванушка да у Марьюшки
Спрашивает, спрашивает,
Ой(и), ля-ли, ой, ля-ли, да ля-ли,
Спрашивает, спрашивает:
— Ой, Марьюшка да Ивановна,
Ведь(и) ты моя, ведь ты моя,
Ой(и), ля-ли, ой, ля-ли, да ля-ли,
Ведь(и) ты моя, ведь ты моя!
Иванушка, свет Иванович,
Не твоя, не твоя,
Ой(и), ля-ли, ой, ля-ли, да ля-ли,
Не твоя, не твоя!

114. ТЫ КУДА, УТА-УТИЦА?

— Ты куда, ута-утица?*

Ты зачем(ы)-то вылетела?
Из гнезда перепелиного?

— Не сама я вылетела,
Выводил меня селезень,
Он за правое за крылышко.
Выводил меня тятенька,

Он за правую за рученьку
Заводил меня тятенька
За столы за дубовые.

— Иди, иди ута-утица,
Иди, перепелица,
Иди, иди девица.

115. ВО ГОРЕНКЕ ВО НОВОЙ

Во горенке во новой,
Во новой, во новой*

Стоял столик дубовой,
Дубовой, дубовой.

Настольничек шелковой,
Шелковой, шелковой.

На нем чайник золотой,
Золотой, золотой.

К нему Ваня подходил,
Подходил, подходил,

Себе чарку наливал,
Наливал, наливал
И Елену угощал,
Угощал, угощал

— Выпей чарку за меня,
За меня, за меня.

Роди сына во меня,
Во меня, во меня.

Красотою во тебя,
Во тебя, во тебя!

116. НА ГОРЕ-ТО ВИНОГРАД РАСТЕТ

На горе-то виноград растет,
На горе-то виноград растет,
Ала ягода малина
Во лугах цветет**

Виноград — свет насвечивает,
Виноград — свет насвечивает,
Ала ягода малинушка
Наспеливает.

* Каждая строчка повторяется два раза,

Две последние строчки повторяются дважды.

В горницу заходит,
Во светлицу входит.
Розан, мой розан, виноград
зеленый.

За стол посадила,
Улыбкой одарила.
Розан, мой розан, виноград
зеленый.

Маша у нас хороша,
Васильевна пригожа.
Розан, мой розан, виноград
зеленый.

119. А КТО У НАС ХОЛОСТ?

А кто у нас холост?
А кто неженатый?
Розан(ы) мой, розан(ы),
виноград(ы) зеленый!

На коня садится,
Под(ы)ним(ы) конь бодрится.
Розан(ы) мой, розан(ы),
виноград(ы) зеленый!

А кто неженатый?
Вова куд(ы)реватый!
Розан(ы) мой, розан(ы),
виноград(ы) зеленый!

Плеточкой машет(ы),
Под ним(ы) конь-то пляшет.
Розан(ы) мой, розан(ы),
виноград(ы) зеленый!

В конюшню заходит,
Коня выбирает
Розан(ы) мой, розан(ы),
виноград(ы) зеленый!

К лугу подъезжает,
Луга зеленеют,
Розан(ы) мой, розан(ы),
виноград(ы) зеленый!

120. КАК НА ГОРКЕ КАЛИНА

Как на горке калина,
Как на горке калина, да
Под горкою Сашенька —
малина, да.*

Калинушку ломали, да,
Калинушку ломали,
Калинушку Сашенька ломала.

Там девчоночки гуляли, да,
Там девчоночки гуляли,
Там девчоночка Сашенька
гуляла, да.

Во пучочек вязали, да,
Во пучочек вязали,
Во пучочек Сашенька вязала,

Во Дунай-речку бросали, да,
Во Дунай-речку бросали,
Во Дунай-речку Сашенька
бросала да.

Дунай-речка не пряма, да,
Дунай-речка не пряма.
Дунай-речка, Сашенька, не пряма,
да.

Дунай-речка прижимат,
Ко бережку прижимат, да,
Ко бережку Сашенькин веноч, да.
Ко бережку, ко ярку, да,
Ко бережку, ко ярку,
Во бережку Сашенькин,
да ко ярку.

ИГРОВЫЕ ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

121. УЖ ВЫ, КУМУШКИ

« Ты, кумушки, вы, голубушки,
сшили да вы меня...

« С сосенкою под зеленою
штаной положили да одыню.

« Ты, сосенка, ты, зеленая,
не качайся да надо мной.

« Ты, батюшка, да ты родимый
мой,

« Не жури-ка ты меня.

« Ты будешь журить, если
будешь журить,
« Пуще буду дурить.

« Пуще буду дурить, я пуще
буду дурить,
« Но царев кабак ходить.

« Но царев кабак ходить, во царев
кабак ходить,

« Целовальника любить.

« Целовальник молодой,
целовальник молодой,
« Да невинный дорогой.

« Доверенный дорогой,
доверенный дорогой,

« Штаны плисовые.

« Штаны плисовые, штаны
плисовые,

« Лапти писаные.

« Он плел, ковырял, он плел,
ковырял,

« Ковырялку потерял.

« Жена избу мела, жена избу мела,
« Ковырялку подняла.

« Ковырялку подняла, ковырялку
подняла,

« Своему мужу подала

« — На, муж, подшивай, на, муж,
подшивай,

« Лапти новые давай!

122. КУМА К КУМЕ ПРИХОДИЛА

« Кума к куме приходила,
« Приходила кума, приходила.

« Кума куме говорила,
« Говорила кума, говорила:

« — Приди, кума, не ленися,
« Не ленися, кума, не ленися.

« Вдоль по лавочке не садися,
« Не садися, кума, не садися.

« Я ходила, я гуляла,
« Я ходила, я гуляла по базару,

« Я сронила потеряла,
« Я сронила, потеряла с руки муфту.

Кто бы, кто бы мою муфту,
Кто бы, кто бы мою муфточку
нашел бы?

Я тому бы заплатила,
Заплатила бы, кума, заплатила,
С руки перстень подарила,
Подарила бы, кума, подарила.

123. Я ИЗ ГОРНИЦЫ В ГОРНИЦУ

ХОДИЛА

Я из горницы в горницу ходила.*
Я ходила, я ходила, я ходила.
Я к дубовому комоду подходила,
Подходила, подходила, подходила.
Я побольше графинчик выбирала,
Выбирала, выбирала, выбирала.
Пополней я стаканчик наливала.
Наливала, наливала, наливала.

Я своему милому подавала,
Подавала, подавала, подавала.
Уж ты пей, пей, мой милый,
не пропейся.
Не пропейся, не пропейся,
не пропейся
На меня младу, не надейся,
не надейся,
Не надейся, не надейся,
не надейся.

124. ВОТ И ГРЕБЕНЬ, ВОТ И ЛЕН

Кума к куме приходила,
Кума к куме приходила,
Приходила кума, приходила.
Вот и гребень, вот и лен,
Вот и сорок веретен —
Приходила.

Рубашоночку просила,
Рубашоночку просила,
Просила кума, да просила.
Вот и гребень, вот и лен,
Вот и сорок веретен —
Да просила.

— Кума, кума, дай рубашку,
Кума, кума, дай рубашку,
Дай рубашку, кума, дай рубашку.
Вот и гребень, вот и лен,
Вот и сорок веретен —
Дай рубашку.

Хоть худую, да льняную,
Хоть худую, да льняную,
Да льняную, кума, да льняную
Вот и гребень, вот и лен,
Вот и сорок веретен —
Да льняную.

Кума куме отвечала,
Кума куме отвечала,
Отвечала кума, отвечала
— Вот и гребень, вот и лен,
Вот и сорок веретен —
Отвечала.

— Пряди, кума, не ленися,
Пряди, кума, не ленися,
Не ленися, кума, не ленися,
Вот и гребень, вот и лен,
Вот и сорок веретен —
Не ленися.

* Каждая строчка поется два раза.

Да за новые ворота, за новые,
Э, ой, ли, ой, ля-ли, за новые,
Эх!

За новые, кленовые, за
решетчатые,
Э, ой, ли, ой, ля-ли, да за
решетчатые.

Я все про все с милым говорила,
Э, ой, ли, ой, ля-ли, да с милым
говорила.

Про единое словечко я забыла,
Э, ой, ли, ой, ля-ли, да я забыла.
Эх!

Не женися, мой миленок, не
женися,
Э, ой, ли, ой, ля-ли, да не женися.
Эх!

Не бери-ка женку-вдову, не
бери-ка,
Э, ой, ли, ой, ля-ли, да не бери-ка!

127. ПОРА ГОСТЯМ СО ДВОРА

Пора гостям*
Пора гостям со двора, со двора.

А мне молодой,
А мне молодой, не пора, не пора.

А мне молодой,
У меня молодой муж ревнив,
муж ревнив,

До вечерней
До зари, до зари, до зари.

На улицу,
На улицу не пустил, не пустил.

И коль пустил,
А коль пустил пригрозил,
пригрозил.

— Гуляй, млада,
Гуляй, млада, до поры, до поры,

128. ОЙ, ДА ВО ЛУЗЯХ

Ой, да во лузах,
Ой, да во лузах,
Во лузах было, во зеленых садах**

Ой да, выраста.....
Ой да, выраста.....
Вырастала трава шелковая.

Ой, да шелкова,
Ой, да шелкова.....
Шелковая, полшелковая.

Ой, да я на той,
Ой, да я на той,
Я на той травке выкормлю коня.

Ой, да снаряжу,
Ой, да снаряжу,
Снаряжу коня во шелкову узду.

Ой, да поведу,
Ой, да поведу,
Поведу коня я к батюшке.

* Каждая строчка куплета повторяется дважды.

** Третья строчка каждого куплета повторяется два раза.

Девки очень рассердились,
На Игнашку напустились.
Эх! Доны, доны молодые,
Девки-бабы удалые —
Напустились, напустились.

С него сняли шаровары,
С него сняли шаровары.
Эх! Доны, доны молодые
Девки-бабы удалые —
Шаровары, шаровары,

Шаровары с него сняли
И власть кое-чем играли.
Эх! Доны, доны молодые,
Девки-бабы удалые
Ох, играли, ох! играли...

130. НЕ ВСТАВАЙ-КА, ЛЮБУШКА, РАНЕНЫКО

Не вставай-ка, любушка, раненько,
Ой, ле-ли, да лю-ли, лю-ли,
Раненько.

Они тебя, Любушка, оговаривают
Ой, ле-ли, да лю-ли, лю-ли,
Оговаривают.

Не чепни-ка головушку гладенько,
Ой, ле-ли, да лю-ли, лю-ли,
Гладенько.

Они тебя, Любушка, увезут далеко
Ой, ле-ли, да лю-ли, лю-ли,
Ой, далеко.

Не ходи-ка, Любушка, рано по
воду,
Ой, ле-ли, да лю-ли, лю-ли,
По воду.

Ко лихой свекровушке отдадут,
Ой, ле-ли, да лю-ли, лю-ли,
Отдадут.

На проруби две голубки воркуют,
Ой, ле-ли, да лю-ли, лю-ли,
Воркуют.

Работушкой, заботушкой наделают
Ой, ле-ли, да лю-ли, лю-ли,
Наделают.

Отпустить до дому не схотят,
Ой, ле-ли, да лю-ли, лю-ли,
Не схотят.

131. У КАТЮШИ МУЖ ГУЛЯКА

У Катюши муж гуляка,
У Катюши муж гуляка.
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, —
Муж гуляка, муж гуляка.

Муж гуляка, запиваха,
Муж гуляка, запиваха.
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, —
Запиваха, запиваха.

одно вечером гуляет,
одно вечером гуляет.
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, —
гуляет, да гуляет.

одно к Кате прибывает,
одно к Кате прибывает.
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, —
прибывает, прибывает.

Открывай, Катя, ворота,
Открывай, Катя, ворота.
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, —
ворота, да ворота.

И пришел к тебе не рано,
И пришел к тебе не рано,
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, —
и не рано, да не рано.

Я принес тебе немало,
Я принес тебе немало,
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, —
Ой, немало, ой, немало!

А я — целого барана,
А я — целого барана,
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, —
Я — барана, я — барана.

Я — барана со рогами,
С четырьмя со ногами,
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, —
Со рогами, со ногами.

А я нес его задами,
А я нес его задами,
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, —
Да задами, да задами.

Чтобы люди не видали,
Соседушки не слыхали,
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя, —
Не видали, не слыхали.

132. ОЙ ВЫ, ГОСТИ, МОИ ГОСТИ

Ой вы, гости, мои гости,
Гости званые мои.

Ой ли, ой ли, ой да люли,
Гости званые мои!*

Посидите у меня,
Поглядите на меня.

Поглядите на меня,
На беседу на мою.

На беседу на мою,
Я вам песенку спою.

Я вам песенку спою
Про службицу про свою.

* Каждая пара строк повторяется два раза.

Три мы годика служили,
Ни о чем мы не тужили.

Стал четвертый наступать,
Стал я сердцем тосковать.

Стал я сердцем тосковать,
Про сменушку узнавать.

Ой ли, ой ли, ой да люли,
Погуляла б молода!

— Уж ты женушка-жена.
Хорошо ли ты жила?

Иванович, хорошо!
Хоть бы с годичек еще.

Хоть бы с годик, хоть бы с два
Погуляла б молода!

133. ДЕРЕВУШКА ДА НЕБОЛЬШАЯ

Деревушка да небольшая,
Солдатами да занятая.
Ром, ром, девки, ром, и ром,

и ром.

У Игнатки дочь Наташка,
Она щегольно ходила.
Ром, ром, девки, ром, и ром,

и ром.

Она щегольно ходила,
По три бани в день топила.
Ром, ром, девки, ром, и ром,

и ром.

По три бани в день топила,
По три щелока варила.

Ром, ром, девки, ром, и ром,

и ром|

И того ей было мало
Да по три мыла измывала.

Ром, ром, девки, ром, и ром,

и ром|

Да по три мыла измывала,
По три платья да одевала.

Ром, ром, девки, ром, и ром,

и ром|

И четвергу да душегрейку,
Спать ложилась да на скамейку.

Ром, ром, девки, ром, и ром,

и ром. /

134. НЕ СКАЗАТЬ ЛИ ВАМ, БРАТЦЫ

Не сказать ли вам, братцы,
как я там бывал,*
Как я, как я, как я там бывал?

По роще(ды) я по лесу, по роще
гулял;

Березки(ды) я, березки, березки
резал.

Березки(ды) резал, метелки вязал;
Метелки(ды) я, метелки, метелки
вязал.

Метелки вязал, на возочек клал,

На возочек, на возочек,
на возочек клал.

* Каждая строчка поется два раза.

136. ХОРОША НАША ТАТЬЯНА

Хороша наша Татьяна, да,
Хороша наша Татьяна
Люба, любя, любя, любя,
Люба, любя, любя, любя.*
Она бела и румяна,
Она бела и румяна —
Вдоль по улице гуляла, да,
Вдоль по улице гуляла.
Трое чобот истоптала,
Трое чобот истоптала.
— Уж вы, чобы, чеботочки, да,
Уж вы, чобы, чеботочки,

Здравствуйте, милые дружочки,
Здравствуйте, милые дружочки,
У нас дома нездорово,
У нас дома нездорово
Свекор с печки свалился,
Свекор с печки свалился.
За колоду завалился,
За колоду завалился
Ветчиною подавился,
Ветчиною подавился.

137. ЭХ ТЫ, ГУЛЬБА!

Эх(ы) ты, гульба,
Да развеселая гульба!**
Эх(ы), ты подуй,
Подуй, ветер, со горы.
Эх(ы), со горы,
Со восточной стороны.
Эх(ы), ты возмой,
Возмой тучу грозную, да.
Эх(ы), грозную,
Грозную, проносную.
Эх(ы), ты убей,
Убей мужа старого, да.

Эх(ы), старого,
Старого, ревнивого, да.
Эх(ы), мне не жаль,
Не жаль мужа старого.
Эх(ы), старого, да,
Старого, ревнивого, да.
Эх(ы), только жаль —
На нем шуба новая.
Эх(ы), новая,
Новая, дубленая.
Эх(ы), я сама,
Сама черпобровая.

Эх(ы), шапочка,
Шапочка бобровая, да.

* Две последние строчки повторяются после каждого куплета.

Вторая строчка поется дважды.

138. Б Е Л З А И Н К А

1 заинка, да бел заинка,
1 заинка, горностаинка,
1 заинка, горностаинка, да.

да бежишь(и), куда бежишь,
да бежишь не воротисься
назад,
да бежишь не воротисься
назад, да.

шь у тебя, аль у тебя,
шь у тебя есть привадушка,
шь у тебя есть привадушка, да.

ривадушка, привадушка,
ривадушка камыш-травушка,
ривадушка — камыш-травушка,
да.

мыш-трава, да камыш-трава,
мыш-трава, ключевая вода,
мыш-трава, ключевая вода, да.

Ключевая, да ключевая,
Ключевая, свет колодезная,
Ключевая, свет колодезная, да.

Она меня, да она меня,
Она меня все привадила к себе,
Она меня все привадила к себе,
да.

Заставила, да заставила,
Заставила чаще в гости приходить,
Заставила чаще в гости
приходить, да.

Гостинчики, да гостинчики,
Гостинчики, сладки прянички
носить,
Гостинчики, сладки прянички
носить, да.

КОММЕНТАРИИ

В сборник вошли записи народных песен, произведенные экспедициями Челябинского государственного университета в 1977—1993 годах. Кроме того, публикуются песни, записанные А. И. Л. заревым и А. В. Глинкиным в разное время, начиная с 1959 год. Записи производились на территории Челябинской, Оренбургской и Курганской областей.

Сборник включил в себя далеко не все записанное. В 50—60-е годы магнитофонная техника была несовершенной, громоздкой, ею не всегда можно было воспользоваться. Так и получилось: тексты у собирателей имеются, а музыкального их выражения нет. Магнитная лента тех времен морально устарела, воспользоваться ею сегодня невозможно. Материала в 70—80-е годы записано на магнитофон великое множество, но далеко не все расшифровано — работа продолжается.

В сборник вошли песни, записанные в населенных пунктах принадлежавших когда-то Оренбургскому казачьему войску. Традиции казачьей культуры в них по известным причинам социально-исторического характера притупились, но не совсем. Носителями песенной казачьей традиции являются люди, которым в 70—90-е годы было 60—80 лет и больше. Они переняли песни от своих отцов и дедов, от матерей и бабушек. Многие сами прошли школу народной певческой традиции, так как любили живую казаческую песню и охотно посещали сельские вечерки и посиделки, которые начали выходить из быта лишь в конце 50-х — начале 60-х годов. Есть исполнители и помоложе — сорокалетние, тридцатилетние, но они приобщились к народной песенной культуре уже на новой бытовой основе — через художественную самодеятельность, в которую с начала 70-х годов стали все чаще и интенсивнее включаться семейные фольклорные ансамбли.

Ниже прилагается список индивидуальных исполнителей и ансамблей, чьи песни вошли в данный сборник. Список построен таким образом: в первой колонке указывается сокращенное обозначение исполнителя, во второй — полные данные о нем. Сокращенное обозначение используется в примечаниях, которыми мы сопровождаем каждую песню, указывая ее источник и варианты по другим фольклорным сборникам (их перечень с условным обозначением также прилагается).

Так как в наше время исторические песни редко встречаются в живом бытовании, а нам хотелось полнее представить песенную культуру казачества в ее ретроспективе, мы решили включить

сборник несколько произведений, заимствованных из записей начала XX века А. И. Мякутина и Ф. Н. Баранова (см. список литературы). Их сборники в настоящее время являются библиографической редкостью, и наше издание, как хотелось бы думать, поможет специалистам и любителям народной песни возродить к новой жизни те прекрасные образцы народного творчества, которые терлись в памяти народа отнюдь не по естественным причинам.

Принятые сокращения данных об исполнителях

- Александровский** — семейный ансамбль в составе К. Т. Чапиной, 1908 г. рождения, и М. А. Филипповой, 1910 г. рождения*
Запись производилась в 1965 г. в деревне Александровка Саткинского района Челябинской области.
- Андреевский** — Клубный ансамбль села Андреевка Брединского района Челябинской области, запись производилась в 1968 г.
- Аткульский** — семейный ансамбль в составе П. И. Речкаловой (1912) и Д. Е. Агеевой (1905), запись производилась в селе Аткуль Еткульского района Челябинской области в 1963 году.
- Арсинский** — семейный ансамбль в составе А. П. Сурменевой (1923) и К. П. Ауц (1928); записано в селе Арси Нагайбакского района Челябинской области в 1989 г.
- Бородинский, 1** — семейный ансамбль в составе В. А. Труфановой (1913), В. М. Труфановой (1920), Н. М. Заслоновой (1923), Т. А. Ефановой (1928), запись произведена в с. Бородиновка Варненского района Челябинской области в 1986 году.
- Бородинский, 2** — семейный ансамбль: А. В. Сафронова (1929), З. И. Лычагина (1933), М. В. Каунова (1926), М. С. Степкова (1929), Н. А. Журавлева (1927), П. Л. Мананникова (1910), А. А. Карташева (1920). Запись произведена в с. Бородиновка Варненского района Челябинской области в 1986 году.
- Вагановский** — клубный ансамбль села Ваганово Октябрьского района Челябинской области, запись 1992 года.

*В дальнейшем годы рождения певцов даются в скобках.

- Владимировский — семейный ансамбль в составе Н. И. Лашниной (1926), Т. И. Незнамовой (1923), В. И. Кузнецовой (1934), запись произведена в 1986 году.
- Дергалева — исполнительница старинных казачьих песен из села Рождественское Увельского района Челябинской области Прасковья Алексеевна Дергалева (1934), запись произведена в 1978 году.
- Евсеевко — певица Анна Семеновна Евсеевко (1908 — 1988), от которой записано множество песен, опубликованных в разных изданиях («Уральские посиделки», 1977, «Народное слово на дорогах войны, 1976 и др.), записи производились в разное время, в период с 1968 по 1978 г.
- Игнатенко — исполнительница старинных казачьих песен из села Рождественское Увельского района Челябинской области Зинаида Ивановна Игнатенко (1936) запись 1978 года.
- Катенинский — семейный ансамбль села Катенино Варненского района Челябинской области, состав: Т. В. Салищева (1923), П. П. Студенкина (1924), В. И. Борисова (1939), М. И. Лынова (1929), А. И. Копнова (1929), М. М. Лынова (1931), С. Ф. Михайлова (1924), А. И. Новикова (1934), Т. Е. Шатских (1939), А. М. Фетисова (1920); запись произведена в 1986 году.
- Кидышский — клубный ансамбль Кидышского дома культуры Уйского района Челябинской области, запись произведена в 1978 году.
- Кочердыкский — клубный ансамбль села Кочердык Октябрьского района Челябинской области, запись 1978 года.
- «Кочкарские посиделки» — клубный ансамбль села Кочкарь Пластовского района Челябинской области, создатель и руководитель ансамбля А. С. Евсеевко.
- Кудрявцева — исполнительница старинных казачьих песен из села Краснинское Верхнеуральского района Челябинской области Галина Васильевна Кудрявцева (1921), запись произведена в 1977 г.

- Кулевчинский, 1 — семейный ансамбль из села Кулевчи Варненского района Челябинской области, состав: С. А. Стефта (1909), Н. И. Дубина (1923), Н. Т. Велина (1914), Е. С. Балаева (1924), Н. М. Молчанова (1914), Х. С. Лычкова (1915), В. Н. Баранова (1941); запись 1986 года.
- Кулевчинский, 2 — семейный ансамбль села Кулевчи Варненского района Челябинской области в составе Н. М. Молчановой (1914) и Н. Т. Вединой (1914), запись 1986 года.
- Кулевчинский, 3 — семейный ансамбль села Кулевчи Варненского района Челябинской области, состав: Н. И. Дубина (1923), Е. С. Балаева (1924), Н. К. Карачева (1929), М. П. Уманец (1937), М. Е. Молчанова (1924).
- Кошкина — исполнительница старинных казачьих песен Лидия Александровна Кошкина (1935) — с. Березиновка Чесменского района Челябинской области, запись 1987 года.
- Корнинский — семейный ансамбль из села Ларино Уйского района Челябинской области, состав: Е. В. Глазунова (1923), Е. В. Чернышова (1915), В. К. Чернышов (1912), запись 1982 г.
- Масленникова — Елена Алексеевна Масленникова (1903) — певунья из села Катенино Варненского района Челябинской обл.; песни: «Ой, гой-и, ля-ли, Марию уговаривали», «На заре дождь», «Ой ты, черноброва», «Молодка, молодка, молоденькая» и др. — репертуар очень обширный, записи 1986 года.
- Молчанова — Наталья Матвеевна Молчанова (1914) — певица из села Кулевчи Варненского района Челябинской обл., местная уроженка, песни: «Из-под камешка белого», «Пошли девки на работу», «Ехал казак за Дунай» и др., записи 1986 года.
- Наследницкий — семейный ансамбль пос. Наследницкого Брединского района Челябинской области, состав: Е. И. Романова (1924), Л. А. Ворошко (1908), А. И. Егоров (1912) и М. В. Егорова (1915); запись 1988 года.

- Николаевский — певцы из села Николаевка Варненского района Челябинской области Н. Н. Екбахтова и Н. В. Шемитова, запись 1970 года.
- Неклюдова — Валентина Михайловна Неклюдова (1934) певица из села Краснинское Верхнеуральского района Челябинской обл., коренная казачка, репертуар: «Сидел ворон на белой березе», «Как во поле», «Сторона ты, моя сторона», «Сине моречко», «Хороша наша Татьяна», «По желтому песочку», «Как во светлой был горенке» и др. записи 1977 года.
- Никольский — клубный ансамбль села Никольское Октябрьского района Челябинской области, запись 1992 года.
- Новоуральский — клубный ансамбль Дворца культуры совхоза «Новый Урал» Варненского района Челябинской обл., записи 1986 года: А. Д. Леонтьева (1916), И. Д. Филимонова (1914), М. И. Филимонов (1932),
- Остроленский — клубный ансамбль гармонистов Остроленского Дома культуры (руководитель — Петр Васильевич Савельев (1954), запись 1989 г.
- Пономаревы — семейный дуэт из села Сугояк Красноармейского района в составе А. Ф. Пономаревой (1915) и М. К. Пономарева (1913), запись 1979 года.
- Рождественский — семейный ансамбль села Рождественка Увельского района Челябинской области в составе З. И. Игнатенко (1932), и Т. А. Дергалова (1930), запись 1980 года.
- Рудничный — семейный ансамбль поселка Рудничный Саткинского района Челябинской обл., состав: К. И. Сажина (1913), А. Г. Обухова (1895), А. Е. Сажина (1895), С. Е. Сажина (1909), И. П. Сыроваткина (1900), запись 1964 года.
- Русина — Нина Александровна Русина (1930), певица из села Березиновка Чесменского района Челябинской области, репертуар «Зажгла заря вечерняя», «Вы, поля, вы, поля», «За лесом солнце воссияло» и др., записи 1987 года.

- верный, 1 — семейный ансамбль, совхоза «Северный» (станция Куликовская) Нагайбакского района Челябинской области, состав: А. К. Ярошевич (1928) и О. С. Панова (1932); запись 1989 г.
- Северный, 2 — семейный ансамбль совхоза «Северный» (станция Куликовская) Нагайбакского района Челябинской обл., состав: Р. И. Коробейникова (1927) и Н. А. Сычева (1938), запись 1989 года.
- Селезянский — семейный ансамбль «Калинушка» при Доме культуры села Селезян Еткульского района Челябинской обл., состав: О. И. Мартынова (1926), М. П. Ульянова (1923), Н. Я. Проничева (1927), А. И. Савельева (1920), Л. А. Давыдова (1928), Т. Ф. Кокшарова (1928), Т. К. Печенкина (1928), Машкура Ричмугаметова (1926), Е. И. Мартышова (1928), запись 1978 г.
- Спасский, 1 — семейный ансамбль села Спасское Верхнеуральского района Челябинской области, состав: З. Г. Кожевникова (1915), Д. Ф. Шеметова (1900), Е. И. Мартынова (1928), запись 1978 года.
- Спасский, 2 — семейный ансамбль села Спасское Верхнеуральского района Челябинской области, состав: З. Г. Кожевникова (1915), Д. Ф. Головина (1910), Н. Т. Панова (1918), Е. А. Рукавишникова (1926), А. П. Кадочникова (1911), М. В. Чудова (1918), О. А. Старцева (1915), З. Г. Кожевникова (1915), А. Н. Богославская (1907), запись 1977 года.
- Степной — клубный ансамбль Дома культуры села Степное Троицкого района Челябинской области. Запись 1984 года. Состав: А. П. Вороница (1925), Е. А. Тележкин (1921), А. Т. Кобякова (1923), В. А. Пастухова (1939).
- Сыртинский — семейный ансамбль с. Сыртинка Кизильского района Челябинской области, запись 1968 года. Состав: А. П. Григорьева (1926), П. М. Светалкина (1930), Н. С. Плюхина (1930), Р. Г. Григорьева (1934).

- Травники — семейный ансамбль Дворца культуры с. Травники Чебаркульского района Челябинской области, 1974 года. (супруги Костенко).
- Углицкий — семейный ансамбль села Углицкое Чесменского района Челябинской области, состав П. А. Костенко (1925), П. А. Кузьменко (1913), П. Г. Кольщикина (1918), А. Р. Бубина (1918), М. И. Скиднова (1916), А. С. Шерстобитов (1925), М. А. Быкова (1930), А. П. Лебедев (1904), запись 1987 года.
- Хомутино — клубный ансамбль Дома культуры с. Хомутино Увельского района Челябинской области, запись 1981 года.
- Целинный — семейный ансамбль села Атамановка Брединского района Челябинской обл., состав А. В. Севостьянова (1928), Ф. А. Медведев (1930), К. Г. Потапова (1923), Е. И. Матвеев (1923) и М. И. Пушкарева (1927), запись 1988 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

(Принятые в книге сокращения)

1. Сборники песен

Акимова — Фольклор Саратовской области /Сост. Т. М. Акимович, под ред. А. П. Скафтымова. Саратов., 1946.

Багизбаева, 1 — Фольклор семиреченских казаков /Сост. М. М. Багизбаева. Ч.1. Алма-Ата, 1977. Ч.2. Алма-Ата, 1979.

Багизбаева, 2 — Русский фольклор Восточного Казахстана. Алма-Ата, 1991.

Баранов — Песни оренбургских казаков с напевами. В 3-х вып. собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов. Вып. 1, 2. Оренбург, 1913.

Бирюков, 1 — Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор/Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.

Бирюков, 2 — Фольклор Урала. Вып. 1 Исторические сказы и песни/Собр. и сост. В. П. Бирюков. Под ред. И. Н. Розанова. Челябинск, 1949.

Варавва — Песни казаков Кубани/Запись текстов и подготовка печати И. Ф. Вараввы. Краснодар, 1966.

Варенцов — Сборник песен Самарской губернии/Сост. В. Варенцов. СПб, 1858.

Выходцев — Лирические песни/Сост., предисловие, подготовка текстов и примечание П. С. Выходцева. М. Современник, 1990.

Громов — Народное творчество Дона. Кн. 1/Сост. П. Т. Громов. Ростов, 1952.

Гуревич — Фольклор Восточной Сибири/Сост. А. Гуревич. Иркутск, 1938.

Гусев — Гусев В. Е. Устные народные песни Южного Урала. Челябинск, 1957

Добровольский — Смоленский этнографический сборник/Сост. В. Н. Добровольский Ч.1 СПб, 1891, Ч.2. СПб, 1893, Ч.3. СПб, 1894, Ч.4. М., 1903.

Ефименко — Материалы об этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные А. С. Ефименко. Ч.1. Описание внешнего вида. М., 1877, Ч.2. Народная словестность. М., 1878 (См. Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т 30, вып. 1 и 2).

Железновы — Песни уральских казаков/Записали Александра Владимир Железновы. СПб, 1890.

Зайцев — Уральские народные песни/Собр. И. С. Зайцев. Под ред. А. И. Лазарева. Челябинск, Юж.-Урал. кн. изд-во, 1969.

Зырянов, 1 — Лирические народные песни/Собр. и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1962.

Зырянов, 2 — Уральские хороводы. Хороводные песни о любви и семейной жизни/Записал и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1980.

Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии/Подготовка текстов Н. В. Новикова. Вологда, 1960.

Игнатов, 1 — Игнатов В. И. Русские исторические песни. Хрестоматия. М. Высшая шк., 1970.

Игнатов, 2 — Игнатов В. И. История и народная поэзия сели Плодовитого. Саратов, 1981.

ИПБ — Исторические песни. Баллады/Сост., подготовка текстов, вст. статья и комментарии С. Н. Азбелева. М. Современник, 1991

ИПС — Исторические песни Саратовской губернии//Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. XXIV. Саратов, 1909

Киреевский, НС — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1. М., 1911, вып. 2. М., 1929.

Киреевский-Языковы — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых. Т II Л. Наука, 1977.

- Киреевский-Якушкин** — Собрание пародных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина Т 1. Л., Наука, 1983. Т.2. Л. Наука, 1983.
- Китайник** — Уральский фольклор/Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949.
- Лазарев — Хоменко** — Родные напевы. Старинные и современные русские народные песни Урала/Собр. и составил А. Лазарев, запись В. Хоменко. Вып. 1. Челябинск, 1969.
- Линева** — Великорусские песни в народной гармонизации/Запись Л. Линевой. Под ред. Ф. Е. Корша. Вып. 1. СПб, 1904, вып. 2, 1909.
- Лазутин** — Воронежские народные песни (в современной записи). Под ред. С. Г. Лазутина. Воронеж: изд. ВГУ, 1991.
- Листопадов** — Листопадов А. Песни донских казаков/Под ред. В. М. Мухоморова. В 5 т. М., 1949—1954.
- Мякутин** — Песни оренбургских казаков/Собр. А. И. Мякутин. М., 1910. Оренбург — СПб. Изд. Оренбургск. казачьего войска. 1910.
- Мякушин** — Сборник уральских казачьих песен/Собр. П. Г. Мякушин. СПб, 1890.
- Нестеров** — Нестеров А. Народные песни Горьковской области. Сов. композитор, 1972.
- Новикова** — Русские народные песни/Сост. А. М. Новикова. М., 1957.
- Новикова—Пушкина** — А. Новикова, С. Пушкина. Русские народные песни Московской области. М. Сов. композитор, 1986.
- НКК** — Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков. Т 1 Песни черноморских казаков. Краснодар, 1992.
- НОК** — Песни оренбургского казачества. /Сост. И. Ф. Ильиных. Оренбург, 1938.
- НПЗ** — Песни псковской земли. Вып. 1. /Сост. А. Мехнецов. Сов. композитор, 1989.

ПСМ — Песни и сказки пушкинских мест. Фольклор Горьковской области. Вып. 1. Л. Наука, 1979.

ПС — Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М. Наука, 1968 (Литературное наследие Т. 79).

Пивоваров — Донские казачьи песни/Собр. А. Пивоваров. Николаев, 1885.

Путин — Песни гребенских казаков/Сост. Б. Н. Путин. Грозный, 1946.

РИП — Русские исторические песни/Вст. статья, сост. и приращивания Л. И. Емельянова. Л. «Сов. писатель», 1990.

РНПЗ — Иванов—Балин Г. Русские народные песни Зауралья. М. Сов. композитор, 1988.

Серебрянников — Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья/Собр. В. Н. Серебрянников. Пермь, 1990.

Соболевский — Великорусские народные песни/Изд. А. И. Соболевским. Т. 1—7. СПб, 1895—1902.

СПП — Старинные песни Прикамья/Сост. С. И. Пушкина. Сов. Россия, 1990.

Тонков — Фольклор Воронежской области/Сост. В. А. Тонков. Воронеж, 1949.

Федорова — Ивушка ракитовый кусток. Народная лирика Зауралья/Сост. В. П. Федорова. Челябинск, 1983.

ФДК — Фольклор Дона и Кубани/Сост. Ф. В. Тумилевич. М. А. Полторацкая. Т. 1—2. Ростов-на-Дону, 1938—1941.

Хоменко — Хоменко В. Л. Народные песни Челябинской области. Методические рекомендации для рук. самодеятельных хор. народной песни. Челябинск, 1980.

Христиансен — Христиансен Л. Современное народное песенничество Свердловской области. М., 1954.

Чердынская свадьба — Зырянов И. Чердынская свадьба. Пермь, 1969.

Чулков — Собрание разных песен М. Д. Чулкова. 4, 1, 2, и 3 прибавлением СПб, 1770 — 1773 (См. Сочинения, М. Д. Чулкова. Т. 1. СПб. изд. АН, 1913).

Шейн — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. д. /Собр. П. В. Шейн. Т. 1. СПб, 1898, Т. 2, СПб., 1900.

2. ИССЛЕДОВАНИЯ

Авдеев — Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная полковником П. И. Авдеевым. Оренбург, 1904.

Баканов — Баканов В. Из истории оренбургского казачества. Магнитогорск. Изд-во «Магнит», 1993.

Белинский — Белинский В. Г. Собр. соч. в 9 т. М., 1978—79.

Войнов — Войнов В. М. История войска Оренбургского. Оренбург, 1992.

Железнов — Железнов И. И. Уральцы//Полн. собр. соч. П. И. Железнова. Т. 1—3. СПб, 1888.

«За други своя...» — Гнеденко А. М., Гнеденко В. М. За други своя или все о казачестве. М. Международный фонд славянской письменности и культуры, 1993.

Добролюбов — Добролюбов Н. А. А. В. Кольцов//Собр. соч. В 3-х тт. — Т. 1. — М. ГИХЛ, 1950.

ИКУ — История казачества Урала. Уч. пособие для казачьих воскресных школ. Оренбург—Челябинск, 1992.

Карамзин — Карамзин Н. М. История государства Российского Т. IX—XII Калуга: Золотая аллея, 1993.

Ключевский — Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 4—5. М., 1989.

Кобзов — Кобзов В. С. Уральская Варна. Челябинск, 1992.

Левшин — Левшин А. И. Историческое и статистическое описание уральских казаков. СПб, 1823.

Мамонов — Мамонов В. Ф. Рождение казачества Урала: легенды, факты, гипотезы. Челябинск, 1991.

Машин — Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976.

Неплюев — Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край материалы научной конференции. Челябинск, 1993.

Паллас — Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи. Ч. 2, кн. 1—2. СПб, 1786.

Путилов — Путилов Б. Н. Некоторые общие проблемы истории казачьего фольклора // Народная устная поэзия Дона: материалы научной конференции. 18—23 декабря 1961 г. Ростов-на-Дону. Изд. РГУ 1963.

Рычков — Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896.

Стариков — Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков и карты. Оренбург, 1890.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕСНЯМ

В примечаниях сообщаются сначала данные об источниках песни (место, время записи, исполнители), потом ее варианты, содержащиеся в других сборниках, если таковые имеются. Сведения об исполнителях, а также о книжных источниках даются по списку принятых в данном издании сокращений и условных обозначений (см. выше).

Далее говорится о некоторых жанровых особенностях песни, качестве записи, затем даются историко-географические пояснения, а также объясняются диалектные и вышедшие из современного употребления слова.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1 **Как доселева, про Киян-море не слыхано** — Железновы, с. 11. Песня представляет собой типичный образец переделки на казачьей почве былины: эпическое ее содержание переведено в русло лирической песни. Песня была записана Н. Г. Мякушиным от казака Савватия Пискунова в 90-е годы XIX века. Уже тогда песня, как видим, находилась в полуразрушенном состоянии. Ее интерес для нас заключается в том, что она сохранила свидетельство о связи песенного творчества уральских казаков с русской былинной традицией.

Сацкой, Пруцкой, Новоторженец — наименования казачьих полков и станиц.

2. **Взятие Азова** — Железновы, с. 36, вариант — VIII, с. 147, № 3. Название песни не соответствует ее содержанию.

Песня рассказывает об одном из трагических эпизодов из истории длительной войны России с турками за Азов: однажды по небрежению и из-за усталости уральские казаки, не выставив караулов, уснули на берегу реки Чаган (приток Яика), за что и были наказаны — почти все перебиты пропавшими в эти места турками. Правда, в песне публикуемой нами, финал оптимистический, чего нельзя сказать о песне из сборника П. В. Киреевского.

Азов — старинная русская крепость, построенная в устье Дона; в XV в. была захвачена турками и потом укреплена ими с целью не выпускать казаков в Азовское и Черное моря.

Шанцы (Шапец) — военный окоп, небольшое укрепление, редут.
3. **Ургенч** — Железновы, с. 30—31

В песне рассказывается о неудачном походе уральских казаков на Хиву в 1605 году под предводительством атамана Нечая.

Песню сочинил казак А. П. Хорошкин в XIX веке по мотивам народных преданий; следы сочинительства видны, что называется невооруженным глазом. Но, по свидетельству Железновых, песня получила народное бытование, и оренбургские казаки распевали ее на свой мотив, который мы и воспроизводим в данном сборнике.

Ургенч — крепость на пути в Хиву, древний город, столица Хорезма в X—XIV вв. В настоящее время — в руинах.

Тумаки — головной убор; ушастая шапка, малахай, треух. Слово широко распространено на Урале и в Сибири (см. примечание к песне № 42).

3. Ой, да пролей-ка, пролей сильный дождичек. —

ПОК, с. 41; варианты: РИП, с. 171. № 1, с. 173, № 4, Игнатов, I с. 154, № 47 (текст взят из книги: «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 7, М., 1868, с. 153—154); Соболевский, т. 6, № 2403; Выходцев, № 639. Наш текст является контаминацией двух традиционных песенных мотивов; 1) бегство «добрых молодцев» из неволи (тюрьмы) и 2) признание «разбойничков», что они «Стеньки Разина помощнички». В разных вариантах песня дожила до нашего времени, причем последний мотив присутствует почти всегда, что противоречит устоявшемуся среди фольклористов сомнению в подлинности текста, содержащегося в сборнике П. В. Киреевского.

5. Как по морю, морю синему.

— Железновы, с. 18—19; варианты: РИП, с. 175, № 6; Мякушин, с. 41.

Наш текст является соединением двух традиционных мотивов «Разин и казачий круг» (ИПБ, с. 359) и «Разин чувствует недоброе» (ИПБ, с. 376). Первый мотив восходит в песне о Ермаке.

Море Каспицкое — Каспийское море.

6. Стенька Разин

— Баранов, т. 2, № 6, с. 9; варианты: Киреевский — Языковы, т. 1, № 324—327; ИПБ, с. 167—168.

Об отношении нашего варианта к исторической песне о Степане Разине можно судить только по родственным текстам, в которых упоминается это имя. В основе всех вариантов этой песни лежит

т, возникший, видимо, в эпоху Ивана Грозного и известный под названием «Молодец на допросе» (см. ИПБ, с. 167).

7. Как по матушке, братцы, по Волге

ПОК, с. 39—40.

Песня представляет собою контаминацию двух известных песенных сюжетов о Разине: 1) «Разин и воевода» (вариант: ИПС, 168—169) и 2) «Сынок Разина в Астрахани» (вариант: РИП, 169—170). Вторая часть песни близка по смыслу, по развитию сюжета с вариантом из сборников: Ефименко, ч. 2, с. 62; Игнатов, № 43, с. 149—150; ПСП, с. 183, № 1.

Сынок Разина — традиционный персонаж народных песен о разине; исследователи считают, что под этим именем надо понимать любого разведчика, «агента» Разина, которых он посылал в роды, крепости, лежащие на пути продвижения его войска. Н. Азбелев пишет: «В начале сентября 1669 года, по возвращении из Персидского похода, Разин остановился в Астрахани. Оттуда казаки были пропущены на Дон. Весной 1670 года началась крестьянская война. Войско Разина подходило к Астрахани; в год были посланы «сынки» Разина, вербовавшие сторонников среди астраханского гарнизона. 22 июня, когда суда разинцев приблизились к городу, двое «сынков» по приказанию воеводы были схвачены, один — казнен, второй — посажен в тюрьму» (См.: ИПБ, 696—697).

8. Некрасовцы.

— Баранов, т. 2, с. 7 № 5; варианты: РИП, с. 222—226, № 2, 3, 6; ИПБ, с. 474, 477, 478.

Наш текст является наиболее полным и качественным.

Песня связана с восстанием К. А. Булавина 1707—1708 гг. Любопытным фактом послужили непродуманные действия на Дону царского полковника полковника Ю. В. Долгорукова, который потребовал от казаков выдать ему три тысячи беглых крепостных крестьян, а также отменял некоторые привилегии казачьей вольности. Казаки не подчинились приказу, перебили отряд Долгорукова; погиб и он сам. Правительство бросило на подавление восстания крупные силы, возглавляемые братом убитого — майором В. В. Долгоруковым. Восстание было погашено. Народная поэзия связала все эти события с именем одного из сподвижников Булавина — Кондратия Некрасова. Выбор не был случайным. Дело в том, что после раз-

грома восстания Некрасов увел на Кубань (тогда это были тюркские владения) две тысячи казаков, основав там своеобразную зачью «республику» со своими законами «Государство» Некрасов просуществовало до 1740 года, когда казаки, спасаясь от притеснительных войск, были вынуждены эмигрировать в Турцию. Потомки вернулись на родину только после Великой Отечественной войны 1941—45 гг.

9. На заре было, на восходике

— Наследницкий; варианты: Железновы, с. 42—43; РИИ с. 312—313.

Песня, записанная нами в пос. Наследницкий Брединского района Челябинской области в 1988 году, представляет собой отрывок (остаток) некогда очень развернутого лиро-эпического произведения, рассказывающего о драматических событиях Уральском казачьем войске, которые произошли в самом начале XIX века. События были вызваны введением нового царского Положения об Уральском казачьем войске, по которому ограничилась его самостоятельность. Особенно упорно отстаивал права казаков атаман Ефим Иванович Павлов, который и являлся героем старинной песни. Усмирителем волнения явился тогдашний Оренбургский и Самарский генерал-губернатор Григорий Семенович Волконский (губернаторствовал в 1803—1807 гг.). Имя Павлова наша песня не сохранила, а Волконский выступает как главное лицо.

10. Пыль клубится

— Баранов, № 49, с. 65.

Песня воспроизводит типичную картину из жизни казачьих станиц Оренбуржья в XVIII — первой половине XIX века: встречу возвращающегося из набега на земли киргиз-кайсаков отряда казаков. При низкой плате за службу в войске казакам ничего не оставалось, как надеяться на добычу во время таких набегов. В. Ф. Мамонов пишет: «Какие реально уральский казак мог иметь статьи доходов, кроме жалованья? Их было несколько. Первое — что в связи с этим вспоминается сразу же — добыча, полученная в военных походах. В случае удачи она могла быть довольно значительной, особенно если казакам удавалось захватить лошадей, которые ценились высоко. Не случайно поэтому, что захват башкирских, ногайских, киргиз-кайсацких табунов был одним из самых распространенных видов военного промысла у казаков, живших

ших на пограничной линии. Впрочем, они в этом смысле тоже ничуть не уступали станичникам» (ИКУ, с. 58).

«Генерал-майор **Степцов**» — видимо, Николай Павлович Слепцов (1815—1851), командовавший в 1845 г. казачьим Сунженским полком; погиб 10 декабря 1851 г. при взятии Гехинской поляны в Чечне.

11. Как с двенадцатого года

— Железновы, с. 44; вариант: Бирюков, 2, с. 37.

В Отечественной войне от Уральского казачьего войска участвовало пять конных полков. Все эти полки, за исключением одного, Седьмого, участвовали в оборонительных боях и изгнании неприятеля из пределов России и находились в походе за границей.

12. Смерть Александра Первого

— Баранов, № 22, с. 31; Варианты: ИПБ с. 634—635; РИП, 355.

В песне отразились события, связанные с неожиданной смертью царя в Таганроге и торжественной церемонией траурного поезда из Таганрога в Петербург, продолжавшейся с 12 января по 18 марта 1825 года.

13. Как поехал царь наш Александр

— Баранов, № 20, с. 29; варианты: ИПБ, с. 634—635; Багизбаева, № 24.

«В начале сентября 1825 года Александр I отправился в поездку по Южной России. Во время этого путешествия, после короткой болезни, он умер в Таганроге 19 ноября. Гроб с его телом везли через Москву и другие города в Петербург, куда похоронная процессия прибыла только в марте 1826 года» (С. Н. Азбелев — ИПБ, с. 727). Столь значительный разрыв между днем смерти и временем захоронения породил в народе разные слухи, что для фольклорной традиции было хорошим катализатором.

14. Сине море зашумело

— Железновы, с. 53; вариант: ИПБ, с. 652—653.

Песня сложилась в период Крымской войны 1854—1855 годов. Отражает патриотические настроения оренбургского казачества, а также тяжелые переживания в связи с поражением России в

этой войне. В военной кампании принимали участие 27 казачьих сотен, в том числе уральские полки — № 1 и № 2.

Горчаков — М. Д. Горчаков (1793—1861), князь, генерал, командующий войсками на Дунае (1854) и в Крыму (1855).

15. Грянем грудью на неверных

— Баранов, № 46, с. 61.

Песня представляет собою контаминацию двух текстов: в первом куплете слышится отголосок казачьей песни о прусском походе 1756—1763 гг. (ИПБ, с. 528, 529). Основное содержание отражает, видимо, эпизод 1864 года, когда один из отрядов оренбургских казаков под командованием есаула Седова, участвовавшего в очередной экспедиции русских войск против Коканда и Хивы, попал в окружение, но благодаря хорошо организованной обороне сумел прорваться к своим — в крепость Икан (см: ИКУ, с. 156—157; За други своя....., с. 153—157).

Можно было предположить, что песня связана с более ранними событиями — походом на Хиву войск под командованием кн. Бековича-Черкасского (1717 г.), в котором также участвовали уральские казаки. Но это предположение вызывает серьезное возражение. Известно, что поход Бековича закончился трагически, полным разгромом русского войска (на Урал вернулось всего 3-4 человека). Между тем, данная песня казаков оптимистична, выражает чувства победителей. Впрочем, в народной памяти русский Хива стала символом как героизма, так и страдания, поэтому конкретные детали того или иного исторического события со временем теряли свою значимость; на первый план выступали общие представления казаков о походе на Хиву как о чем-то очень тяжелом и страшном.

16. На заре-то было

— Баранов, № 25, с. 35; варианты: Игнатов, 1, с. 207—208; ФЧО, с. 107—108, № 84; РИП, № 4, с. 260.

Песня вобрала в себя отголоски двух исторических реалий: участие уральских казаков в Семилетней войне (XVIII в.) и их походы в Среднюю Азию (XIX в.). Однако, то и другое в памяти казаков основательно подзабылось, уступив место выражению общего впечатления от непрерывных походов и тяжелых боев.

Прусский король — Фридрих II (1712—1786).

Перовский князь — Оренбургский военный губернатор генерал

А. Перовский, инициатор создания Второй Оренбургской пограничной линии в 40-е гг. XIX века; возглавлял ряд походов русских войск в Среднюю Азию в 50—60 гг. прошлого века.

17. Поле чистое турецкое

— Баранов, № 41, с. 55; варианты: Игнатов, 1, № 126; Киреевский — Якушкин, т. 1, № 207, 236; Линева, 2, с. 50—51.

Песня возникла, судя по вариантам, в период русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Но наш текст несет в себе дыхание и римской войны 1853—1855 гг., ибо упоминаемый в песне «Граф Паскевич» именно в это время руководил переправой русских войск через Дунай.

Граф Паскевич — генерал-фельдмаршал князь Иван Федорович Паскевич (1782—1856).

«На турецкий большой праздничек Во великую во пятницу» — пятница у мусульман — выходной день, святой день (как у христиан — воскресенье, у иудеев — суббота); почему далее в этот день поставлена среда — непонятно.

18. Как за речкой за Утвой

{ — Баранов, № 19, с. 28.

Переделка, локализация популярной солдатской песни с традиционным образом поля битвы, изображаемого в виде распаханной и засеянной солдатскими черепами пашни. Варианты: Киреевский—Якушкин, т. 2, № 263; Пивоваров, с. 108; Соболевский, т. 6, № 3; Мякушин, с. 47; Выходцев, № 589.

Старинная солдатская песня, возникшая в самом начале XVIII века, была приспособлена оренбургскими казаками к событиям, связанным с устройством в 40-е гг. XIX века Второй Оренбургской пограничной линии, когда, в частности, была поставлена крепость на реке Утвой.

Утва — река в Западно-Казахстанской области (казахское название — Чингирлау), левый приток реки Урал. По ней проходила часть Илецкой укрепленной системы Оренбургского казачьего войска.

19. Ой, да вспомним, братцы

— Бородинский, 1; варианты: Игнатов, 1, № 120, с. 238—239; Акимова, № 29; Пивоваров, с. 118—119; Багизбаева, № 22.

Наш вариант, видимо, отражает воспоминание казаков об участии в битве за Варшаву 21(8) сентября 1831 года.

20. Вдоль по линии Урала

— Спасский, 1; варианты: Зайцев, с. 93; Бирюков, 2, с. 54—; Багизбаева, № 243.

Судя по вариантам, песня возникла в период русско-турецкой войны 1877—78 гг. Наш вариант — переделка, приспособленная условиям гражданской войны 1917—1920 гг.: «походный атаман» старых песен в ней заменен на «пролетарского комиссара».

21. Недаром помнятся походы

— Спасский, 1; вариант: Бирюков, 1, с. 31.

Песня периода Первой мировой войны 1914—1917 гг. Возникла, видимо, и бытовала в одном из эскадронов какого-то Оренбургского казачьего полка, о чем свидетельствуют очень частные и конкретные указания на время и место описываемых событий: «На эскадрон пришел седьмого, Расположился у реки»; «Так суи шесть мы простояли» и т. п.

«В горах Уральских и крутых» — правильное было бы не так в варианте Бирюкова: «Там, вдали, в горах Карпатских». Не логичную, на первый взгляд, подмену названий можно объяснить влиянием событий гражданской войны, когда отряды казаков «белых», и «красных» — совершали походы «в горах Уральских и крутых».

ВОЕННО-ПОХОДНЫЕ ПЕСНИ

23. Яикушка

— Железновы, с. 104.

Старинная уральская казачья песня, славящая реку Яик (Урал) как главный источник жизни и благополучия местных жителей.

Яик, сын Горынович — прозвище реки, начинающейся в горах Южного Урала и почти на всем своем протяжении текущей в крутых берегах.

Гурьев — город, построенный в начале XVIII века купцами Гурьевыми в устье реки Яик, центр торговли и рыбного промысла.

Остров Камынин — правильное: полуостров Камынин, выступающий далеко в море юго-восточнее устья реки Яик (Урал); и

острове располагался скит старообрядцев — приют для беглых и вольных людей.

24. Ты взойди-ка, взойди, туча грозная

Наследницкий; варианты: Киреевский—Языковы, т. 1, № 254; Филева, № 19; Выходцев, № 576; Игнатов, с. 169, № 61; Багизбаева, № 32.

Все варианты из цикла песен-баллад о «вольных людях». Возможно, все они восходят к песням о Стенане Разине (см.: наш сборник, № 4), а может быть, все было наоборот: песни о Разине возникли на основе песен о «вольных людях».

25. Сыр-матерый дуб

Железновы, с. 7.

Песня очень старая, несет на себе печать эпической былинной традиции, откуда заимствован аллегорический образ «сыр-матерый дуба».

26. Слобода-слободушка

Кулевчинский, 1 отдаленные варианты Выходцев, № 632—634.

Песня разрабатывает традиционный мотив о казаках — вольных людях, плывущих по Волге-реке в поисках добычи; часто воспеваются красота «изукрашенной» лодочки, посреди которой в замкнутости сидит атаман.

Шаломенский город — предполагают, что это искаженное название Коломны; возможно, что это собирательное наименование какого «верхнего», «шеломного» поселения, располагавшегося на реке в междуречье, при слиянии двух рек; такие именно места выбрали для обустройства своих городов Волжские, Донские и Южные казаки. Само название могло произойти от слова «шлем» или от «шелонь» (междуречье).

27. Ой, забелели снежки

Бородиновский, 3; отдаленные варианты Киреевский—Языковы, № 149; Выходцев, № 527 (традиционный мотив: смерть воина поле боя, прощание с товарищем, наказ ему); Багизбаева, 12.

Труно гроб, домовина

28. Солетались соколы

Железновы, с. 90.

29. Под ракїтою зеленой

— Кочкарские посиделки; варианты: Киреевский, НС № 129; Соболевский, т. II, № 385—391; Китайник, № 18; Гусев, № 29; Лазутич, № 161.

Песня старинного происхождения, но наш вариант приурочен к советской действительности: казак умирает «За советскую границу, под советскою звездой». Сюжет песни сохранен в традиционном виде.

30. Поехал казак на чужбину

— Кочкарские посиделки; прямых вариантов этого текста других сборниках мы не нашли, но сюжетный мотив песни широко представлен в русской песенной традиции: казак умирает на чужбине далекой и отдает друзьям, товарищам наказ, где и его похоронить; см. ПСП, № 29—31, с. 362—364.

31. Поехал казак

— Андреевский; вариант песни № 30.

Обращает внимание, что в этом варианте подчеркнут мотив северной чужбины; возможно, что в данном виде песня бытовала на фронтах Маньчжурии в 1904—1905 гг. В народном сознании Дальний Восток ассоциируется с Севером.

32. Поехал казак на сером коне

— Дергалева—Игнатенко; традиционный мотив прощания казака с казачкой.

Тургай — краткое название Тургайских степей, местности на северо-западе Казахстана, широкой долины, соединяющей Зауралье со Средней Азией; именно по этой долине совершали взаимные набеги киргиз-кайсаки и уральские казаки.

33. По широким степям Украины

— Стенной; см. примечание к песням № 29, 30.

34. Как по синему по моречку

— Спасский, 2.

Оригинальное использование традиционных в русских народных песнях образов-символов — лебедя и орла.

35. Уж вы, горы мои

— Андреевский; вариант: Киреевский—Языковы, т. I, № 140

36. Из-за рощицы зеленой

— Катенинский.

Переделка старинной солдатской строевой песни. (см.: «Шли солдаты слободою» — Выходцев, № 541); песню переработали в годы гражданской войны: командира-атамана заменили на комиссара.

37. Осенние звезды.

— Катенинский; варианты: ПСП, с. 362—364, № 29—31; Выходцев, № 530—531.

Разрабатывается традиционный песенный сюжет: жалобы раненого солдата на свою судьбу. Наша песня позднего происхождения (видимо, времен Первой мировой войны), поэтому традиционный сюжет сильно сокращен и локализован.

38. Там вдали гром грохотал

— Катенинский; варианты: Бирюков, 1, с. 31; Бирюков, 2 с. 89—90 (см. также: примечание к песне № 21)

В бирюковском варианте более определенно обозначается место действия: «Там вдали, в горах Карпатских». На этом основании можно утверждать, что песня возникла и бытовала в годы первой мировой войны.

39. Из-за леса копия мечей

— Катенинский; переделка старой казачьей песни: Багизбаева, ч. 2, № 1; Варава, № 75; Выходцев, № 581; Федорова, с. 20. Вот как пели эту песню кубанские казаки:

Из-за леса, из-за гор, из-за щелей
Едет сотня казаков-лихачей.
Э-эй, говорят,
Едет сотня казаков-лихачей!
Попереди командир наш молодой,
Ведет сотню казаков за собой.
Э-эй, говорят,
Ведет сотню казаков за собой!
За мной, братцы, не робей, не робей,
На завалы поспешай поскорей.
Э-эй, говорят,
На завалы поспешай поскорей!
На завалах мы стояли, как стена,
Пуля сыпалась, жужжала, как пчела.

Э-эй, говорят,
Пуля сыпалась, жужжала, как пчела..
Молодого командира ранила,
В поле алыми цветами расцвела.
Э-эй, говорят,

В поле алыми цветами расцвела! (Варавва, № 75)

На Южном Урале закрепились традиции пения именно о буленовцев (см.: Лазарев—Хоменко, № 34). Об этом свидетельствует и следующая песня.

40. Из-за леса копия мечей

42. За Уралом, за рекой

— Спасский, 1 Интересная в музыкальном и текстовом отношении переработка старинной казачьей песни (см. примечание к песне № 39).

41. За лесом солнце воссияло

— Спасский, 1; вариант (отдельный) Багизбаева, № 10.

Оригинальная переработка известного сюжетного мотива русских народных рекрутских песен типа «Последний вышедший денечек. Прощаюсь с вами я, друзья...» (см. Новикова—Пушкина, № 98, с. 139).

42. За Уралом, за рекой

Спасский, 1; Варианты Федорова, с. 17—18; Багизбаева, № 11

«Шапки-тумаки» — Тумак — ушастая шапка, малахай, треух. Называется так, по-видимому, по материалу изготовления: тумак — сибирский хорь, из меха которого и делались шапки, в частности казачьи папахи (см. примечание к песне № 3).

43. На посту стоял

— Стенной.

Одна из многих песен о трагической участи русских воинов на полях Маньчжурии во время русско-японской войны 1904—1905 гг.

44. Вот отправился солдат

Спасский, 1.

Оригинальная песня, одна из немногих, в которых драматические обстоятельства, связанные с многолетним отсутствием казака-воина в родном доме, освещаются в комическом свете; но это смех сквозь слезы.

15. Как во поле было, поле

Спасский, 1; варианты: Соболевский, 1; № 358—376; Кирелли, НС, № 2389; Багизбаева, № 7.

16. Конь боевой

Спасский, 1; варианты: Киреевский—Языковы, № 138, 139.

Песня воспеваает образ коня — верного друга и помощника ка-

В фольклоре образ коня имеет символическое значение, уходящее корнями в глубину веков, когда человек приписывал коню волшебные качества: он мог предугадывать события, мог исцелять, обгонять время (см. Выходцев, № 535).

17. Из-за гор-то, гор

Александровский; варианты: Киреевский—Языковы, № 142, 150 и др.

Широко распространенный мотив: убитый воин лежит в поле, израненный. «между ребриков да проросла трава». Другой вариант, связанный с образами орлов—вестников смерти, встречается реже; чаще эту миссию выполняет «черный ворон».

Жито — рожь, пшеница.

18. Пристигает служба царская

Баранов, № 69, с. 87; варианты: Варавва, № 17; Выходцев, № 2.

19. Молодцу казаку не о чем тужить

Баранов, № 53, с. 69.

Редкая ура-патриотическая песня; для русской фольклорной традиции нетипична, а для казачества — характерна.

20. Сине моречко

Баранов, № 48, с. 64; варианты: Киреевский — Языковы, № 32, № 148, 149.

ВОЕННО-БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

21. Доля казака

Бородинский, 2; варианты: Выходцев, № 574, 596.

Мотив разговора казака с конем о родной стороне очень популярен в русском фольклоре.

52. Скакал казак через долину

— Травники; вариант: Игнатов, № 148.

Как ни странно, песня весьма редко появлялась в печати, а имеет всенародную популярность; объясняется это, видимо, что по жанру песня приближается к жестокому романсу, на который, как известно, до недавнего времени сохранялся негласный запрет.

53. Скакал казак через долину

— Сыртинский; см. № 51. Варианты отличаются друг от друга не столько текстом, сколько мелодией.

54. Скрылось солнце за горою

— Евсеевко; отдаленный вариант — Багизбаева, № 102.

55. Как под веткой, под рябиной

— Степной; варианты Игнатов, № 2; ПСП, с. 535—536; ПС с. 115—116; ФДК, с. 50—51; Мякушин, с. 200—201.

Во всех вариантах общий сюжетный мотив «неузнанный муж в текстуальном отношении выражается по-разному.

56. Стлала, стлала полковница

— Спасский, 2; варианты: Варавва, № 77 (здесь речь идет не о полковнике и полковнице, а о казаке и казачке); Выходцев, № 5; Киреевский—Якушкин, т. 1, № 185; Соболевский, 1, № 424—425; У, № 305, 306; Киреевский—Якушкин, т. 2, № 132.

57. Из-за леса выезжает молодой казак

— Спасский, 2; варианты: Выходцев, № 403 (сюжетный мотив из двух сестер одна не спит, милого дружка дожидается); ПС с. 196—197 (запись А. С. Пушкина).

Как и во многих других случаях вариант песни, бытующий в среде потомков оренбургского казачества, сильно тяготеет к стилистике народного романса.

58. Люблю я казаченьку

Катенинский.

Интересная песня, нигде не фиксировавшаяся, очень точно передает бытовую сторону жизни военнопленного казачества.

59. Сторона ли ты, моя сторонка

— Хомутиново; варианты: Выходцев, № 547; Чулков, ч. 3, № 167 и др.

Разрабатывается популярный в народной песенной традиции мотив: казак (солдат) тоскует о родной стороне, о своих близких. Данный вариант интересен бытовыми подробностями, адресовкой обращения к матери, что придает песне и дополнительный драматизм, и особую задушевность; встречаем здесь и обычный в фольклоре прием художественного абсурда: казак обращается к матери будучи уже мертвым.

60. Течет речка.

— Катенинский; варианты: Лазутин, № 162; ФДК, № 45, с. 42; Багизбаева, № 5 и др.

Одна из самых популярных в наше время песен, бытующих на Южном Урале; мы неоднократно записывали ее в Нагайбакском, Верхнеуральском, Октябрьском, Пластовском и др. районах. Варьируются не только слова, но и мелодии.

61. Ох, во дороге

— Целинный; варианты: Лазутин, № 163; Новикова, № 3; Соколовский, 1, № 253.

62. Эх, при дороге

— Рудничный; см. примечание к песне № 60.

63. Во лугах

— Кулевчинский, 2; вариант: Выходцев, № 329.

Песня типа городского романса.

64. Во поле было, поле

— Ларинский; вариант: Багизбаева, № 7.

65. Казак вернулся к Саше

— Баранов, № 60, с. 77.

66. Сидел ворон

— Новоуральский; варианты: Выходцев, № 352, 373; Багизбаева, № 105, с. 79.

В этой песне проявляется общая тенденция местной песенной традиции: выпрямление старинного сюжетного мотива, устранение

побочных поэтических образов, приближение к стилю городского романса.

67. Сторона ли ты, моя сторонка

— Владимировский; варианты: Чулков, ч. 3, № 167; Выходцев, № 547.

Старинная песня претерпела значительные изменения в сторону упрощения, приспособления к настроениям воинов-участников военных действий конца XIX — начала XX вв. Поэтика песни испытала влияние со стороны книжной поэзии XIX века.

68. Прослужил казак три года

— Бородинский, 1.

Редкая песня. Традиционный сюжетный мотив (возвращающегося после долгой службы казака дома ждет какая-либо неприятная неожиданность — измена жены, смерть родителей, детей и т. п.) здесь получает общественную окраску, возможно — политическую, как, например, в песне «От павших твердынь Порт-Артура».

69. Из-за леса, леса темного.

— Кулевчинский, 1; варианты: Железновы, с. 59; ИПБ, с. 50. Переработка исторической песни о Е. И. Пугачеве, ставшая фактически лирической песней о переживаниях казака во время похода.

СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ И ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

70. Ой, там на горе

Бородинский, 2; варианты: Выходцев, № 378, Багизбаева, № 114, с. 82—83.

71. Ты, послушай-ка, сестра

— Бородинский, 2.

Оригинальная песня, соединившая традиции народного многоголосия с элементами городского романса.

72. Во субботу, день ненастный

— Ларинский; варианты: Новикова — Пушкина, № 9, с. 138—139; Багизбаева, № 97, с. 75.

Первые записи относятся к концу XIX в. (см.: Будде Е. К. Диалектологии Великорусских наречий. — Варшава, 1892. — с. 18)

№ 52). Песня относится к числу самых популярных в народе.

73. Во субботу, день ненастный

— Новоуральский; вариант песни № 72; главное их различие — мелодии; оба варианта по содержанию интересны тем, что переносят солдатскую тематику в семейно-бытовой план.

74. Что ты, пташка, приуныла?

— Спасский, 2.

75. Скучно пташке

— Спасский, 1. Интересная разработка темы, знакомой по песне № 74. В жанровом отношении обе песни близки к русскому го-родскому романсу.

76. За городом

— Катенинский; текст песни нельзя назвать доброкачественным — он вызывает много вопросов логического порядка. Тем не менее песня интересна, как образец жестокого романса, бытовавшего в казачьей среде.

77. Что за Ваня за купец

— Фершемпенуазский; песня балладного типа; центральный мотив песни — девушка, обманутая возлюбленным и страдающая от упреков отца с матерью, кончает жизнь самоубийством, — широко известен, но в текстовом отношении наша запись уникальна.

78. Со вечера дождь идет

— Фершемпенуазский; вариант: Багизбаева, 2, № 69, с. 62.

79. Летел ворон

— Катенинский; варианты: Выходцев, № 362, 363, 364, 395; Волков, ч. 2, № 168; Киреевский—Якушкин, т. 2, п. 437; Соболевский, У, № 307.

Наш вариант, как обычно, отличается лаконизмом, отсутствием традиционных поэтических образов, а также неожиданной резкой окраской сюжета.

80. Ой, там на горе

— Новоуральский; варианты: Выходцев, № 378; Багизбаева, 1, 1, № 85.

81. Соловей-соловьешек

— Катенинский; традиционный сюжетный мотив — соловей в клетке — получает неожиданное шутливо-драматическое разрешение какого мы не нашли в других сборниках песен.

82. Уж ты, сад, ты мой сад

Вагановский; варианты: Выходцев, № 387; Новикова, с. 185—186; Багизбаева, 2, № 39, с. 46.

83. Со вечера дождик

— Катенинский; более развернутый вариант песни № 78; в содержании песни явно выражен элемент казачьего быта: девушка ждет возвращения милого из похода.

84. Ясный мой сокол

— Бородинский, 2; песня интересна переводом содержания из сферы социально-политической (песни об удачных разбойниках) в область семейно-бытовую, что характерно для песенно-творчества оренбургских казаков (см.: из сборника Выходцев, № 632, 634 и др.).

85. Спородила молода дивчина

— Катенинский.

86. Что Иванушка по берегу идет

— Кулевчинский, 1; варианты: Выходцев, № 470, 471 (молитва трех заботушек); Багизбаева, 1, ч. 1, № 130.

Наш вариант отличается полнотой разработки сюжета и красотой текста.

87. Из-под камушка, из-под белого

— Кулевчинский, 2; варианты: Выходцев, № 406 (запись ПСПМ, № 25; Киреевский—Языковы, № 216—218; Федорова, с. 11).

Песня балладного типа с элементами жестокого романса. Сюжет — муж убивает жену, чтобы жениться на другой — очень популярен и в современной песенной традиции.

88. Ой, ты подуй!

— Спасский, 2; варианты: Новикова—Пушкина, № 31; Киреевский, НС, № 2205, Выходцев, № 477 (финал).

Разрабатывается известный сюжетный мотив: жена желает уйти своему старому мужу (самая популярная песня на этот сюжет — «Во поле березонька стояла», см.: Выходцев, № 161).

89. На заре было на зореньке

— Катенинский; вариант: Новикова—Пушкина, № 9, с. 42. Популярная на всем протяжении XIX века песня; наиболее полный текст представлен в сборнике Новиковой—Пушкиной.

90. Загорелась во поле калина

— Целинный.

Редкая песня, выражающая недовольство мужа женой из-за переработки (вариант: Выходцев, № 479). В нашем варианте возникает мотив конъюнктурности героя: женился бы на другой, заслужил бы чин офицера, взял бы в жены дочку майора.

91. Ой, да снежки белые

— Кидышский; варианты: Выходцев, № 276—277, Багизбаева, 107, с. 80.

92. Уж как по двору, по дворику

Кулевчинский, 1; варианты: Соболевский, У, № 453; Выходцев, № 293.

93. Час да по часу

— Фершемпенуазский.

Песня раскрывает чувства девушки, разлучившейся со своим любимым. Ситуация знакома нам по множеству фольклорных песен, в данном тексте тема выражена по особенному; сказывается влияние городского романса.

94. Еще чей это садок?

— Андреевский.

Редко встречающаяся в наши дни песня — по полноте содержания и красоте мелодии.

95. Не бела-то заря

Николаевский.

Песня о разлуке («мил уехал, не сказал»); вариантов этой песни множество; самая известная — «Прощай, радость, жизнь моя» (см.: Киреевский/Якушкин, т. 2, № 367, 374). Но в текстовом

и мелодичном отношении наша песня вполне оригинальная, в других сборниках мы ее вариантов не встречали.

ПЕСНИ СВАДЕБНЫЕ, ОБРЯДОВЫЕ

96. Ой, пойду я во конюшенку

— Кочердыкский, вариант: Игнатов, № 17;

Песня исполняется во время сватовства, когда жениха впервые вводят в дом невесты.

97. Ой, брала я розу

— Вагановский.

Интересная свадебная песня, представляющая из себя как бы диалог между сосватанными женихом и невестой; вариантов не имеет.

98. Во двор свашенька въехала

— Селезянский; варианты: Киреевский—Языковы, т. 1., № 36; Багизбаева, 2. № 73, с. 229.

Песня о свахе; исполнялась во время сговора и девичника.

99. Ой, по морю, морю синему

— Никольский; варианты: Киреевский—Якушкин, т. 1. № III 127.

Песня исполнялась во время девичника; отражают обычай, при котором невеста, готовя с подружками приданое, должна была изготовить перину, подушки и т. п.

100. Станем Ванюшку жениги

— Селезянский.

Своеобразная величальная песня в честь жениха, который обещает невесте счастливую жизнь; могла исполняться и во время сватовства, и на девичнике, и за свадебным столом.

101. Уж ты, матушка Волга-река

— Евсеенко; вариант: Чердынская свадьба, № 77, с. 89—90.

Мотив прощания невесты с девичьей красотой широко используется в разных вариантах свадебных песен, исполнявшихся перед ритуальной «Баней»; в данном случае он соединился с другим мотивом: потерять девичью красоту — потерять «золоты ключи от горенки».

102. При последнем было вечеру

— Катенинский; вариант: Багизбаева, 2, № 37, с. 211 («При девишнике, девишнике»). Исполняется на девичнике накануне свадьбы.

104. Не от ветру

— Новоуральский.

Песня исполняется утром в день свадьбы перед отъездом молодых к венцу.

104. Не от ветру

— Фершемпенуазский; варианты: Багизбаева, 2, № 84, 85; Чердынская свадьба, № 137—140.

Песня предшествовала обряду благословения невесты перед приездом жениха; самая знаменитая песня из этого цикла—«Маушка, во поле дымно» (Чердынская свадьба, № 137, с. 150/151; см. там же. Русская свадьба, М.: Современник, 1985.—С. 284—285).

105. Вот поплыла селезенюшка

— Катенинский; варианты: Багизбаева, 2, № 80, 81, с. 234.

Корильная песня жениху, который называется «серым коршуном», погубителем «селезенюшки», т. е. красоты девицы.

106. Веря моя, вереюшка

— Бородиновский, 2; варианты: Багизбаева, 2, № 63, с. 224; Киреевский, ИС, № 3, 44, 55, 62, 1033.

Исполнялась в момент приезда жениха с дружиною перед сценой выкупа невесты.

Веря — крыша и столбы, на которые навешивается створка шрот.

107. Дунули ветры

— Катенинский; вариант: Чердынская свадьба, № 134, с. 145; свадьба Обско-Иртышского междуречья, № 62, с. 86.

Песня сопровождала приезд жениха со свадебным поездом. Дружка подъезжает к дому невесты один, оставив на дороге жениха и его свиту. Он угощает вином привратников и придворников—того пропускают в дом. Он узнает, готовы ли к приему гостей, собрана ли невеста. Наконец прибывает свадебный поезд, и дружка или тысяцкий выкупают место для жениха за столом рядом с

невестой...» (И. Зырянова. Чердынская свадьба, с. 132). Когда жених сядет рядом с невестой, тогда и исполняется данная песня.

108. Повозчик кудрявый

— Селезянский.

В отличие от традиционного северного свадебного обряда в юге большое внимание оказывается «поезжанам» (дружкам); величании «повозника» ощущается душа казака, преклоняющегося перед всем, что связано с конем. Вариантов эта песня, видимо, не имеет.

109. Ветри дунули

— Селезянский; музыкальный вариант песни № 105.

110. Куда, доченька, собираешься?

— Остролемский.

Сюжетный мотив очень популярен в народе. Данный вариант представляет собою удачную контаминацию песен, посвященных отъезду невесты от родного дома; он как бы выпрямляет текст песни из сборника Новиковой—Пушкиной — с. 104, № 63; с. 105, № 64; с. 116, № 75 и др.

111. Ой, выюн во реке

— Пономаревы; Варианты: Новикова—Пушкина, № 73, с. 114, Чердынская свадьба, № 132, с. 143—145.

Игровая песня, имитирующая выбор женихом во время свадебного обряда (цена: отъезд к венцу) из предлагаемых ему даров суженой.

112. Ой, выюн над водой

— Катенинский; см. примечания к песне № 111; оба варианта сильно отличаются друг от друга по мелодии.

113. Быстрая речка

— Катенинский.

Песня исполняется после выкупа невесты — перед выходом ее вместе с женихом к свадебному поезду.

114. Ты куда, ута-утица?

— Спасский; варианты: Багизбаева, 2, с. 222, № 60; Чердынская свадьба, № 17, с. 27 (наш вариант можно рассматривать как отрывок из этой песни; а вообще-то казачья свадебная песня мало связана с северо-русской традицией: даже песни-причитания

превращается в среде чужой в недолгие лирические песни. Здесь исчезает и тема «чужой сторонюшки».

115. Во горенке во новой

— Селезянский; варианты: Новикова — Пушкина, № 16, с. 185—186, № 86, с. 127; Русская свадьба, № 15, с. 268; Свадьба Обско-Иртышского междуречья, № 9, с. 22.

Величальная песня жениху, исполнявшаяся во время большого княжьего стола, т. е. во время свадебного пира.

116. На горе-то виноград растет

— Спасский, 2; варианты: Киреевский—Якушкин, т. 2, № 486; Новикова—Пушкина, № 80, с. 122.

Величальная жениху и невесте, исполнялась во время свадебного пира.

117. Ой, хмелюшка

— Катенинский.

Оригинальная величальная песня жениху, выросла, видимо, на чисто южнорусской песенной традиции (образ «хмелюшки» вытеснил соответствующие ему в северных вариантах песни образы «мостов калиновых», «соколов» и т. п.).

118. Розан мой, розан

— Селезянский; варианты: Новикова—Пушкина, № 94, с. 135; Киреевский, НС, вып. 1, № 392, 547, 4022, 741 и др.; Киреевский — Якушкин, т. 2, № 145; Чердынская свадьба, № 165, с. 181.

Одна из самых распространенных русских свадебных песен — величальная жениху.

119. А кто у нас холост?

— Кулевчинский, 1; вариант песни № 116.

120. Как на горке калина

— Андреевский; варианты: Добровольский, т. 11, № 48—49, 206; Терещенко, ч. 6, с. 169.

Календарно-обрядовая песня, исполнялась при гадании на венках во время семицкого праздника.

ИГРОВЫЕ ХОРОВОДНЫЕ ПЕСНИ

121. Уж вы, кумушки

— Бородиновский, 2.

Игровая песня, исполнялась чаще всего во время Троицы, сопровождала обряд кумления.

Ковырялка — кочердык, шило для плетения лаптей.

122. Кума к куме приходила

— Ларинский; варианты: Пальчиков, № 34; Добровольский. IV, с. 358.

Семицкая песня, сопровождала обряд-игру «Кумление».

123. Я из горницы в горницу ходила

— Кочкарские посиделки; варианты: Багизбаева, № 51; Киреевский, НС, № 1950.

Игровая песня; исполняется при разных бытовых обстоятельствах — на вечерках, посиделках, на свадьбах.

124. Вот и гребень, вот и лен

— Катенинский; интереснейший вариант песни № 122; главное отличие — в наличии припева.

125. Как на девичий на праздник

— Андреевский.

Игровая посиделочная песня, испытавшая влияние города.

126. Светит месяц

— Катенинский.

Хороводная песня; может исполняться и как игровая, и как просто веселая, задорная песня о любви.

127. Пора гостям со двора

— Катенинский; варианты: Лазутин, № 151 (в нашем тексте «младой муж» не пускает молодку гулять, а в воронежской песне — «Батюшка родной»).

В настоящее время, по нашим наблюдениям, песня исполняется как «проводная гостям».

128. Ой, да во лузях

— Никольский; вариант: Багизбаева, 2, № 172, с. 116.

Хороводная песня, исполнялась на вечерках и во время весенне-летних гуляний.

129. Пошли девки на работу

— Кулевчинский, 1; варианты: Киреевский, НС, вып. 2, № 1425; Выходцев, № 190; Багизбаева, 2, № 192, с. 128.

Веселая игровая песня; главная особенность этого варианта — припев, весьма популярный во всех регионах, где проживает казачество.

130. Не вставай-ка, любушка, раненько

— Кулевчинский, 3; разрабатывается популярный в старом быту мотив — тяжелое положение невестки в доме свекра.

131. У Катюши муж гуляка

— Катенинский; варианты: Новикова-Пушкина, № 27, с.61-62; Багизбаева, 2, № 187, с. 126.

132. Ой вы, гости, мои гости

— Спасский, 2; начало, как в исторической песне о взятии Казани (см. Киреевский-Языковы, т.1, № 29).

Игровая шуточная песня.

133. Деревушка да небольшая

— Аткульский; оригинальная шуточная песня.

134. Не сказать ли вам, братцы

— Спасский, 2; оригинальная шуточная песня.

135. Ходила, гуляла

— Ларинский; веселая игровая песня позднего происхождения.

136. Хороша наша Татьяна

— Катенинский; шуточная игровая песня; вариант: Хоменко, с.27 (записано там же от других певцов).

137. Эх ты, гульба!

— Кулевчинский; неожиданно веселая переработка песни типа «Ой, ты подуй!» (см. № 88).

138. Бел зайнка

— Катенинский; вариант: Выходцев № 102, хороводная песня, сочетавшаяся с игрой в “Зайньку”. Зайнка — ласковое наименование зайца (местн.).

НОТЫ ПЕСЕН

1. Как доселева про Киян-море не слыхано

Как до се-ле-ва, про Ки-ян мо-ре воё не слы-ха-
но. Как но-ни-че на Ки-
ян мо-ре со-
ви-ра-ли-ся трид-цать, ко... трид-цать
ко-раб-лей.

2. Взятие Азова

Музыкальное произведение в 3/4 такта, тональность B-flat major. Состоит из трёх нотных строк. Первая строка — мелодия с нотами G4, A4, Bb4, C5, Bb4, A4, G4, F4, E4, D4. Вторая и третья строки — аккомпанемент с использованием аккордов и ритмических фигур. Под нотами даны русские слова.

Как и шли - то про-шли эх да Бал-тюш-ки ка — за... а —
— чен-ки да о-ни смо — ря
чёр-но-го смо — ря чёр-но-го.

3. Ургенч

Музыкальное произведение в 3/4 такта, тональность B-flat major. Состоит из трёх нотных строк. Первая строка — мелодия с нотами G4, A4, Bb4, C5, Bb4, A4, G4, F4, E4, D4. Вторая и третья строки — аккомпанемент с использованием аккордов и ритмических фигур. Под нотами даны русские слова.

По кру-тым ве-ре-там, враль Я — и —
— ка ре — ки. Вид — ны здесь, слышишь там ка — за-ки,
ка — за-ки.

4. Ой-да, ты пролей-ка, пролей, сильный дождичек

Ой да ты про — лей-ка, про — лей силь-ный
дож — ди — чек, ой да, ты раз —
— май — ка раз — мой зем-ля, ну турь —
— му.

The musical score is written on four staves. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one flat (B-flat), and a 2/4 time signature. The melody consists of quarter and eighth notes, with some notes beamed together. The second staff continues the melody, featuring a 3/4 time signature change. The third staff shows a 3/4 time signature and includes a fermata over a note. The fourth staff concludes the piece with a 2/4 time signature and a final note with a fermata.

5. Как по морю, морю синему

Как по мо-рюш-ку мо-рю си-не-му,
 по то-му мо-рю как — пиц — ко —
 — му. Бро-саю я-корь во-ров-ской ко —
 — рабль. Во-ров-ской ко — рабль, как на э-том
 же на э-том на ко — ра — блях — чк — ке
 и — сию-ит рас — кра — шё... ён чер-дак.

6. Стенька Разин

Во крем_ле, крем_ле, крем_ле, слав_ном
бы — ло го — ро — — — — — де,
тут сто_я_ла — же та_мо — жен_ка,
крем_ка_я не — ра — дост — — — — — на.

The musical score for 'Стенька Разин' consists of five staves. The first staff is the vocal line, starting with a treble clef and a common time signature (C). The lyrics are written below the notes. The second and third staves are accompaniment for a stringed instrument, likely a balalaika, with a 3/4 time signature. The fourth and fifth staves are accompaniment for a piano, with a 3/4 time signature. The lyrics are: 'Во крем_ле, крем_ле, крем_ле, слав_ном бы — ло го — ро — — — — — де, тут сто_я_ла — же та_мо — жен_ка, крем_ка_я не — ра — дост — — — — — на.'

7. Как по матушке, братцы, по Волге

Как по ма — туш — — ке брат_цы по
Вол — — — — — ге, по на гор_ной сто_ро — — — — —

The musical score for 'Как по матушке, братцы, по Волге' consists of two staves. The first staff is the vocal line, starting with a treble clef and a 4/4 time signature. The lyrics are written below the notes. The second staff is accompaniment for a stringed instrument, likely a balalaika, with a 4/4 time signature. The lyrics are: 'Как по ма — туш — — ке брат_цы по Вол — — — — — ге, по на гор_ной сто_ро — — — — —'.

— не. Эи, да плы_вёт ло_доч_ка, брат_—
 — цы, ка_зан_ка и_зу_кра_шен_на_я.

8. Некрасовцы

Слав_ный ти — хий Дон вос_ку_тил_ся —
 же, воз_му_тил_ся_же, слав_ный ти —
 — хий Дон.

9. На заре было, на восходике

На за - ре бы - ло да на во - scho - ди -
- ке. бы - ло у ка - за - э... а... я - че - ки - ки - е,
бы - ло (я) со... со (гон - ца кра... солн - ца па - э
солн - ца краю - ны - го.

10. Пыль клубится

Пыль клу - бит - ся по до - рож - ке слы - шен выст - рел там по -
- рой, но на - ве - га у - да - ло - го
е - дут суд - жен - цы до - мой.

11. Как двенадцатого года

Как двенадцатого года,
по-седелье орлы, православно-
му народу показали
славу, православно-
му народу показали славу.

12. Смерть Александра Первого

А та маи едет на войну, водим конь-то во ро —
— ной, а та маи ша е-го мо-ло —
— да — я про-во-жа-ла да — ле-ко.

The musical score consists of three staves. The first staff is the vocal line in 2/4 time, starting with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The lyrics are written below the notes. The second staff is the piano accompaniment, starting with a bass clef and a key signature of one sharp. The third staff continues the piano accompaniment, ending with a double bar line.

13. Как поехал наш царь Александр

Как по-е-хал царь наш А-лек-сандр
сво-ю ар-ми-ю смот-реть
сво-ю ар-ми-ю смот-реть.

The musical score consists of three staves. The first staff is the vocal line in common time (C), starting with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The lyrics are written below the notes. The second staff is the piano accompaniment, starting with a bass clef and a key signature of one sharp. The third staff continues the piano accompaniment, ending with a double bar line.

14. Сине море зашумело

Сине мо — ре за-шу-ме — ло,
ой ре-ре — га то да ку-ре-пе — ну — ли —
— ся. Е — щё как по — ли — ни — и ой ли У —
— радь — (и) — ской, ой не я-сен со-кол ле —
— том.

15. Грянем грудью на неверных!

Гря-нем гру-дью на не вер-ных с на-ми бог и
царь у-ра! Уж мы бро-сим — ся ре —
— бя — та на, Прус-ско-го а мы
ко — ро — ля.

The musical score for 'Грянем грудью на неверных!' is written in G major and 3/4 time. It consists of four staves. The first staff is the vocal line, followed by three staves of piano accompaniment. The lyrics are: 'Гря-нем гру-дью на не вер-ных с на-ми бог и царь у-ра! Уж мы бро-сим — ся ре — — бя — та на, Прус-ско-го а мы ко — ро — ля.'

16. На заре-то было

На за-ре-то вы-ло как на
зо-рень-ке. Эй на за-
— ре-то вы-ло ран-ней ут — рен-ней.

The musical score for 'На заре-то было' is written in G major and 3/4 time. It consists of three staves. The first staff is the vocal line, followed by two staves of piano accompaniment. The lyrics are: 'На за-ре-то вы-ло как на зорень-ке. Эй на за-ре-то вы-ло ран-ней ут — рен-ней.'

17. Поле чистое турецкое

По_ле чи_сто_е ту_ре_цко_е,
по_ле чи_сто_е ту_ре_цко_е,
мы ког_да те_бя по_ле прой_дем?

The musical score for 'Поле чистое турецкое' consists of three staves. The first staff is the vocal line, starting with a treble clef and a common time signature. The second and third staves are piano accompaniment, with the second staff showing a prominent chordal texture. The lyrics are written below the vocal line.

18. Как за реченькой за Утвой

Как за ре_чень_кой, как за ре_чень_кой
_кой вы_лю за вы_стро_ю,
за ре_чень_кой за Ут_во_ю.
_ю.

The musical score for 'Как за реченькой за Утвой' consists of four staves. The first staff is the vocal line, starting with a treble clef and a common time signature. The second and third staves are piano accompaniment. The fourth staff shows a final chord with a fermata. The lyrics are written below the vocal line.

19. Ой, да вспомним, братцы

$\text{♩} = 104$

Ой да вспом-ним брат-цы вы ку-ра, —
— ан-цы двад-цать пер-во сеч-тяб-ря, / да
как дра-ли — ся ми спо-ля-ком, от рас-
— све — та до позд-на.

The musical score consists of four staves. The first staff is the vocal line with lyrics. The second staff is the piano accompaniment. The third and fourth staves continue the piano accompaniment. The key signature is one flat (B-flat), and the time signature changes from 2/4 to 3/4 and back to 2/4.

20. Вдоль по линии Урала

$\text{♩} = 80$

Вдоль по ли-ни-и У-ра-
— ла, где си-зой о-рел ле-тал,

The musical score consists of two staves. The first staff is the vocal line with lyrics. The second staff is the piano accompaniment. The key signature is one flat (B-flat), and the time signature changes from 2/4 to 3/4 and back to 2/4.

вдоль по ли — ни — и у — ра —
 — ла, где си — зой о — рел ле — тал.

21. Недаром помнятся походы

$\text{♩} = 69$

Не да — ром пом — нят — ся по — хо — ды, в го — рах у —
 — равь — ских и кру — тых, не да — ром пом — нят — ся по —
 — хо — ды, в го — рах у — равь — ских и кру — тых.

22. Ночи темны, тучи грозны

Но — чи тем — ны ту — чи гроз — ны,

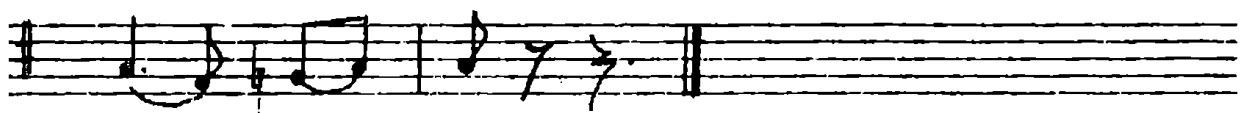
под не — ве — са — ми о — ни и — дут,

и — дут, и — дут ка — ши ка — да —

— ченб — ки сво — им ти —

— хим мар — шем.

23. Яикушка

Эх ты я — ик ты нош Я — и — куш-ка ты Я —
ик сын го — рби — но — вич, сын го —
рби — но — вич. Сын го — рби — но —
вич, да про те-бя ли и вот всё про Я и... —
и — куш ку-да и-дёт сла — ва до —
бра... слава доб-ра — я.

24. Ты взойди-ка, взойди

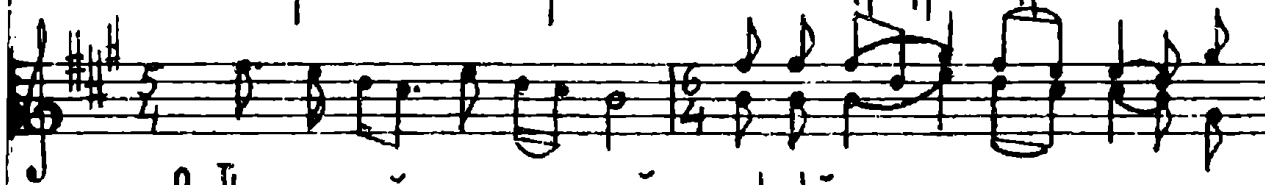
$\text{♩} = 48$

1. Ты взойди - ка взойди ту - ча гро - о - зна - я,

ты про - лей - ка про - лей силь - ный до - дож - ди - чек.

2. Ты про - лей - ка про - лей силь - ный до - жди - чек, а

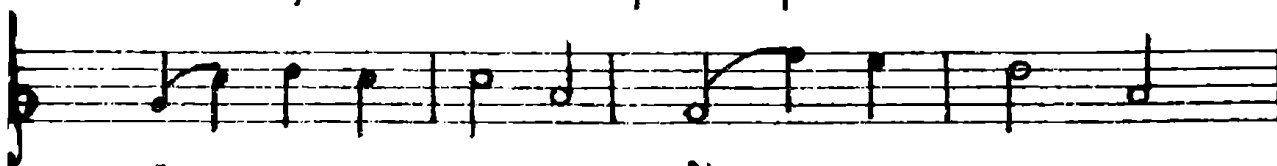

ты раз - мой - ка раз - мой тюрь - му ка - ка мен - на - ю.

25. Сыр-матерый дуб

Как во - да - ле - че, да во - да - ле - че.

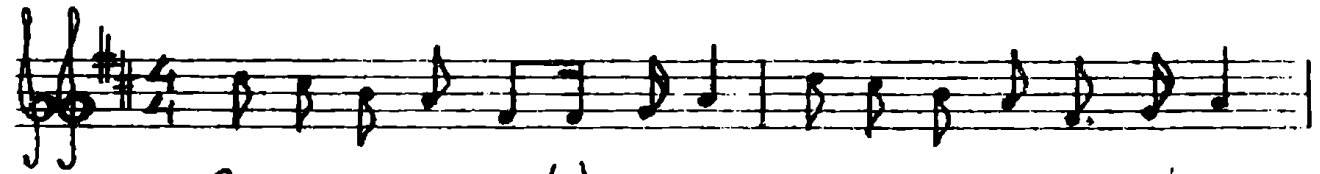
Во чистом по - ле, вы - рос - тал тут

ба - тыш - ка сыр - ма - те - рый дуб.

26. Слобода-слободушка

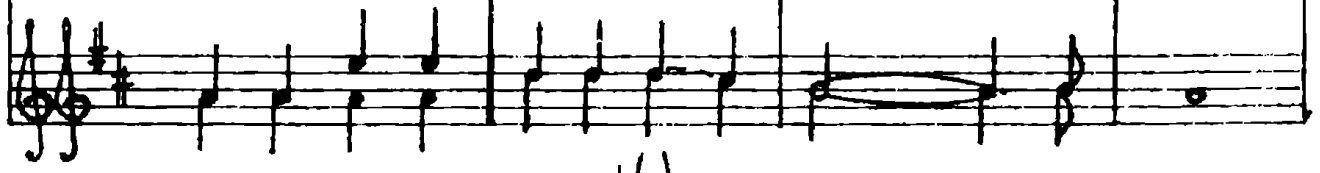
♩ = 76

Сло-бо-да сло-бо-(о)-душ-ка сто-ит меж двух ре-чень-ки,

а а ай я

сто-ит меж двух ре-чень(и)-ки а и ки.

A

сто-ит меж двух

ре-че-ни-ки — а — — — — — че-нь — ки.

27. Ой, забелели снежки

1. Ой за-бе-ле-ли сне-жки, ой за-бе-ле-ли
 ве-ли, лес, ду-бра-
 — — — — — вонь-ка 2. Лес ду-бра-юв-ка,
 ой за-во-ле-ло то-ло, ой со-ла-
 — око — е-ве-ло щей то —
 — — — — — лю — — — — — вонь-ка.

28. Солетались соколы

Музыкальное произведение в нотной записи. Оно состоит из трёх строк нот. Первая строка начинается с ключа F# и ритма C. Вторая строка начинается с ритма 2/4. Третья строка заканчивается двойными чертами. Под каждой строкой расположены русские слова, соответствующие нотам.

Со — ле — та — лись, со — ле — та — лись,
 со — ле — та — лись со — ко — лы сто — ро — ны, со — ле — та — лись
 со — ко — лы сто — ро — ны.

29. Под ракитою зеленой

♩ = 52

Музыкальное произведение в нотной записи. Оно состоит из трёх строк нот. Первая строка начинается с ключа F# и ритма 4/4. Вторая и третья строки содержат более сложную ритмическую структуру с переменными тактами. Под каждой строкой расположены русские слова, соответствующие нотам.

Под ра — ки — то — ю зе — лё — ной рус.ский
 ра — не — ный ле — жая, он к гру — ди шты — ком проч —
 — зён — ной крас.ный ор — ден при — жи — мал, он к гру... мал.

30. Поехал казак на чужбину

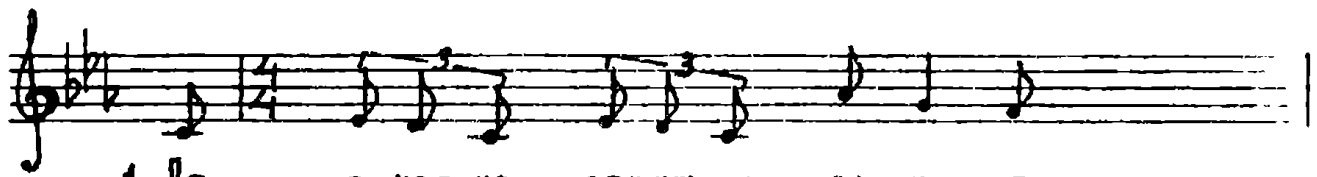
♩ = 63

По_е_хал ка_зак на чуж_би_ну да_лє_ку, на
вер_ном ко_не на сво_єм во_ро_ном. По_е_хал ка_зак на чуж_би_ну да_лє_ку, на вер_ном ко_не на сво_єм во_ро_ном.

The musical score consists of four staves. The first staff is the vocal line, starting with a treble clef, a key signature of one flat (B-flat), and a 4/4 time signature. The tempo is marked as quarter note = 63. The lyrics are written below the notes. The second staff is the piano accompaniment, starting with a bass clef and a key signature of one flat. It features chords and single notes. The third staff continues the piano accompaniment. The fourth staff concludes the piece with a final chord and a fermata.

31. Поехал казак...

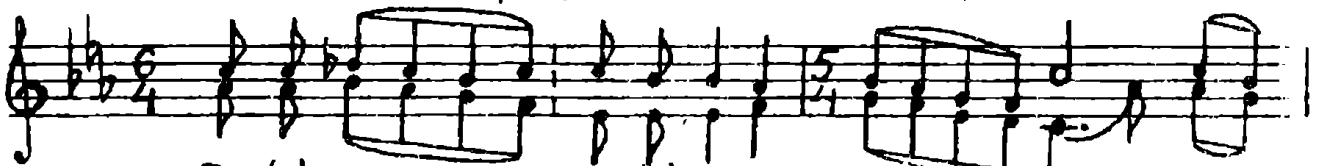
♩ = 52

1. По — е_хал ка — зак на чуж — би — ну, а

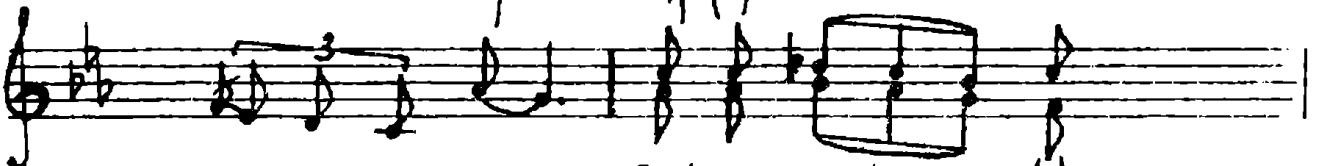
на сво_ём доб_ром ко — не.

Он_(и) бро — сик_(и) же спо — ки — нул ка —

— за — чку од_(и) — на_га — ю 2. Ка —

— зач_ку од — ну. День и ночь (и)

ка — за — чка пла — чет на

се — вер она гля — дит. 3. На — жат.

32. Поехал казак на сером коне

$\text{♩} = 60$

По е_хал ка_зак на се_ром ко_не
он бро_си_л да_си_ки
ну_л ка_за_чку ой од_ну.

The musical score is written on four staves. The first staff is the vocal line in 3/4 time, starting with a treble clef and a key signature of two flats (B-flat and E-flat). The lyrics are written below the notes. The second staff is a piano accompaniment line with a treble clef, showing chords and melodic lines. The third staff continues the piano accompaniment with some changes in time signature (3/4, 2/4, 3/4, 2/4). The fourth staff shows the final notes of the piece, including a fermata over the final note.

33. По широким степям Украины

$\text{♩} = 88$

По ши_ро_ким сте_пям У_кра_и_ны ве_тер,
во_лос е_му раз_ве_вал, а в о_ко_лах ши_ро_ких г_ля_

The musical score is written on two staves. The first staff is the vocal line in 6/4 time, starting with a treble clef and a key signature of two flats (B-flat and E-flat). The lyrics are written below the notes. The second staff is a piano accompaniment line with a treble clef, showing chords and melodic lines.

— бо — ких там сол — дат мо — ло — дой у — ми — рал. А во..

— рал.

34. Как по синему по моречку

$\text{♩} = 52$

Как по си-не-му по мо — реч-ку да

ле — бедь сор — ли — чком по — ле — ты —

вал, ле — бедь сор-лич.ком полё — ты — вал да

ле — бедь ор — ли — чка вьі — спра — ши —

вал.

35. Уж вы, горы мои

$\text{♩} = 58$

1. Уж вы го — рвы мо-и да раз-вы-со...

ой да раз-вы-со... и э г(о) г(о) ки —

— е да ни че-го же вы то — рвы да не сло —

— ро... ой да не сло-ра... и э г(о) г(о) да —

— ли. 2. Ни че — го-же вы го-рвы да не сло ро...

ой да не сло ро... э г(о) г(о) ди —

— ли да сло-ро — ди... ли го — рвы да си-ри ма —

— тѣ... сыр(би) да ма-тѣ... э... тѣ — тѣр-ский

ДУБ.

36. Из-за рощицы зеленой

$\text{♩} = 104$

Из-за ро-щи-цы зе-ле-ной выш-ла ро-туш-

— ка сол-дат ой ли, лю-во да лю-

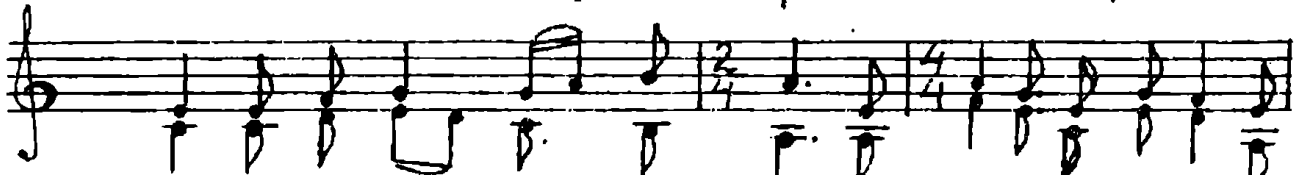
— ли выш-ла ро-туш-ка сол-дат.

37. Осенние звезды

$\text{♩} = 32$

1. О_се_н_ни_е звез_ды так яр_ко бли_ста_ли, ми

с де_дом си_де_ли в дво_ем, о_се_н_ни_е звез_ды так

яр_ко бли_ста_ли, ми с де_дом си_де_ли в дво_ем. 2 За_

_чем ме_ня пу_ля так ра_но сре_зи_ла, за_чем по_лу_би_ла ме_

_ня, за_чем ме_ня пу_ля так ра_но сре_зи_ла, за_

_чем по_лу_би_ла ме_ня.

38. Там вдали гром грохотал

$\text{♩} = 54$

Там вдали гром грохотал(ы), между двух огромных
ская. Пробирался кочкой тёмной, саши-
-тарный наш отряд. Пробирался.

The musical score for 'Там вдали гром грохотал' is written in 3/4 time with a tempo of 54 beats per minute. It consists of three staves of music. The first staff contains the melody, and the second and third staves contain the accompaniment. The lyrics are written below the staves, with some words in parentheses indicating alternative pronunciations or syllables. The piece ends with a double bar line and repeat signs.

39. Из-за леса копья мечей

$\text{♩} = 108$

Из-за леса леса копия
- я мечей идет сотня бч-дө-
- нов(ы) цев(ы) лалачей. Эй!

The musical score for 'Из-за леса копья мечей' is written in 2/4 time with a tempo of 108 beats per minute. It consists of three staves of music. The first staff contains the melody, and the second and third staves contain the accompaniment. The lyrics are written below the staves, with some words in parentheses indicating alternative pronunciations or syllables. The piece ends with a double bar line and repeat signs.

жги, ко-ли ру-ви и-дет
со-т-ня бу-дё-нов-цев ли-ха-чей.

40. Из-за леса копья мечей

$\text{♩} = 94$

Из-за ле-са, ле-са ко-пи-я ме-
чей, е-дет со-т-ня бу-дё-нов-цев
ли-ха-чей, Эй!
пусть го-во-рят да да, с-дет
со-т-ня бу-дё-нов-цев ли-ха-чей.

41. За лесом солнце воссияло

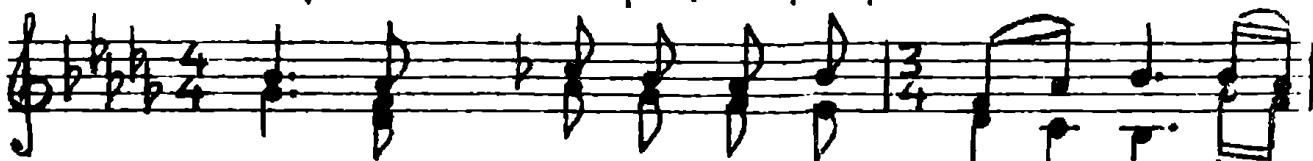
$\text{♩} = 48$

1. За ле_сом солн_це вос_си — я_ло, где

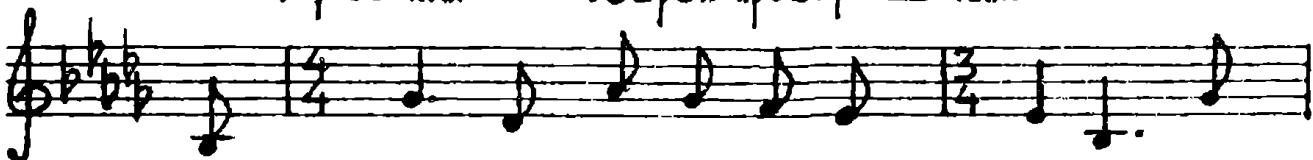
чёр_ный во_рон(ы) про_кри — чал, за

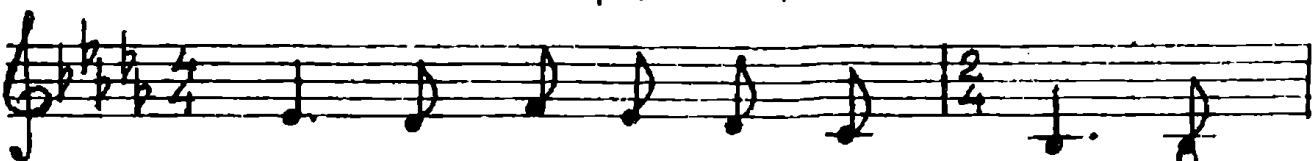
ле_сом солн_це вос_си — я_ло, где

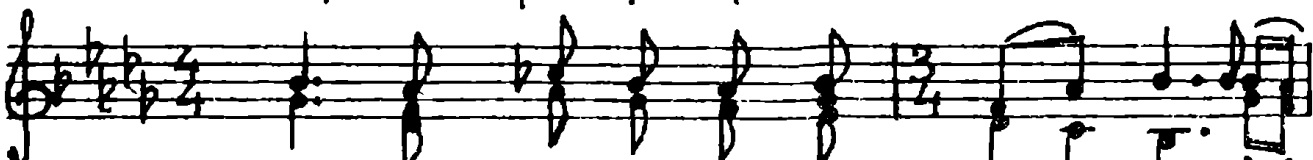
чёр_ный во_рон про_кри — чал.

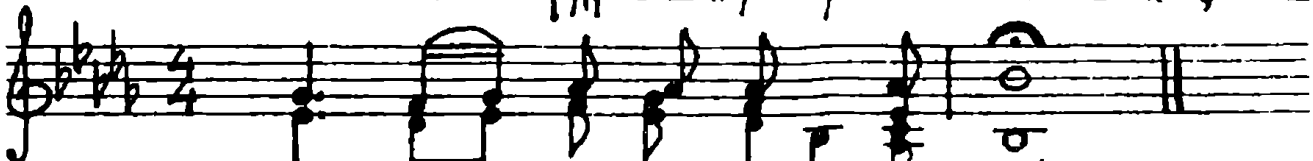
2. Сле — за на грудь е_му у — па_ла, по —

— след_ный раз про_щай ска — зал, сле_

— за на грудь е_му у — па_ла, по_

— след_ный раз про_щай ска — зал.

42. За Уралом, за рекой

♩ = 60

Музыкальный фрагмент в 3/4 такта, тональность B-flat major. Темп 60 ударов в минуту. Текст песни:

За У — ра — лом за ре — кой
ка — за — ки гу — ля — ют, э — гей
гу — ля — ют, ка — за — ки гу — ля — ют.

43. На посту стоял

♩ = 66

Музыкальный фрагмент в 3/4 такта, тональность B-flat major. Темп 66 ударов в минуту. Текст песни:

На пос — ту то сто — ял наш то — ра — щ ге —
за — щит — ник мо — ло — дой.

♩ = 56 - рой

44. Вот отправился солдат

$\text{♩} = 80$

Вот от_пра_вля_ся сол_дат в да_в_ню_ю до_—
 — ро — ту, бро_сил он сво_ю из_бу,
 мо_ло_ду_ю жён — ку, бро_сил он сво_—
 — ю из_бу, мо_ло_ду_ю жён — ку.

Detailed description: The musical score is written on four staves in G major (one sharp) and 2/4 time. The tempo is marked as quarter note = 80. The melody is on the top staff, and the accompaniment is on the bottom three staves. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables across notes.

45. Как во поле было, поле

$\text{♩} = 84$

Как во по_ле бы_ло по_ле, как во
 по_ле бы_ло по_ле, как во по_ле

Detailed description: The musical score is written on two staves in G major (one sharp) and 2/4 time. The tempo is marked as quarter note = 84. The melody is on the top staff, and the accompaniment is on the bottom staff. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables across notes.

вдѣло поле вши роком раздолье,
 как во поле вдѣло поле вши роком раздолье.
 — доль — е.

46. Конь боевой

$\text{♩} = 76$

Конь бо_е — вой с по — ход_ным вью_ком, у
 цёр_ки р_жёт, ко — то — то ж_дёт.

47. Из-за гор-то, гор

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом. Темп 56. Ключевая подпись: два диэза (F# и C#). Ритм: 3/4. Текст: Из-за гор — то гор да вы ле тал О — рёл, эх! из — за ху — то — ра да, вы — ле — та — ло два.

48. Пристигает служба царская

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом. Ключевая подпись: один диэз (F#). Ритм: 3/4. Текст: Го — ло — вуш — ка мо — я бе — да — я, сто — ро — ну — шка чу — же — даль — ня — я.

49. Молодцу-казаку не о чем тужить

Мо-лод-цу, ка-за-ку не о чем ту-
-жить, с ко-маш-ди-ром хва-том ве-се-ло слу-
-жить, -жить.

The musical score consists of three staves. The first staff is the vocal line in G major, 2/4 time, with lyrics 'Мо-лод-цу, ка-за-ку не о чем ту-'. The second staff is the piano accompaniment, starting with a key signature change to D major and a 2/4 time signature. The third staff continues the piano accompaniment with a first ending (1.) and a second ending (2.), with lyrics '-жить, -жить.'.

50. Сине моречко

Си-не мо-реч-ко ко-лы-ха-ет-
-ся, о-реш-ле-бе-дем ку-па-ет-
-ся.

The musical score consists of three staves. The first staff is the vocal line in G major, 2/4 time, with lyrics 'Си-не мо-реч-ко ко-лы-ха-ет-'. The second staff is the piano accompaniment in G major, 2/4 time, with lyrics '-ся, о-реш-ле-бе-дем ку-па-ет-'. The third staff continues the piano accompaniment with lyrics '-ся.'.

51. Доля казака

♩ = 58

Вот са-ни-ло мо-ё ре-ти-ро... О —

— е-ды О сто-ро-н(и)-ке д(и) об(и) род(и) —

— ной. Вот са-ни-ло мо-ё ре-ти-ро... О —

— е-ды О сто-ро-н(и)-ке д(и) об(и) род(и)-ной.

The musical score consists of four staves. The first staff is the vocal line, starting with a treble clef, a key signature of one flat (B-flat), and a 4/4 time signature. The tempo is marked as quarter note = 58. The lyrics are written below the notes. The second and third staves are piano accompaniment, with the second staff starting in 3/4 time and the third in 2/4 time. The fourth staff continues the piano accompaniment, ending with a double bar line and repeat dots.

52. Скакал казак через долину

Ска_кал ка_зак че_рез до_ли — ну че —

— рез маи_хур_ски_е кра_я ска_кал он

воц_ник о_ди_но — кий, влес_тит ко_лечко на ру_

— ке.

53. Скакал казак через долину

$\text{♩} = 54$

The musical score is written in a single system with five staves. The first staff is a treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. It contains a melodic line starting with a quarter note G4, followed by a half note A4, a quarter note B4, a quarter note A4, a quarter note G4, a quarter note F#4, and a quarter note E4. The second staff continues the melody with a quarter note D4, a quarter note C4, a quarter note B3, a quarter note A3, a quarter note G3, a quarter note F#3, and a quarter note E3. The third staff continues with a quarter note D3, a quarter note C3, a quarter note B2, a quarter note A2, a quarter note G2, a quarter note F#2, and a quarter note E2. The fourth staff continues with a quarter note D2, a quarter note C2, a quarter note B1, a quarter note A1, a quarter note G1, a quarter note F#1, and a quarter note E1. The fifth staff continues with a quarter note D1, a quarter note C1, a quarter note B0, a quarter note A0, a quarter note G0, a quarter note F#0, and a quarter note E0. The lyrics are written below the staves, with hyphens indicating syllables that span across multiple notes.

Ска — кап ка — зак че — рез до — ли —
 — ну, че — рез кава — каз — ски — е кра — я, ска —
 — кап он всад — ник о — ди — но — кий бле —
 — стит ко — леч — ко на ру — ке.

54. Скрылось солнце за горою

♩ = 44

Скрылось солн — це за го — ро — ю, си —

— дит ка — зач — ка у ок — на, си —

— дит о — на с ду — шой у — ны — лой, а

сле — зи лют — ся из о — чей. Си... дет.

The musical score for 'Скрылось солнце за горою' is written in G major (one flat) and 3/4 time. It consists of four staves of music. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one flat, and a 3/4 time signature. The melody is simple and folk-like. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables that span across notes. The second and third staves continue the melody and lyrics. The fourth staff concludes the piece with a double bar line and repeat signs.

55. Как под веткой, под рябиной

♩ = 52

Как под веткой, под ря — би — ной бед — на

хи — жи — на сто — ит да, как во э —

The musical score for 'Как под веткой, под рябиной' is written in G major (one flat) and 3/4 time. It consists of two staves of music. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one flat, and a 3/4 time signature. The melody is simple and folk-like. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables that span across notes. The second staff continues the melody and lyrics, ending with a double bar line and repeat signs.

— ТОЙ БИЛО БИЛО ВО ХИ ЖО... ВО ХИ —
 — ЖО. О. И(И) КЕ. Ой да там ка — за —
 — чи я же — на, же — на жи — ла. Ой да там ка —
 — за — чи — я же — на жи — ла да ни от
 ку — да взя лись, взя лись дво и ге —
 — ро... два ге — ро — я, ой да про — сту —
 — ча — лись о — ни о — ни у ок — на.

56. Стлала, стлала полковница

♩ = 50

Музыкальный фрагмент для песни «Стлала, стлала полковница». Он состоит из четырех нотных строк. Первая строка — мелодия в 3/4 такта, тональность D major. Вторая и третья строки — аккомпанемент в 3/4 такта. Четвертая строка — аккомпанемент в 2/4 такта. Под нотами даны русские слова: «Стла_ла, сла_ла пол_ков_ни_ца мяг_кую пос_тель_ку, жда_ла, жда_ла пол_ков_ни_ца пол_ков_ни_ка в гос_ти.»

Стла_ла, сла_ла пол_ков_ни_ца
 мяг_кую пос_тель_ку,
 жда_ла, жда_ла пол_ков_ни_ца
 пол_ков_ни_ка в гос_ти.

57. Из-за леса выезжает молодой казак

♩ = 78

Музыкальный фрагмент для песни «Из-за леса выезжает молодой казак». Он состоит из двух нотных строк. Первая строка — мелодия в 4/4 такта, тональность B-flat major. Вторая строка — аккомпанемент в 4/4 такта. Под нотами даны русские слова: «Из-за ле_са вы_ез_жа_ет мо_ло_дой ка_зак, из_за ле_са вы_ез_жа_ет»

Из-за ле_са вы_ез_жа_ет мо_ло_дой ка_зак,
 из_за ле_са вы_ез_жа_ет

МО-ЛО-ДОЙ КА-ЗАК, МО-ЛО-ДОЙ КА-ЗАК.

е-го ша-ка на-ве-кре-ни

и ши-нель в пби-ли, и ши-нель в пби-ли.

шёл-ко-вой он мел-кой шле-тью

ко-ня по-ну-кол, ко-ня по-ну-кол.

58. Люблю я казаченьку

♩ 70

Музыкальный фрагмент для песни 'Люблю я казаченьку'. Он состоит из двух систем нот. Первая система имеет темп 70 и ритм 2/4. Вторая система имеет ритм 7/8. В обеих системах есть ноты для голоса и фортепиано. Под нотами для голоса указаны слова песни.

Лю-лю я ка-за-чень-ку, лю-лю мо-ло-до-го,
лю-лю мо-ло-до... о-го из пол-ка лю-бо-го.

59. Сторона ли ты, моя сторонка

♩ = 54

Музыкальный фрагмент для песни 'Сторона ли ты, моя сторонка'. Он состоит из двух систем нот. Первая система имеет темп 54 и ритм 2/4. Вторая система имеет ритм 2/4. В обеих системах есть ноты для голоса и фортепиано. Под нотами для голоса указаны слова песни.

Сто-ро-на-ли ты мо-я сто-ро-на-ка,
рас-ро-ди-ма-я мо-я ой (и) да ско-ро-во

я ой мо-я сто-рон — (и) — ка

ой да вновь у — ви — жу я те — бя. вновь у —

— ви — жу я те — бя, ой(и) да, не у — ви — жу

мо-жет быть у — слы — шу ой да звук на

ворб_ке со _ ло _ вья.

60. Течет речка

$\text{♩} = 70$

Те_чёт реч_ка по пе.соч.ку, о_на ка_мень то_чит,
 мо.ло.дой ка_зак, мо.ло.дой ка_зак а_та_ма_на
 про_сит, мо.ло.дой ка_зак, мо.ло.дой ка_зак
 а_та_ма_на про_сит.

61. Ох, во дороге

$\text{♩} = 88$

Ох (би) во до-ро-ге. Ох (би) во до-
ро-ге Эх! Во до-ро-ге там слу-
чи-ла-ся бе-да Эх! Во до-ро-ге
там слу-чи-ла-ся бе-да.

The musical score is written on four staves in 2/4 time. The melody is in the treble clef, and the accompaniment is in the bass clef. The lyrics are written below the notes, with some words underlined. The piece ends with a double bar line.

62. Эх, при дороге

$\text{♩} = 58$

Эх при до-ро-ге, эх при до-ро-ге. Эх,
при до-ро-ге там слу-чи-ла-ся бе-да.

The musical score is written on two staves in 2/4 time. The melody is in the treble clef, and the accompaniment is in the bass clef. The lyrics are written below the notes, with some words underlined. The piece ends with a double bar line.

63. Во лугах

$\text{♩} = 96$

1. Во лу-га, лу-га, лу-га во зе-лё-ных
— е лу-га, во зе-лё-ных е лу-га.

2. Во шея-ко-вой тра-вою- (н) — ке се-ре-бря-
— ря-но ко-леч-но, се-ре-бря-но ко-леч-но за-жи-
— га-ло сердеч-но.

The musical score is written on five staves. The first staff shows the beginning of the first line with a treble clef and a 2/4 time signature. The notes are mostly quarter notes with stems pointing down. The second staff continues the first line with eighth notes and a final half note. The third staff begins the second line with quarter notes. The fourth staff continues the second line with eighth notes. The fifth staff concludes the second line with quarter notes and a final half note. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables that span across multiple notes.

64. Во поле было, поле

♩ - 96

Во по-ле бы-ло по-ле, во по-ле бы-ло по-

-ле, во по-ле бы-ло по-ле в ши-ро-ком раз-доль-е.

Во по-ле бы-ло по-ле в ши-ро-ком раз-доль-е.

Сто-я-ло вы-рас-та-ло, сто-я-ло вы-рас-та-

-ло, сто-я-ло вы-рас-та-ло та-ко низ-ко дре-во,

сто-я-ло вы-рас-та-ло та-ко низ-ко дре-во.

65. Казак вернулся к Саше

Музыкальное произведение в нотной записи. Оно состоит из трех систем. Первая система — мелодия в нотном стане с ключом F# и ритмом C. Вторая система — аккомпанемент в нотном стане с ключом F# и ритмом C. Третья система — мелодия в нотном стане с ключом F# и ритмом C. Под нотами дан текст песни.

Е — хая ти — хо над ре — ко — ю у — да —
 — лой ка — зак, су — ра — жеч — ку —
 на — рек — ре — ния, весь му — дир в ли — ли.

66. Сидел ворон

♩ = 67

Музыкальное произведение в нотной записи. Оно состоит из четырех систем. Первая система — мелодия в нотном стане с ключом Bb и ритмом 2/4. Вторая система — аккомпанемент в нотном стане с ключом Bb и ритмом 2/4. Третья система — мелодия в нотном стане с ключом Bb и ритмом 2/4. Четвертая система — мелодия в нотном стане с ключом Bb и ритмом 2/4. Под нотами дан текст песни.

Си — дел во — рон на бе — лой бе — ре — се да, а мой ми — лый
 на се — ром ко — не, ой да не жу — ри — ся
 мо — я до — ро — га — я, в чу — жой даль — ней
 ой да сто — ро — не.

67. Сторона ли ты, моя сторонка

♩ = 60

Сторона ли ты моя сторонка.
Скорой вижду я тебя,
Скорой вижду я тебя, услышу
звук на зорьке соловья.

The musical score is written on four staves. The first staff contains the vocal melody with lyrics. The second staff is a piano accompaniment. The third and fourth staves continue the piano accompaniment. The key signature has two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is 4/4. The tempo is marked as quarter note = 60.

68. Прослужил казак три года

♩ = 58

Прослужил казак три года отдал коня своего ласка-
— катъ. Конь, конь мой верный,

The musical score is written on two staves. The first staff contains the vocal melody with lyrics. The second staff is a piano accompaniment. The key signature has two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is 2/4. The tempo is marked as quarter note = 58.

конь ре-ти-вый. Нет,
нет мне лу чше то ко
ня.

69. Из-за леса, леса темного

Из-за ле са ле-са тем
но го, не бе-ла за-ря
за-ни ма-ла-ся,

70. Ой, там на горе

$\text{♩} = 66$

Ой там на го-ре, ой там (би) на кру-той, ой

$\text{♩} = 60$

там си-де-ла па-ра го-лу-

— бей, ой там си-де-ла па-ра го-лу-

— бей.

Detailed description: This is a musical score for a song. It consists of five staves. The first staff is the vocal line, starting with a tempo marking of quarter note = 66. The lyrics are 'Ой там на го-ре, ой там (би) на кру-той, ой'. The second staff is the first accompaniment line, with a tempo marking of quarter note = 60. The lyrics are 'там си-де-ла па-ра го-лу-'. The third staff is the second accompaniment line, with the lyrics '— бей, ой там си-де-ла па-ра го-лу-'. The fourth and fifth staves are additional accompaniment lines, with the lyrics '— бей.'.

71. Ты послушай-ка, сестра

$\text{♩} = 76$

Ты по-слу-шай-ка сест-ра, про те-бя и-дёт мол-ва,

не по-ра ли те-бя за-муж от-да-ва-ти,

не по-ра ли те-бя за-муж от-да-ва-ти.

Detailed description: This is a musical score for a song. It consists of three staves. The first staff is the vocal line, starting with a tempo marking of quarter note = 76. The lyrics are 'Ты по-слу-шай-ка сест-ра, про те-бя и-дёт мол-ва,'. The second staff is the first accompaniment line, with the lyrics 'не по-ра ли те-бя за-муж от-да-ва-ти,'. The third staff is the second accompaniment line, with the lyrics 'не по-ра ли те-бя за-муж от-да-ва-ти.'.

72. Во субботу, день ненастный

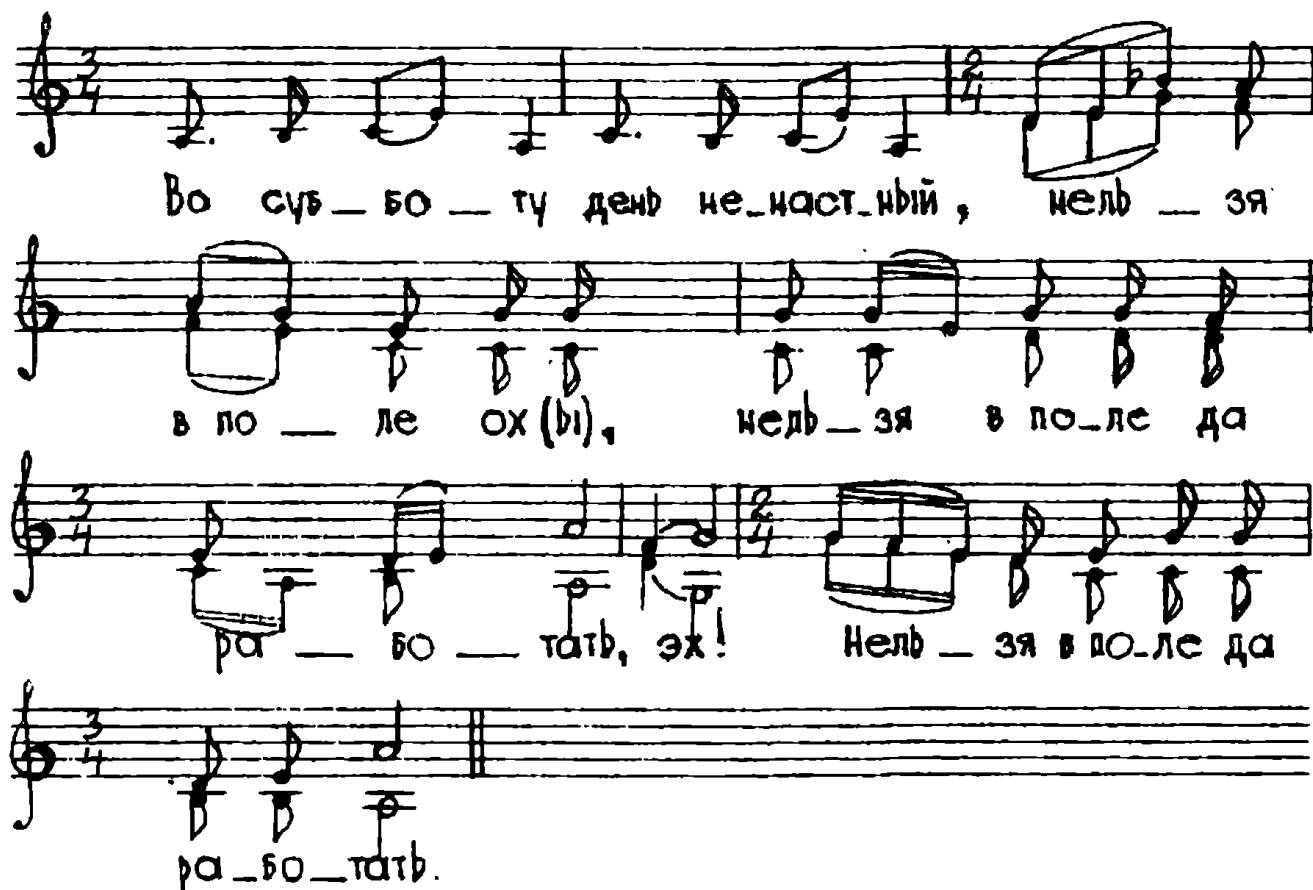
♩ = 54

Во суб-бо-ту день не-на-стный, нель-зя в по-ле,
 нель-зя в по-ле ра-бо-татъ,
 нель-зя в по-ле ра-бо-татъ.

73. Во субботу, день ненастный - 2

♩ = 48

Во суб-бо-ту день не-на-стный, нель-зя
 в по-ле ох (би), нель-зя в по-ле да
 ра-бо-татъ, эх! Нель-зя в по-ле да
 ра-бо-татъ.

74. Что ты, пташка, приуныла?

♩ = 54-56

Музыкальное произведение в 4/4 такте. Оно состоит из четырёх нотных строк. Первая строка содержит мелодическую линию с ритмом, соответствующим темпу 54-56 уд. в минуту. Вторая и третья строки представляют аккомпанемент, включающий восьмые и шестнадцатые ноты. Четвёртая строка завершает мелодическую фразу. Под каждой строкой расположены русские слова, соответствующие нотам.

Что ты пта — — — — — шка при — у — ны — ла,
не слы — хать твой го — ло — сок да, и — ли
жизнь те — бе не ми — ла, жал — ко во — ли до — ро — той.

75. Скучно пташке

♩ = 76

Музыкальное произведение в 4/4 такте. Оно состоит из четырёх нотных строк. Первая строка содержит мелодическую линию с ритмом, соответствующим темпу 76 уд. в минуту. Вторая и третья строки представляют аккомпанемент, включающий восьмые и шестнадцатые ноты. Четвёртая строка завершает мелодическую фразу. Под каждой строкой расположены русские слова, соответствующие нотам.

Ску — чно пта — — — — — шке си — деть в клет — ке,
жаль ей во — — — — — ли до — ро — той,
на зе — лё — ной лу — чше вет — ке,
чем во клет — ке зо — ло — той.

76. За городом

$\text{♩} = 56$

The musical score is written on seven staves. The first staff shows the tempo marking $\text{♩} = 56$ and the key signature of two sharps (F# and C#). The time signature is 2/4. The melody is written on a treble clef staff. The lyrics are written below the notes. The accompaniment is written on a bass clef staff, featuring a simple harmonic pattern with chords and single notes. The lyrics are: За го-ро-дом го-ры вы-со-ки, за го-ро-дом солн-це го-рит, у-е-хал мой ми-лый да-лё-ко, по ми-ло-му серд-це бо-лит, у-е-хал мой ми-лый да-лё-ко, по ми-ло-му серд-це бо-лит.

За го-ро-дом го-ры вы-со-ки, за
го-ро-дом солн-це го-рит, у-е-хал мой
ми-лый да-лё-ко, по ми-ло-му
серд-це бо-лит, у-е-хал мой
ми-лый да-лё-ко, по ми-ло-му
серд-це бо-лит.

77. Что за Ваня за купец ?

♩ = 56

The first system of music consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature. The music features a melody in the upper staff and a bass line in the lower staff, with some rests in the first two measures.

Что за Ва-ня, за ку — пец, об-ма-нул дев — чо — нуч-ку,

The second system of music continues the melody and bass line from the first system. It consists of two staves in treble and bass clefs with a key signature of one sharp and a 2/4 time signature. The melody in the upper staff has a long note in the final measure, and the bass line in the lower staff also has a long note in the final measure.

ра — зу — да — лий мо — ло — пец.

78. Со вечера дождь идет

♩ = 66

The first system of music for 'Со вечера дождь идет' consists of a single treble clef staff with a key signature of two sharps (F# and C#) and a 4/4 time signature. The melody begins with a quarter rest followed by a series of notes.

Со ве — чё — ра дождь и — дёт

The second system of music continues the melody in the treble clef staff with a key signature of two sharps and a 4/4 time signature. It includes a measure with a 2/4 time signature change.

по ут — ру да ну ту — ман, на ме-ня на

The third system of music continues the melody in the treble clef staff with a key signature of two sharps and a 4/4 time signature. It includes a measure with a 7/8 time signature change.

де-ви-цу вое го-ре да ну пе — чаль.

79. Летел ворон

♩ = 42

1. Ле-тел - (в) во-рон спо над сад зе - лё - най, да

стая (в) ка - ли - ну кле - вать. Ле-тел (в) во-рон

спо над сад зе - лё - най да, стая (в) ка - ли - ну кле -

- вать. 2. Лю - бля - (в) па - рень мо-ло-ду див - чи -

- ну да, стал (би) е - ё за - би - вать.

Лю - би - л (би) па - рень мо - ло - ду див - чи - ну да,

стал (би) е - ё за - би - вать.

80. Ой, там на горе

$\text{♩} = 54$

Ой там на го_ре, ой там(в) на кру_той, ой

там си_де_ла па_ра го_лу_

_вей, ой там си_де_ла

па_ра го_лу_вей.

81. Соловей-соловьюшек

$\text{♩} = 80$

Со_ло_вей со_ло_вью_шек

чтож ты не ве_сёл, го_ло_ву по_

_ве сил(и), зе_рна не клю_ёшь.

82. Уж ты, сад, ты, мой сад

Уж ты день, ты мой день. День вс —
— сё — лён — кий да. Сад зе — лё...
ой сад зе — лё — нён — кий.

The musical score for 'Уж ты, сад, ты, мой сад' is written in 2/4 time. It consists of three staves. The first staff is the vocal line with lyrics: 'Уж ты день, ты мой день. День вс —'. The second staff is the piano accompaniment with lyrics: '— сё — лён — кий да. Сад зе — лё...'. The third staff is the piano accompaniment with lyrics: 'ой сад зе — лё — нён — кий.'.

83. Со вечера дождик

$\text{♩} = 66$

Со ве — чё — ра до — ждик. По — ут — ру да ну ту — ман,
на ме — ня на де — ви — цу эх, и го — ре да ну — пе — чаль

The musical score for 'Со вечера дождик' is written in 2/4 time with a key signature of one sharp (F#). It consists of two staves. The first staff is the vocal line with lyrics: 'Со ве — чё — ра до — ждик. По — ут — ру да ну ту — ман,'. The second staff is the piano accompaniment with lyrics: 'на ме — ня на де — ви — цу эх, и го — ре да ну — пе — чаль'.

84. Ясный мой сокол

♩ = 92

Яс_ный мой да ты со_кол - же, вы_со_ко ле_тал, ле -
_тал, ле - тал. Э...
ой (и) да че - го там вы -
_дал.

The musical score is written on four staves. The first staff begins with a treble clef, a key signature of two sharps (F# and C#), and a 4/4 time signature. The tempo is marked as ♩ = 92. The melody is written in a single line. The lyrics are written below the notes. The second staff continues the melody and includes a fermata over the word 'Э...'. The third staff continues the melody and includes a fermata over the word 'ой (и)'. The fourth staff ends with a double bar line and a fermata over the word 'дал.'.

85. Спородила молода дивчина

♩ = 50

Спо - ро - ди - ла Эх! Мо - ло - да дев(ы) - чи - на, да
тай хо - ро... хо - ро - ше - го си - на. Спо - ро -
- ди - ла эх! Мо - ло - да дев(ы) - чи - на, да тай хо - ро..
хо - ро - ше - го си - на.

86. Что Иванушка по берегу идет

♩ = 66

1. Что И-вануш-ка по ре-реч-ку и-дет

он и-дет, он и-дет и хо-трё-хлет-

ся. 2. Он и-дет и-дет (би) не трё... о-хлет-ся,

чёр (би)-ны куда (би)-ры не ше-лю-хлут-

87. Из-под камушка, из-под белого

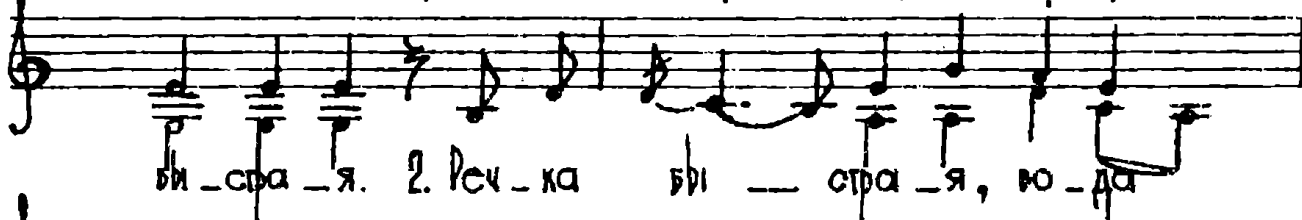
♩ = 70

1. Из-под камушка, из-под

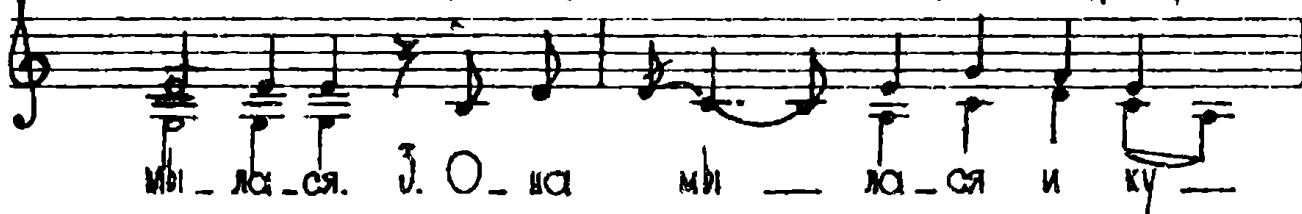
ре-ло-го ды те-чет. ре-чень-ка ды реч-ка

бы-стра-я. 2. Реч-ка бы-стра-я, ю-да

чис-ста-я ды как. той реч-ке ды, до-ка

мы-ла-ся. 3. О-на мы-ла-ся и ку-

Па-ла-ся дн, рбі-шла на бе-рег (бі) дн-во-
 ва-ла-ся. Ё. Как же на му-жу воз (бі) мо-
 ли-ла-ся дн в ро-з(и) рн но-же (и) ки дн во-кло-
 ня-ла-ся.

88. Ой, ты подуй!

$\text{♩} = 60$

Ой (и) ты по-дуй, ой (и) ты по-дуй,
 по-дуй ве-тер (бі) со го-рбі да
 по-дуй ве-тер со го-рбі.

Ой (и) ты у-бей, ой (и) ты у-бей,
 у-бей му-жа ста-ро-го, да
 у-бей му-жа ста-ро-го.

89. На заре было на зореньке

♩ = 86

На зо-ре бы-ло на зо-ре (и) ке да
 на зо-ре бы-ло на ут-рен-ней.

90. Загорелась во поле калина

$\text{♩} = 46$

За - го - ре — ла во по - ле ка - ли - на —

за - ю - ле — ло у ка - за - ка сер - це

за — ю — ле — ло у ка - за - ка сер - це,

чу - жи же — вы в по - ле ра - бо - та — ют,

знал (в), знал (в) вы маль - чик не же - нил - ся,

по - ступ - лия (в) вы маль - чик во сол (в) - да — ть.

пос - ту — пил (в) вы маль - чик во сол (в) - да — ть,

по - лу - чил (в) вы чи - на о - фи - це — ра.

91. Ой, да снежки белые

♩ = 50

1 Ой да снеж-ки ве-ды е вло-ле пу-ши-сты,
 ой да при-на-кри-ли по-леч-ко всё. 2. По-ле всё,
 ой да ед-мо по-ле вы-ло не-на-кри-то,
 Ой да го-ре лю-то-е да мо-ё. ой да мо-ё.

92. Уж как по двору, по дворицу

♩ = 102

Уж как по дво-ру, по дво-рик-це, ой
 по ши-ро-ко-му раз-доль-ни-це

по ши - ро - ко - му рас - дов - ни - це, э,
 тут хо - дят, гу - ляя у - да - лий
 мо - ло - дец (ы) тут хо - дят, гу - ляя у - да - лий мо - ло - дец (ы).

93. Час да по часу

$\text{♩} = 76$

Ча - с(ы) да по ча - су день про - хо - дит,
 солн - це взой - дёт в э - тот час.
 Ку - да скрива - ся мой (и) да хо - ро - ший
 с кем про - ща - лась я да че - ра.

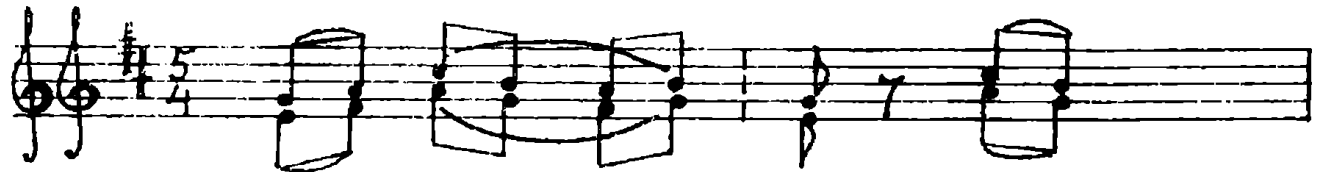
94. Еще чей это садок

♩ = 126

1. [_щѐ чѣй э _ то са _ док (и) зе _ ле _ нѐ _ ше _
 _ нѣк сто _ ит зе _ ле _ нѐ _ ше _ нѣк сто _ ит (и) зе _ ле _
 _ не _ ет _ ся да 2. Зе _ ле _ нѐ _ ше _ нѣк сто _
 _ ит (и) зе _ ле _ не _ ет _ ся как во са _ ди. ке. ка _
 _ пу _ с(и) _ ка бе _ ла и бе _ ла да.

95. Не бела-то заря

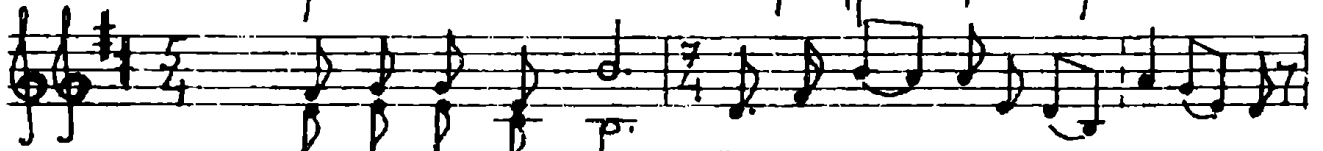
1. Не бе _ ла _ то за _ ря во _ ко _ ше _
 _ че за _ ря взо _ шла,

ой до — ро — ох —

— ку не све-тел ме — сяц до — ро-жку

ми-лый про-све-тия. 2. Не све-тел ты ме-сяц до-ро-жку

ми-лый про-све-тия

он у-е-хал у-е — е —

— е — хал(би) не ска-зал(би) ду —

— ша мо-я про-щай.

96. Ой, пойду я во конюшенку

Ой пойду я да во конюшенку,
 о седлаю во-роно-го коня.

The musical score consists of three staves. The first staff contains the melody with lyrics 'Ой пойду я да во конюшенку,'. The second staff contains the accompaniment with lyrics 'о седлаю во-роно-го коня.' and includes a '7' above a measure. The third staff continues the accompaniment with lyrics 'но-го коня.' and includes a '3' above a measure. The key signature has three sharps (F#, C#, G#) and the time signature is 2/4.

97. Ой, брала я розу

Ой брала я розу в се-ле-ном са-ду ой
 бра-ла бро-са-ла во вист-ру ре-ку, ой
 бра-ла бро-са-ла во вист-ру ре-ку.

The musical score consists of three staves. The first staff contains the melody with lyrics 'Ой брала я розу в се-ле-ном са-ду ой'. The second staff contains the accompaniment with lyrics 'бра-ла бро-са-ла во вист-ру ре-ку, ой'. The third staff continues the accompaniment with lyrics 'бра-ла бро-са-ла во вист-ру ре-ку.' and includes a '2' above a measure. The key signature has one sharp (F#) and the time signature is 2/4.

98. Во двор свашенька въехала

$\text{♩} = 60$

Во двор сва — тен — ка въе — ха — ла,
О — на гор — да сле — си — ва — я.

The musical score for 'Во двор свашенька въехала' is written in G major (one sharp) and 6/8 time. It consists of two staves. The first staff contains the vocal melody with lyrics 'Во двор сва — тен — ка въе — ха — ла,'. The second staff contains the piano accompaniment with lyrics 'О — на гор — да сле — си — ва — я.' The tempo is marked as quarter note = 60.

99. Ой, по морю, морю синему

$\text{♩} = 56$

Ой (и) по мо_рю, ой (и) по мо_рю как по
мо_рю, мо_рю си — не — му как по мо_рю, мо_рю
си — не — му.

The musical score for 'Ой, по морю, морю синему' is written in G major (one sharp) and 3/4 time. It consists of three staves. The first staff contains the vocal melody with lyrics 'Ой (и) по мо_рю, ой (и) по мо_рю как по'. The second staff contains the piano accompaniment with lyrics 'мо_рю, мо_рю си — не — му как по мо_рю, мо_рю'. The third staff contains the vocal melody with lyrics 'си — не — му.' The tempo is marked as quarter note = 56.

100. Станем Ванюшку женити

♩ = 120

Музыкальный фрагмент в 2/4 такте, тональность B-flat major. Темп 120 уд./мин. Сопровождение на фортепиано. Текст песни:

Ста-нем Ва-нюш-ку же-ни-ти ста-нем Ва-нюш-ку же-
 — ни-ти, ста-нем Ва-нюш-ку же-нить — пол-то-ра-сто
 лет про-жить, ста-нем Ва-нюш-ку же-нить пол-та-ра-сто
 лет про-жить.

101. Уж ты, матушка Волга-река

♩ = 58

Музыкальный фрагмент в 2/4 такте, тональность B-flat major. Темп 58 уд./мин. Сопровождение на фортепиано. Текст песни:

Уж ты ма-туш-ка Во-лга ре-ка
 воз-ве-ли-ка кру-ти ве-ре-га.

102. При последнем было вечеру

$\text{♩} = 58$

1. При по сле — дши ми ло ве — че ром да

ой у Марь юш — ке ка де — ви — шисч — ку.

2. У Марь юш — ке ка де — ви — шисч — ку да

со да — лё ка ви — ле — тал со — коя.

103. Ой, верба

$\text{♩} = 66$

Ой (и) ве — рба к зем. ле кло — кит — ся да
 ни — ку — дря — ва при — кло — ня — ет — ся.

Detailed description: The score is in 3/4 time with a tempo of 66. It features a single melodic line on a treble clef staff. The key signature has two flats (B-flat and E-flat). The lyrics are written below the notes, with some words connected by horizontal lines to indicate phrasing.

104. Не от ветру

$\text{♩} = 80$

1. Ни от вет — ру, ни от ви —
 — хо — рю да ю во — ро — ти — ки да ра...
 рас — жа — ри — ли — ся. 2. У во — рот сто — ят
 ко — ни во — ро — нби да при...

Detailed description: The score is in 2/4 time with a tempo of 80. It features a single melodic line on a treble clef staff. The key signature has two sharps (F# and C#). The lyrics are written below the notes, with some words connected by horizontal lines. There are two versions of the first line of lyrics, labeled '1.' and '2.'. The score includes various musical notations such as slurs, ties, and repeat signs.

при-кло-ни-ли да то... ю-ни го — ло —
— вы.

105. Вот поплыла селезенюшка

$\text{♩} = 90$

1. Вот по-плы-ла се-ле-зе-нюш-ка вдоль по ре-чке,

ой ля да, ой ля ли. 2. Вдоль по ре-

— чке вот по-плы-ла ко-ся-чи-ца, вдоль по бы-

— строй, ой ля да, ой ля ли.

106. Веря моя, верюшка

$\text{♩} = 82$

The musical score is written on a single treble clef staff with a key signature of two sharps (F# and C#) and a 3/4 time signature. It consists of two verses. The first verse begins with a tempo marking of quarter note = 82. The melody is simple and folk-like, with lyrics written below the notes. The second verse follows a similar pattern. The score includes various musical notations such as eighth notes, quarter notes, and half notes, along with rests and phrasing slurs. The lyrics are in Russian and describe a 'my dear, my little faith'.

1. Ве-ре-я мо-я ве-ре-юш-ка,
ве-ре-я мо-я то-че-на-я, ой ле-ли
ле-ли лей, ве-ре-я мо-я то-че...

2. Ве-ре-я мо-я то-че-на-я,
то-че-на-я по-зла-че-на-я, ой ле-ли
ле-ли лей, то-че-на-я по-зла-че...

107. Дунули ветры

$\text{♩} = 84$

1. Ду — ну — ли вет — ры, ду — ну — ли
вет — ры, ой ду — ну — ли вет — ро — ки
буи — ны — е, ой ду — ну — ли вет — ро — ки
буи — ны — е. 2. Бря — кну — ли ско — би,
бря — кну — ли ско — би, ой бря — кну — ли
ско — би се — ре — бря — ны — е,

The musical score is written on seven staves. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one sharp (F#), and a 2/4 time signature. The tempo is marked as quarter note = 84. The melody is written on the upper staff, and the accompaniment is on the lower staff. The lyrics are written below the notes. The score includes two versions of the first line of the song, separated by a double bar line. The second version starts with a 3/4 time signature. The key signature remains one sharp throughout. The melody features various note values including quarter, eighth, and sixteenth notes, as well as rests and slurs. The accompaniment consists of chords and single notes, often with a bass line. The lyrics are in Cyrillic and describe the wind blowing and the sound of the wind.

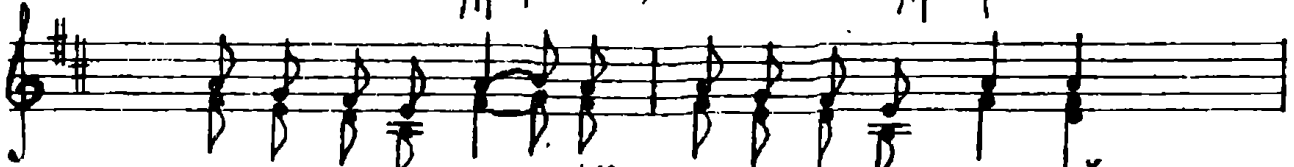
ой бря — кну — ли ско — би се — ре — бря — ны —
 — е. 3. Скри — пчу — ли во — ро — та,
 скри — пчу — ли во — ро — та, ой скри — пчу — ли
 во — ро — та ду — бо — вень — ки — е,
 ой скри — пчу — ли во — ро — та ду — бо — вень — ки —
 — е.

108. Повозник кудрявый

$\text{♩} = 92$

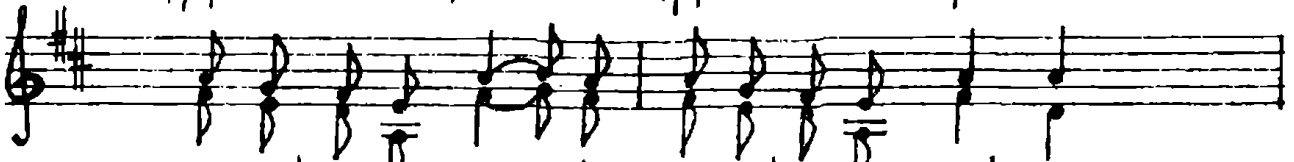
По-воз-ник куд-ря-вый, по-воз-ник куд-ря-вый,

ещё ку-че-ря-вый, ещё ку-че-ря-вый.

Дер-жи воз-жи ров-но, дер-жи воз-жи ро-вно,

у-дарь ко-ня бо-льно, у-дарь ко-ня бо-льно.

Чтоб я не слы-ха-ла, чтоб я не слы-ха-ла,

как ма-туш-ка пла-чет, слё-зно воз-ры-да-ет.

109. Ветры дунули

ду-ну-ли ве-тры, ду-ну-ли ве-тры,

ой ду-ну-ли ве-тро-ки ду-и-ви-е,

ой ду-ну-ли ве-тро-ки ду-и-ви-е.

110. Куда, доченька, собираешься?

♩ = 69

Ку-да до-чень-ка со-би-ра-ешь-ся,

как ле-бё-душ-ка о-би-ра-ешь-ся.

111. Ой, вьюн во реке

$\text{♩} = 72$

Ой вьюн во ре_ке, ой вьюн во ре_ке
из ви_ва_ет_ся, из ви_ва_ет_ся.

Detailed description: The score is in 2/4 time with a tempo of 72. It features a vocal line and a guitar accompaniment. The vocal line starts with a whole rest, followed by the lyrics 'Ой вьюн во ре_ке, ой вьюн во ре_ке'. The guitar accompaniment consists of chords and single notes, with some notes enclosed in boxes to indicate fingerings.

112. Ой, вьюн над водой

$\text{♩} = 92$

1. Ой вьюн над во_дой, ой вьюн над во_дой,
воз_ви_ва_ет_ся, да воз_ви_ва_ет_ся.
— ва... — а — ет_ся.

2. Ой эльб у во_рот, ой эльб у во_рот.

3. Он про_сит сво_ё, он про_сит сво_ё.

Detailed description: The score is in 2/4 time with a tempo of 92. It features a vocal line and a guitar accompaniment. The vocal line has three parts: 1. 'Ой вьюн над во_дой, ой вьюн над во_дой, воз_ви_ва_ет_ся, да воз_ви_ва_ет_ся. — ва... — а — ет_ся.' 2. 'Ой эльб у во_рот, ой эльб у во_рот.' 3. 'Он про_сит сво_ё, он про_сит сво_ё.' The guitar accompaniment consists of chords and single notes.

♩ = 82

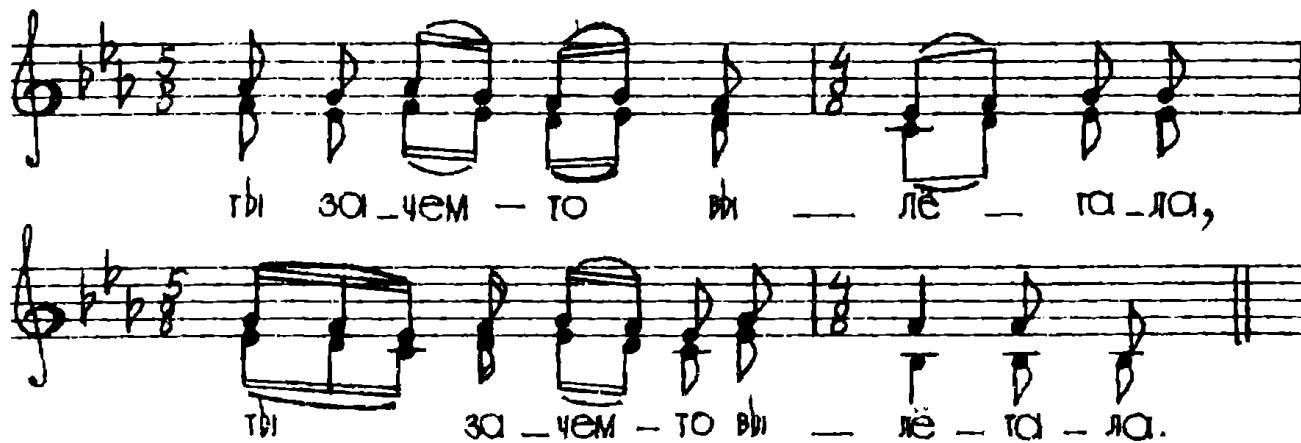
113. Быстрая речка

1. Бы-стра-я реч-ка, бы-стра-я реч-ка у во-рот,
у во-рот-(би), ой (и) ля ли, ой ля ли, да ля ли
у во-рот, у во-рот. 2. Част-ной по-езд, част-ной по-езд
во дво-ре, во дво-ре, ой (и) ля ли,
ой ля ли, да ля ли во дво-ре, во дво-ре.

114. Ты куда, ута-утица?

♩ = 104

Ты ку-да, у — та, у — ти — ца,
ты ку-да, у-та, у — ти — ца,

ты за-чем — то вы — ле — та — ла,
ты за — чем — то вы — ле — та — ла.

115. Во горенке во новой

$\text{♩} = 96$

Во го-рен-ке, во но-вой, во го-рен-ке,
во но-вой. Во но-вой, во но-вой
во но-вой, во но-вой.

116. На горе-то виноград растёт

$\text{♩} = 108$

На го-ре — то ви-но-град рас-тёт,
 на го-ре — то ви-но-град рас-тёт,
 а-ла я-го-да ма-ли-на во лу-гах цве-тёт,
 а-ла я-го-да ма-ли-на во лу-гах цве-тёт.

117. Ой, хмелюшка

$\text{♩} = 72$

1. Ой хме-лю-шка, да хме-ли — ну... уш-ка,
 хме-ли я-ро-вой-ли. Ой — ли-ля ли,
 ой-ля ли-ля — а ли, хме-ли я-ро-вой.

2. Над (в) - ро - ру хо - дит да хме - ли - ну... у - шка,
 сте - лет - ся да. Ой - (и) ля ли,
 ой ля ли, да ля... а ли сте - лет - ся.

118. Розан, мой розан

$\text{♩} = 120$

Ро - зан мой ро - зан, ви - но - град зе - лё - ный,
 кто у нас хо - ро - ший, кто у нас при - го - жий,
 ро - зан мой ро - зан, ви - но - град зе - лё - ный

119. А кто у нас холост?

♩ = 92

1. А кто у нас холост, а кто не же-на-тый,
ро-зая (bi) мой ро-зая (bi) ви-но-град (bi) зе-лё-ный. 2. А кто не же-на-тый,
во-лос куд (bi)-ре-ва-тый, ро-зая (bi) мой ро-зая (bi), ви-но-град (bi) зе-лё-ный. 3. В ко-нюш-ню за-хо-дит,
ко-ней вы-би-ра-ет, ро-

сан (би) мой ро- сан (би), ви но- град (би) зе
ле- ный.

120. Как на горке калина

♩ = 104

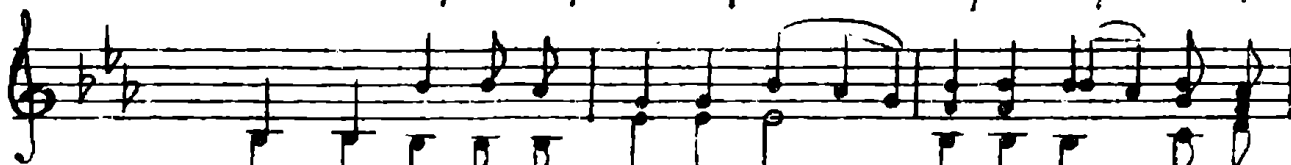
Как на гор-ке ка-ли-на да, как на
гор-ке ка-ли-на. Под го-ро-ю Са-шень-ка
ма-ли-на да, под го-ро-ю Са-шень-ка ма-ли-на.

121. УЖ ВЫ, КУМУШКИ

$\text{♩} = 142$

1. Уж вы ку — муш — ки да вы го — лу — буш — ки,

на — по — и — ли да вы ме — ня, на — по — и — ли да

вы ме — ня 2. Под со — сён (в) — ку да под зе — лё — на — ю

снят по — ло — жи — ли да од — (в) — нди — ю,

снят по — ло — жи — ли да од — нди — ю 3. Уж ты

со — сён — (в) — ка да ты зе — лё — на — я

не ка-чай-ся да на до мной,
не ка-чай-ся да на до мной. 4. Уж ты

122. Кума к куме приходила

$\text{♩} = 120$

Ку-ма к ку-ме при-хо-ди-ла,
ку-ма к ку-ме при-хо-ди-ла,
при-хо-ди-ла ку-ма, при-хо-ди-ла,
при хо-ди-ла ку-ма, при-хо-ди-ла.

123. Я из горницы в горницу ходила

♩ = 112

Я из гор-ни-цы в гор-ни-цу хо-ди-ла, я из
гор-ни-цы в гор-ни-цу хо-ди-ла, я хо-
-ди-ла, я хо-ди-ла, я хо-ди-ла, я хо-
-ди-ла, я хо-ди-ла, я хо-ди-ла.

124. Вот и гребень, вот и лен

♩ = 138

ку-ма к ку-ме при-хо-ди-ла, ку-ма к ку-ме
при-хо-ди-ла. При-хо-ди-ла ку-ма, при-хо-ди-

— ла. Вот и пре-бень, вот и лён, вот и со-рок ве-ре-тён,
 ПРИ-ХО-ДИ — ла.

125. Как на девичий на праздник

$\text{♩} = 92$

1. Как на де-ви — чий на празд-ник на Кузь-му Демб —
 — я на вы-па-да-ла тут по-ро-ша
 бе-ла-я хо-ро-ша 2. Вы-па-да-ла тут по-ро-ша
 бе-ла-я хо-ро-ша как по э-той
 по по-ро-ше шёл Ва-ня хо-ро-ший.

126. Светит месяц

♩ = 116

Све-тит ме-сяц, све-тит яс-ный не вы-со-ко э
ой ли, ой ля ли да не вы-со-ко эх
про-во-жа-ла я ми-ло-го не да-ле-ко э
ой ли, ой ля ли да не да-лѐ-ко эх!

The musical score for 'Светит месяц' is written in 2/4 time with a tempo of 116. It consists of four staves of music. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one flat (B-flat), and a 2/4 time signature. The melody is simple and rhythmic, with lyrics underneath. The second and fourth staves feature a more complex accompaniment with a bass clef and a key signature of one flat. The lyrics are: 'Све-тит ме-сяц, све-тит яс-ный не вы-со-ко э', 'ой ли, ой ля ли да не вы-со-ко эх', 'про-во-жа-ла я ми-ло-го не да-ле-ко э', and 'ой ли, ой ля ли да не да-лѐ-ко эх!'.

127. Пора гостям со двора

— ра, со дво-ра. А мне ма-дой,
а мне ма-дой, а мне ма-дой не по-ра, не по-
— ра, а мне ма-дой не по-ра, не по-ра.

The musical score for 'Пора гостям со двора' is written in 2/4 time. It consists of three staves of music. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one flat (B-flat), and a 2/4 time signature. The melody is simple and rhythmic, with lyrics underneath. The second and third staves feature a more complex accompaniment with a bass clef and a key signature of one flat. The lyrics are: '— ра, со дво-ра. А мне ма-дой,', 'а мне ма-дой, а мне ма-дой не по-ра, не по-', and '— ра, а мне ма-дой не по-ра, не по-ра.'.

$\text{♩} = 116$

По-ра го - стям, по-ра го - стям, по-ра

го-стям со дво-ра, со дво-ра, по-ра го-стям со дво-

128. Ой, да во лужях

$\text{♩} = 90$

Ой да во - лу - зях, ой да во - лу зях. Во лу -

- зях бы - ло во зе - ле - ных са - дах, во лу - зях бы - ло во

зе - ле - ных са - дах.

129. Пошли девки на работу

$\text{♩} = 98$

По-шли дев-ки на ра-бо-ту. По-шли дев-ки
 ка ра-бо-ту. Эх! До-ньи, до-ньи мо-ло-ды-е,
 дев-ки-ва-вы у-да-ли-е на ра-бо-ту,
 на ра-бо-ту.

130. Не вставай-ка, любушка, раненько

$\text{♩} = 73$

1. Не вста-вай-(и)-ка дьи лю-буш-ка,
 ра-нень-(и)-ко, ой (и) лё-ли

ти - ли - ли, лё - ли ра - нень - ко.

2. Не че - ши - ка го - ло - вуш - ку,
гла - день - ко, ой (и) лё - ли

ти - ли - ли, лё - ли гла - день - ко.

131. У Катюши муж гуляка

$\text{♩} = 118$

У Ка - тю - ши муж гу - ля - ка. У Ка - тю - ши

муж гу - ля - ка. Ба - ры - ня ты мо - я, су - да - ри - ня

ты мо - я, муж гу - ля - ка, муж гу - ля - ка.

132. Ой вы, гости, мои гости

$\text{♩} = 74$

Ой вы го_сти мо_и го_сти, го_сти зва_ны _
_е мо_и, ой-ли, ой-ли, ой да лю-ли, да
го_сти зва_ны _е мо_и.

The musical score for 'Ой вы, гости, мои гости' is written in a single system with three staves. The key signature has three sharps (F#, C#, G#) and the time signature is 2/4. The tempo is marked as quarter note = 74. The melody is on the top staff, and the accompaniment is on the bottom two staves. The lyrics are written below the staves.

133. Деревушка да небольшая

$\text{♩} = 120$

Де_ре_вуш_ка да не. боль_ша_я, соя_да_
_та_ми да за_ня_та_я, ром, ром дев_ки
ром и ром и ром.

The musical score for 'Деревушка да небольшая' is written in a single system with three staves. The key signature has one flat (Bb) and the time signature is 2/4. The tempo is marked as quarter note = 120. The melody is on the top staff, and the accompaniment is on the bottom two staves. The lyrics are written below the staves.

134. Не сказать ли вам, братцы

$\text{♩} = 120$

Не ска_зать ли вам брат_цы как я там бы_вал,

не ска_зать ли вам брат_цы как я там бы_вал,

как я, как я, как я там бы_вал.

135. Ходила, гуляла

$\text{♩} = 104$

Хо_ди_ла гу_ля_ла Ма_ша во луж_ках,

не зна_ла в по_ру вре_мя о сво_их ле_тах.

не зна_ла в по_ру вре_мя о сво_их ле_тах,

трай_рай_рам, трай_рай_рам,

двѣ — чи — на мо — я ми — ла, хо — ро — ша и чер — но — бро — ва,

двѣ — чи — на мо — я ми — ла, хо — ро — ша и чер — но — бро — ва.

136. Хороша наша Татьяна

$\text{♩} = 132$

1. Хо — ро — ша на — ша Татъ — я — на да хо — ро — ша на — ша Татъ — я — на, лю — ба, лю — ба, лю — ба, лю — ба, лю — ба, лю — ба, лю — ба, лю — ба.

лю — ба, лю — ба, лю — ба. 2. О — на бе — ла и ру — мя — на, лю — ба, лю — ба, лю — ба, лю — ба, лю — ба, лю — ба, лю — ба.

лю — ба, лю — ба, лю — ба, лю — ба, лю — ба.

137. Эжты, гульба!

$\text{♩} = 69$

The musical score is written in 2/4 time and consists of three systems, each with a vocal line and a piano accompaniment line. The lyrics are in Cyrillic and include some phonetic notations like 'x(bi)'.

System 1:
 1. Э — х(би) ты гульба. Э — х(би) ты гульба да
 раз-ве-се-ла-я гульба да раз-ве-се-ла-я гульба.

System 2:
 2. Э — х(би) ты по-дуй. Э — х(би) ты по-дуй.
 По-дуй ве-тер со ю-ри, по-дуй ве-тер со ю-ри.

System 3:
 3. Э — х(би) со ю-ри. Э — х(би) со ю-ри да

со во-сточ-ной сто-ро-ны со во-сточ-ной сто-ро-ны.

138. Бел заинка

$\text{♩} = 80$

1. Бел(и) за-ин-ка да, бел за-ин-ка,
 бел за-ин-ка гор-ю-ста-ин-ка, бел за-ин-ка
 гор-ю-ста-ин-ка да. 2. Ку-да бе-жишь (и),
 ку-да бе-жишь, ку-да бе-жишь, не во-ро-тишь -
 ся на-зад. Ку-да бе-жишь не во-ро-тишь-ся на-зад да.

СОДЕРЖАНИЕ

История – песня, песня – душа казака (Вступительная статья А.И. Лазарева).....	3
Исторические песни	
1. Как доселева про Киян-море не слыхано	36
2. Взятие Азова	36
3. Ургенч	37
4. Ой-да, ты пролей-ка, пролей, сильный дождичек..	39
5. Как по морю, морю синему.....	39
6. Стенька Разин.....	39
7. Как по матушке, братцы, по Волге.....	40
8. Некрасовцы	41
9. На заре было, на восходике	42
10. Пыль клубится	42
11. Как двенадцатого года.....	42
12. Смерть Александра Первого	43
13. Как поехал наш царь Александр.....	44
14. Сине море зашумело	44
15. Грянем грудью на неверных!	45
16. На заре-то было	45
17. Поле чистое турецкое	45
18. Как за реченькой за Утвой.....	46
19. Ой, да вспомним, братцы.....	46
20. Вдоль по линии Урала.....	47
21. Недаром помнятся походы	47
22. Ночи темны, тучи грозны	47
Военно-походные песни	
23. Яикушка.....	51
24.1. Ты взойди-ка, взойди, туча грозная	51
24.2. Ты взойди-ка, взойди.....	52
25. Сыр-матерый дуб	52
26. Слобода-слободушка	53
27. Ой, забелели снежки.....	53
28. Солетались соколы.....	54
29. Под ракитою зеленой.....	54

30. Поехал казак на чужбину.....	55
31. Поехал казак.....	55
32. Поехал казак на сером коне	55
33. По широким степям Украины.....	56
34. Как по синему по моречку.....	56
35. Уж вы, горы мои	57
36. Из-за рощицы зеленой.....	58
37. Осенние звезды	58
38. Там вдали гром грохотал	59
39. Из-за леса копия мечей	59
40. Из-за леса копия мечей	59
41. За лесом солнце воссияло	60
42. За Уралом, за рекой.....	60
43. На посту стоял	61
44. Вот отправился солдат	61
45. Как во поле было, поле.....	62
46. Конь боевой.....	62
47. Из-за гор-то, гор	62
48. Пристигает служба царская.....	63
49. Молодцу-казаку не о чем тужить.....	63
50. Сине моречко.....	63
Военно-бытовые песни	
51. Доля казака.....	67
52. Скакал казак через долину.....	67
53. Скакал казак через долину.....	68
54. Скрылось солнце за горою	68
55. Как под веткой, под рябиной.....	69
56. Стлала, стлала полковница	69
57. Из-за леса выезжает молодой казак	70
58. Люблю я казаченьку.....	71
59. Сторона ли ты, моя сторонка.....	71
60. Течет речка.....	71
61. Ох, во дороге	72
62. Эх, при дороге.....	72
63. Во лугах	73
64. Во поле было, поле.....	73
65. Казак вернулся к Саше.....	74
66. Сидел ворон	74
67. Сторона ли ты, моя сторонка.....	75
68. Прослужил казак три года	75
69. Из-за леса, леса темного.....	76

Любовные, семейно-бытовые проголосные песни

70. Ой, там на горе.....	79
71. Ты послушай-ка, сестра.....	79
72. Во субботу, день ненастный.....	80
73. Во субботу, день ненастный 2.....	80
74. Что ты, пташка, приуныла?.....	80
75. Скучно пташке.....	81
76. За городом.....	81
77. Что за Ваня за купец?.....	82
78. Со вечера дождь идет.....	82
79. Летел ворон.....	83
80. Ой, там на горе.....	83
81. Соловей-соловьюшек.....	83
82. Уж ты, сад, ты, мой сад.....	84
83. Со вечера дождик.....	84
84. Мой сокол.....	85
85. Что дила молода дивчина.....	85
86. Из-под кушкa по берегу идет.....	86
87. Ой, ты подушкa, из-под белого.....	86
88. На заре было на зореньке.....	87
89. Загорелась во поле калина.....	87
90. Ой, да снежки белые.....	88
91. Уж как по двору, по дворицу.....	88
92. Час да по часу.....	89
93. Еще чей это садок.....	89
94. Не бела-то заря.....	90

Календарно-обрядовые и свадебные песни

96. Ой, пойду я во конюшенку.....	93
97. Ой, брала я розу.....	93
98. Во двор свашенька въехала.....	93
99. Ой, по морю, морю синему.....	94
100. Станем Ванюшку женити.....	94
101. Уж ты, матушка Волга-река.....	95
102. При последнем было вечеру.....	95
103. Ой, верба.....	96
104. Не от ветру.....	96
105. Вот поплыла селезенюшка.....	96
106. Веряя моя, вереюшка.....	97
107. Дунули ветры.....	98
108. Повозник кудрявый.....	99

109. Ветры дунули	99
110. Куда, доченька, собираешься?	99
111. Ой, вьюн во реке	100
112. Ой, вьюн над водой	100
113. Быстрая речка	101
114. Ты куда, ута-утица?	102
115. Во горенке во новой	102
116. На горе-то виноград растет	102
117. Ой, хмелюшка	103
118. Розан, мой розан	103
119. А кто у нас холост?	104
120. Как на горке калина	104
Игровые шуточные песни	
121. Уж вы, кумушки	107
122. Кума к куме приходила	110
123. Я из горницы в горницу ходила	110
124. Вот и гребень, вот и лен	111
125. Как на девичий на праздник	111
126. Светит месяц	112
127. Пора гостям со двора	112
128. Ой, да во лузях	113
129. Пошли девки на работу	114
130. Не вставай-ка, любушка, раненько	114
131. У Катюши муж гуляка	114
132. Ой вы, гости, мои гости	115
133. Деревушка да небольшая	116
134. Не сказать ли вам, братцы	116
135. Ходила, гуляла	117
136. Хороша наша Татьяна	118
137. Эх ты, гульба!	118
138. Бел зайнка	119
Комментарии (Составил А.И.Лазарев)	120
Список литературы	127
Примечания к песням	133
Ноты песен (Подготовил А.В.Глинкин)	159

Анатолий Викторович Глинкин
Александр Иванович Лазарев

ПЕСНИ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ
Старые и новые записи

Редактор Л.Н. Лазарева

Сдано в набор 30.03.95. Подписано в печать 26.04.95.
Формат 60x84 1/16. Бумага газетная. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ л. 16,6. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 500 экз.
Заказ 1223. Цена договорная.

Копейская типография Уральского информационного центра
Администрации Челябинской области.